

С пользой для Отечества

12+

МОНОМАХ

№ 1 (139)
Февраль 2024

Историко-краеведческий,
культурно-просветительский журнал
Выходит 6 раз в год

Директор ОГАУ ИД «Ульяновская правда»: А.В. Шишов
Главный редактор объединённой редакции
ИД «Ульяновская правда»: И.М. Арановская
Главный редактор журнала «Мономах»: О.Г. Шейпак
Дизайн и вёрстка номера: О.О. Тюльпа
Руководитель корректорского отдела: Н.В. Степченко

Редакционный совет:

И.И. Егоров, председатель редакционного совета, председатель
Счётной палаты Ульяновской области;

В.Н. Егоров, председатель Ульяновской историко-архивной
комиссии;

Е.К. Беспалова, председатель Совета отделения Российского
исторического общества в Ульяновской области, заведующая
научно-исследовательским отделом музея-заповедника «Родина
В.И. Ленина»;

Л.П. Баюра, главный научный сотрудник Ульяновского областно-
го художественного музея, кандидат искусствоведения;

О.Е. Бородина, краевед, член Российского исторического
общества;

О.Н. Даранова, учёный секретарь Дворца книги – Ульяновской
областной научной библиотеки им. В.И. Ленина;

А.А. Долматов, старший научный сотрудник Музея А.А. Пластова;
М.В. Корепов, доцент кафедры зоологии УлГПУ им. И.Н. Ульяно-
ва, кандидат биологических наук;

Н.В. Липатова, доцент кафедры истории Отечества, регионоведе-
ния и международных отношений УлГУ, к.и.н., ведущий специ-
алист Центра стратегических исследований Ульяновской области;
Л.Н. Нецветаев, почётный архитектор России, доцент кафедры
АСП УлГТУ;

А.Г. Пашкин, директор Государственного архива новейшей исто-
рии, к.и.н.;

Г.В. Романова, заместитель директора – начальник отдела ис-
пользования и публикации документов Государственного архива
Ульяновской области;

И.Э. Сивопляс, научный сотрудник музея-заповедника «Родина
В.И. Ленина»;

Д.В. Травкин, председатель Ульяновского регионального отделе-
ния Российского общества «Знание», председатель Ульяновского
регионального отделения РГО;

А.Ю. Шабалкин, ведущий архивист Государственного архива
Ульяновской области;

А.В. Шишов, директор издательского дома «Ульяновская правда».

Учредитель:

Правительство Ульяновской области

Издатель: ОГАУ ИД «Ульяновская правда»,
432048, Ульяновская область, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, д. 11

Адрес редакции:

432048, Ульяновская область, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, д. 11

Тел. 8 (8422) 41-04-32

e-mail: 1994monomah@mail.ru

www.ulmonomah.ru

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ № ТУ 73-00387 от 21.11.2014 г.

Цена свободная

Подписано в печать 01.02.2024 г.

Дата выхода 09.02.2024 г.

Формат 60x84 1/8; усл. печ. листов 7,44

Тираж 1000 экз. Заказ № 33

Отпечатано с готового оригинал-макета

в АО «Печатный двор». 432049, Ульяновская область,
г. Ульяновск, ул. Пушкина, 27, тел. (8422) 29-70-19,
e-mail: ul-pd@mail.ru

Содержание

Тема номера: города и веси

Ольга Шейпак. Куда хочется возвращаться чаще..... 1

Татьяна Качкина. Сергей Прокопенко. Милая малая родина... 2

Галина Плотникова.

Новый город: как недавнее прошлое становится историей... 13

Литературный ковчег

Софья Узбекова. Бесценное наследие Александра Пушкина

и Дениса Давыдова 16

Нина Васильева. Милые спутники..... 23

С уважением к прошлому

Андрей Мокеев. Конец истории храма во имя св. блг. князя

Александра Невского в Мелекесе..... 28

Антон Южанин.

Печатный орган Комуча «Мелекесская газета» 31

Владимир Гуркин. Неизвестный рисунок Симбирска первой

четверти XIX века 33

Николай Ларионов. За женское просвещение..... 38

Дмитрий Семенов. Война и мир главврача Емельянова 39

Герои не умирают

Нина Дубовик. Александр Матросов. Возвращение домой 43

Альбина Вершинина. «Хочу быть лучше, чище, выше»..... 48

Иван Сивопляс. Фадеев из Федькино 50

Наши люди

Валентина Костягина. Александр Маркелычев..... 53

Геннадий Дёмочкин. Тамара Бунич. Мгновения судьбы 60

Он был душой Ульяновска. Сергей Храмцов 64

На обложке – Музей леса в р. п. Старая Майна. Фото Николая Захарчева.

На обороте обложки – фото Владимира Ламзина.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приня-
ты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достовер-
ность фактов несут ответственность авторы статей. Мнение авторов может
не совпадать с позицией редакции.
Перепечатка любых материалов без письменного согласия издателя запрещена.

Оформите подписку не выходя из дома:

– с помощью компьютера

– на сайте podpiska.pochta.ru – с помощью смартфона по QR-коду:

Подписной индекс: ПА061

С 1 февраля «Почта России» объявляет досрочную подписку
на II полугодие 2024 г.

За 1 номер – 132,56 руб., за 3 номера – 397,68 руб.

Редакционная подписка дешевле, в том числе для юридических лиц.

Стоимость подписки в редакции:

за 1 номер – 100,00 руб.

Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32. E-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам в г. Ульяновске:

ул. Пушкинская, 11, каб. 104 (тел. 8 (8422) 41-04-32);

ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;

пр-т Ленинского Комсомола, 41, ком. 412 (тел. 8 (8422) 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку

через агентство «Урал-Пресс Нижний Новгород»

тел. 8 (908) 483-39-94.

Приобрести журнал в розницу

можно в киосках «Симбирская печать»,

в литературном музее «Дом Языковых» (ул. Спасская, 22),

в Музее А.А. Пластова (ул. Гончарова, 16),

в музее изобразительного искусства XX–XXI веков

(ул. Л. Толстого, 51),

в Ульяновском областном краеведческом музее им. И.А. Гончарова,

(б-р Новый Венец, д. 3/4)

4 6 0 7 1 4 6 2 2 0 3 6 9

24001 >

Куда хочется возвращаться чаще...

В начале 1990-х годов, когда начинался «Мономах», была создана общественная редакция Симбирской-Ульяновской энциклопедии. Краеведы с энтузиазмом взялись за работу по сбору материалов по истории нашего региона. Все мы в ту пору горели желанием сохранить памятники культурного наследия, пробудить национальное самосознание, передать потомкам культурный код. Два-три раза в неделю выезжали в малые города и сёла: фотографировали сохранившиеся дворянские усадьбы, храмы, памятники зодчества, беседовали со старожилыми сёл. Ульяновские краеведы – Алексей Сергеевич Сытин, Ольга Егоровна Бородина, Татьяна Алексеевна Громова, Альбина Фёдоровна Гарина и многие другие – работали совершенно бесплатно, на общественных началах. Мы свято верили, что пере-

стройка и политические перемены помогут сохранить, восстановить и отреставрировать исторические памятники. Увы, наши мечты не сбылись. Зато мы твёрдо уяснили, что нужно ценить и всеми силами оберегать всё, что имеем. А имеем мы многое. Историческая память сильна, она спасает молодые сердца от бездушия и цинизма, подвигает к духовному поиску.

У каждого человека есть милая малая родина, куда хочется возвращаться как можно чаще. Там (даже в исчезающих деревнях) мы чувствуем связь с предыдущими поколениями, с родными людьми. Нам важна каждая мелочь, связанная с местом рождения, любая историческая картинка или упоминание о ней.

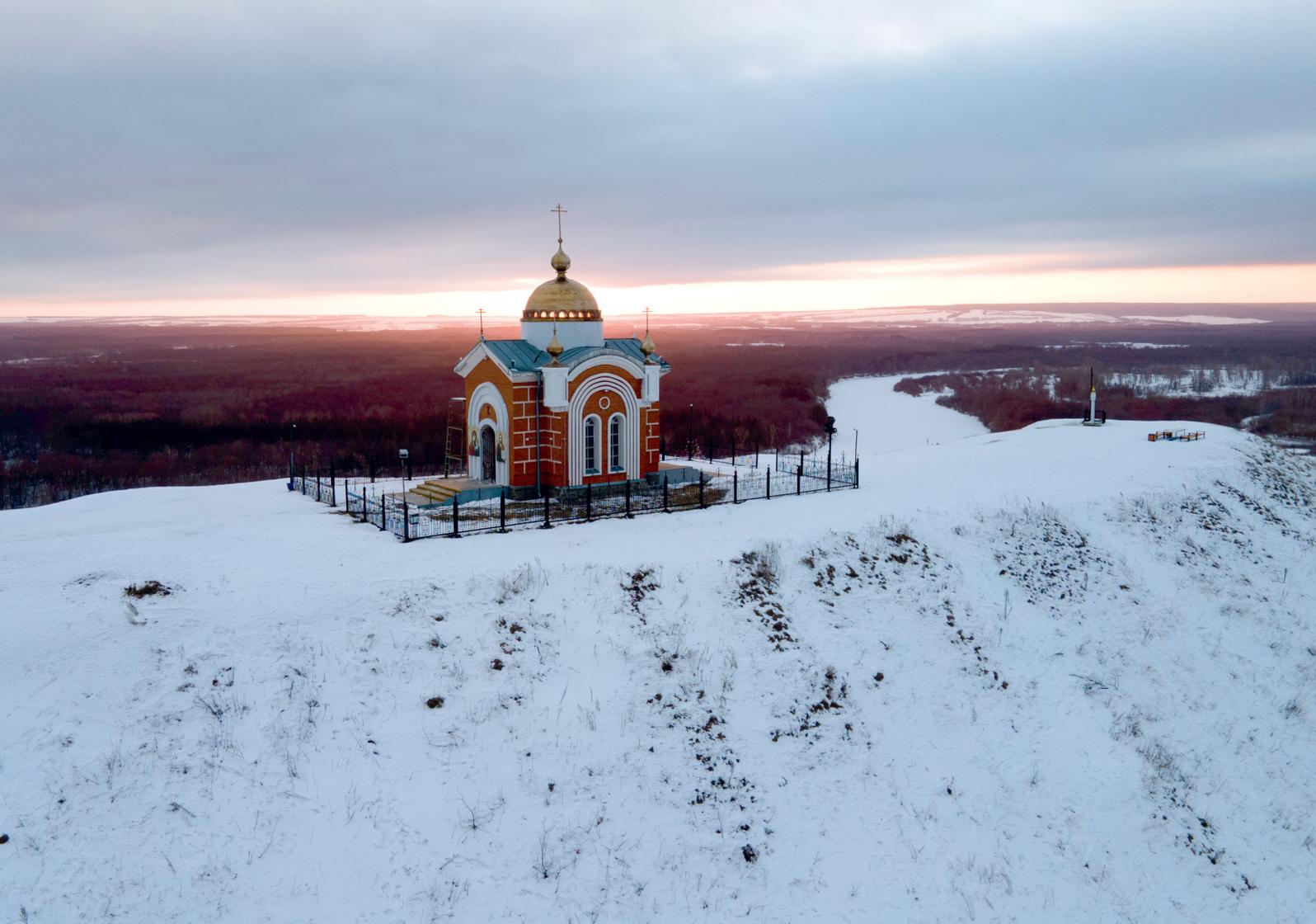
Слава Богу, сегодня работа по сохранению исторического наследия в Ульяновской области продолжает-

ся, не иссякает родник энтузиазма краеведов. Выходят новые книги и энциклопедии, увековечивающие память о тружениках сёл и городов, о военных подвигах земляков, о цене мирной жизни.

В этом выпуске журнала читатель найдёт материалы о нашей глубинке. Это лишь отголосок большой исследовательской работы, которая проводится Институтом истории и культуры региона ОГАУК «Ленинский мемориал». Цель поисковой работы – пробудить любовь к своей родине, уважение к ее истории и культуре.

Мы призываем жителей области, всех неравнодушных людей делиться своими воспоминаниями о родных местах, о близких людях и значительных событиях. Эти зарисовки уходящей эпохи не истлеют – мы оставим их в дар потомкам.

Ольга Шейпак

Милая малая родина

Каждый житель Ульяновской области дорожит памятью о малой родине – о родном городе, селе, деревне. Человеку дорого всё, что касается истории поселения, где он родился. Надеемся, что книга «Города и поселения Ульяновской области», выпущенная Центром стратегических исследований Ульяновской области, поможет жителям региона найти ценную информацию о малой родине. В 2023 году вышел второй том этого издания. С ним наших читателей познакомят доктор исторических наук, руководитель Института истории и культуры региона ОГАУК «Ленинский мемориал» **Сергей Алексеевич Прокопенко** и кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и культуры региона ОГАУК «Ленинский мемориал» **Татьяна Борисовна Качкина**.

Инициатором проекта «Города и поселения Ульяновской области» выступило Ульяновское отделение историко-архивной комиссии, однако с 2015 года основная работа над этой энциклопедией сосредоточилась в Институте истории и культуры региона. Большую помощь в сборе и обработке материалов оказали краеведы, в том числе члены Союза краеведов Ульяновской области.

В 2019 году вышел первый том (372 с.), в котором были опубликованы статьи о городах области (Ульяновске, Димитровграде, Новоульяновске), селениях городских округов Ульяновск и Новоульяновск, а также о селениях Барышского и Базарносызганского районов. В написании статей приняли участие 48 авторов.

В 2023 году увидел свет второй том (608 с.), в который включены статьи о населённых пунктах трёх районов – Вешкаймского, Инзенского и Карсунского. Над ним работали 53 автора. В фотографировании и обработке фото и карт участвовали 16 человек. Возглавил работу над вторым томом В.В. Ошкин при общем руководстве С.А. Прокопенко.

Оба тома содержат справочный аппарат: именную указатель, список сокращений. Во второй том включена подборка материалов из Государственного архива Ульяновской области. Это документы 1920-х годов, раскрывающие механизмы территориально-

административных преобразований, а также карты-схемы исчезнувших населённых пунктов по каждому из названных районов.

Особенностью второго тома стало введение в научный оборот новых источников по истории XX века, например документы, отражающие этапы колхозного строительства.

Три района, объединённые по алфавитному принципу, на практике представляют территориально компактный субрегион на западе области. Ядром его исторически является Карсунский район – бывший Карсунский уезд. Территории Вешкаймского района ранее входили в состав Карсунского и Симбирского уездов, затем Тагайского и Карсунского и снова Карсунского. Административно это были семь волостей: Вешкаймская, Анненковская, Беклемишевская, Белоключевская, Каргинская, Малокарсунская, Старозиновьевская. Земли Инзенского района ранее были в составе не только Карсунского и Симбирского уездов, но частично Пензенской и Саратовской губерний – всего 11 бывших волостей (Троицкая, Коржевская, Сосновская, Аргаишская, Базарносызганская, Сурская, Большеушатовская, Горинская, Панциревская, Маисская и Борисовская).

У всех населённых пунктов нашего края своя интересная, а порой и трагическая биография, свои памятные места, архитектурные и природные достопримечательности. Их истории схожи, но каждая неповторима. Она не всегда видна человеку постороннему, однако для земляков дороги упоминания родных имён и названий. Работа над проектом «Города и поселения Ульяновской области» для этого и ведётся, чтобы вспоминали и помнили. И ещё – чтобы передавали память, ведь от многих деревень и сёл сегодня остались лишь названия.

Фраза «история малой родины – часть истории страны» избитая, но от вторения не менее верная. Попробуем рассказать об интересном, необычном, чтобы книгу хотелось читать, рассматривать фотографии и карты, наконец – приехать и увидеть своими глазами.

Заселение Симбирского-Ульяновского Поволжья

Летом 2004 года на северо-западной окраине с. Архангельское Куроедово, у р. Туарма, ульяновскими археологами (руководитель Ю.А. Семькин) были раскопаны погребения грунтового могильника, относящиеся к эпохе позднего Средневековья. Предположительно, этот памятник оставлен мордовским (эрзянским) населением. В ходе раскопок были обнаружены предметы из цветного металла (ювелирные украшения, монеты), железные изделия (нож и кресало), изделия из стекла и камня (бусы), раковины-каури и другие. Найденные материалы позволяют судить о жизни, занятиях и быте древних земляков до начала освоения края Московским государством.

Старейшие сохранившиеся населённые пункты на территории районов, основание которых засвидетельствовано в письменных источниках, возникли в период строительства и обустройства Карсунской засечной черты – в 1647 году: Аргаш, Сокольский острог (Соколки), крепость Малый Карсунов (Старое Погорелово). На более западных землях Инзенского района к первым поселениям относятся Чумакино (1614), Новосурск (Кунеево, 1622), Коржевка (Старый Кожарок), Налитово (Налётово), Палатово, Челдаево (1624). Они играли роль военно-пограничных форпостов, выдвинутых на юг и юго-запад от черты. Большую роль в освоении края играли служилые казаки, которые несли военную службу и находились на самообеспечении. Государство жаловало им земли под пашни и сенокосы.

Вот что написано в издании о селе Вешкайма: «Возникло оно в 1665 г. как деревня **Вешкаймская Слобода**. «Деревня» означает в реалиях того времени отсутствие церкви, а значит, и самостоятельного прихода; «слобода» говорит о том, что на тот момент население (во всяком случае, значительная часть) не было закрепощено. <...> Основали деревню переселённые из г. Карсуна станичные дозорные казаки во главе с Д. Борзовым. Но казаки были не вольными (как на Дону или Тереке), а служилыми, то есть входили в сословие служилых людей «по прибору».

В связи с постройкой Карсунско-Симбирской засечной черты в 1648 году казаками было основано с. Пятинна (Пятино). Первыми жителями сёл Белозерье (1653) и Большая Кандарать (1657) тоже стали казаки, переведённые, соответственно, из

г. Уренск (ныне с. Базарный Урень) и из Карсуна. И так было в истории многих поселений.

Активные миграционные процессы до революции, тесно связанные с разрушением общинного землевладения, отразились в появлении на рубеже XIX–XX веков хутора Товарищество латышей (у Араповки), дер. Карпаты (ныне это часть с. Каргино), Красная Эстония. На момент переписи 1910–1911 годов Красная Эстония обладала набором самого современного сельхозинвентаря в волости. В наши дни в село Нижняя Туарма прибыли из Средней Азии немцы, создавшие агрофирму «Фройндшафт».

Революционные события

Войны и революционные события XX века не обошли стороной средневолокское село. 4 февраля 1905 года забастовали инзенские телеграфисты, 10–11 октября 1905 года железнодорожники приняли участие во всеобщей политической стачке, 9 декабря в Инзе был создан стачечный комитет.

Крестьянскими волнениями отозвался революционный 1906 год в селе Ахматово-Белый Ключ (Вешкаймский район). В экономии Герасимова крестьяне разгромили усадьбу, разогнали сельских рабочих и запретили выгонять барский скот на пастбище. В имении А.В. Антонова загородили жердями проезд в лес, забросали колями старосту экономии, лесника и конторщика.

25 мая 1907 года управляющий имением матюнинского помещика камер-юнкера В.Н. Стобеуса сообщил хозяину в Петербург: «*В имении вашем при сельце Матюнинке лес порублен самовольно крестьянами с. Канабеевки и Матюнинки, а также и землю в вашем имении как яровую, так и равно паровую запахали самоуправ-*

ством без моего согласия, без платежа аренды; первый крестьянин с. Матюнинки Павел Зайцев снял у меня в аренду пять десятин паровой и яровой и возмущил общество, чтобы всё общество пахало землю бесплатно, и продолжает пахать таковую до настоящего времени».

В 1917 году, с началом революции, вешкаймцы одними из первых в губернии объявили имущество помещиков народным достоянием. Повсеместно образовывались сельсоветы, а с 1918 года – комитеты бедноты. В 1918 году в Вешкайме была создана рота, которая вошла в один из полков 1-й армии РККА, участвовала в боях с чехословаками и армией Комуца. Уроженец села П.Н. Жеманов во время Гражданской войны воевал на Восточном фронте на бронепоезде красных «Свобода или смерть».

Во время Гражданской войны в Инзе располагался штаб 1-й революционной армии Восточного фронта, которой командовал М.Н. Тухачевский. В июне 1918 года в составе этой армии сформировалась Инзенская дивизия (будущая пятиорденносная Инзенская Сивашско-Штеттинская дивизия), в которую вошёл и отряд инзенских железнодорожников.

Чапанное восстание

В марте 1919 года Карсун и станция Вешкайма стали одними из центров крестьянского чапанного восстания. Оно получило название по зимней крестьянской одежде домашнего изготовления – чапану и распространилось на многие сёла Симбирской губернии. Крестьяне выступили против жестокости и несправедливости реквизиций скота, продразвёрстки и чрезвычайного налога. Борьба с обеих сторон велась самыми крайними средствами. В Вешкайме 19 марта 1919 года повстанцы разоружи-

Памятник жертвам чапанного восстания в Карсуне. 2019

Вид на село Большая Борисовка

ли группу продотрядников, изымавших в пользу государства большую часть урожая. К ним присоединились многие жители села. Совместно с повстанцами из соседних сёл и деревень они участвовали в штурме Карсуна, но были отброшены и бежали. Крестьянские отряды не могли сдерживать натиск красноармейцев и были разгромлены. Однако чапанка заставила правительство большевиков пересмотреть политику в отношении крестьян.

Колхозное строительство

В 2019 году, в 100-летнюю годовщину чапанного восстания, в Карсуне установлен памятник жертвам репрессий.

Период советской власти на селе был отмечен прежде всего колхозным строительством. Только в Вешкаймском районе в послевоенное время насчитывалось 72 коллективных хозяйства. Авторы книги «Города и поселения Ульяновской области» постарались показать, как формировались колхозы, в каких сёлах активно шло раскулачивание, сколько колхозники зарабатывали на трудодень, сколько земли поднимали и какими культурами засевали, как менялась тягловая сила и появилась на полях техника, как строились колхозные школы, дома культуры и клубы, больницы и библиотеки. В книге перечислены имена председателей колхозов, рядовых тружеников, которые отдали земле годы жизни. Особенно тяжело на селе было в годы Великой Отечественной войны, о чём свидетельствует бесстрастная статистика. Болезненная история развала колхозного хозяйства также нашла отражение в истории населённых пунктов.

В с. Коченяевка уже в 1921 году появилась сельхозартель «Утро» –

одна из первых в районе. Коммуна «Красное знамя» в 1930-е годы прославилась своим боровом-производителем Борисом II (528 кг, в холке 112 см), который превосходил мирового рекордсмена на заводе Гринеля в Великобритании.

В зажиточном с. *Вальдиватское* (Карсунский р-н) накануне массовой коллективизации на 324 двора общее поголовье домашнего скота включало 350–400 лошадей и примерно 400 голов молодняка, 500–600 дойных коров (телят – 400–500), около 2000 овец и 200–250 свиней. В богатых хозяйствах завели выездных лошадей. В организованный в селе колхоз «Красный Октябрь» в 1930 году вошли сначала 12 дворов, но со временем он объединил почти все личные хозяйства. 1 января 1932 года была создана одна из

первых в нашем крае Вальдиватская МТС. Колхоз стал передовым и участвовал во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

В 1970 году в результате разукрупнения совхозов был организован совхоз «Белозерский» с центром в с. Белозерье (Карсунский р-н). Совхоз имел 2700 голов КРС (в т. ч. 1100 коров), 30 000 свиней, 4500 овец, 4000 птиц, более ста лошадей. Ежегодно совхоз производил 2500 тонн молока, около 700 тонн мяса, 14,5 тонны шерсти. Овцеферма была лучшей в области. С 1976 года совхоз стал специализироваться на выращивании лука с полной механизацией всех процессов. Общая площадь семенников лука доходила до 120–130 га. С начала 1980-х годов здесь впервые в области начали внедрять семейный подряд. По догово-

Дракинские коновалы. 1931

Вид на село Палатово

Село Шарлово

рам личным подсобным хозяйствам выделялись семена лука на выращивание и молодняк скота на доращивание. Конечная продукция продавалась совхозу и в систему потребительской кооперации. Выращивающее ежегодно более тысячи тонн лука Белозерье стало известным как «луковое королевство». Оно было самым богатым в области. Жители покупали телевизоры, автомобили, квартиры, дома. В 1980-х годах в Белозерье выпускалась своя газета «Новости села».

Жители районов, о которых идёт речь во втором томе, вместе со всей страной пережили тяготы коллективизации, войны и голода. По воспоминаниям К.В. Дерябиной (с. Большая Кандарать Карсунского р-на), её «маму посадили за горшочек проса», который она собрала в жатву для больной младшей дочери.

Крестьянские промыслы

На селе занимались не только полеводством и животноводством. Здесь широко были распространены различные крестьянские промыслы.

Деревня *Бутырки* (Вешкаймский р-н) была известна как центр пошива сапог и котов (войлочные или суконные полусапожки) ещё в середине XIX столетия. В 1910 году здесь насчитывалось 129 сапожников из 242 мужчин, проживавших в деревне.

Село Ховрино (Вешкаймский р-н) превратилось в такой мощный центр сапожного дела, что в 1918 году на средства местного Союза башмачников были электрифицированы избы и улицы села.

В середине XIX века с. *Белозерье* (Карсунский р-н) находилось во владении князей Трубецких. Вслед за князьями, разводившими поро-

дистых лошадей для верховой езды, этим занялись и многие крестьяне. Доходы от коневодства составляли гигантскую по тем временам сумму – до 50 тысяч рублей. Селение славились также плотниками, валяльщиками зимней обуви, мастерами по изготовлению колёс, изделий из лыка. Многие занимались пчеловодством. Женщины – ткачеством, вязанием, вышивкой. В 1867 году в Белозерье открылось мужское начальное народное училище. Средства на его открытие были собраны самими жителями села.

В Инзенском крае славу центра деревообработки снискали *Аргаи* и окрестные селения: здесь издавна изготовляли сани-розвальни, в *Чумакино*, к примеру, гнули полозья, в *Палатове* делали колёса для телег (включая спицы, станы).

Бригада колхозников села Старое Погорелово
в годы войны

Памятный знак на месте исчезнувшей
деревни Зимнёнские Выселки

Село Коржевка

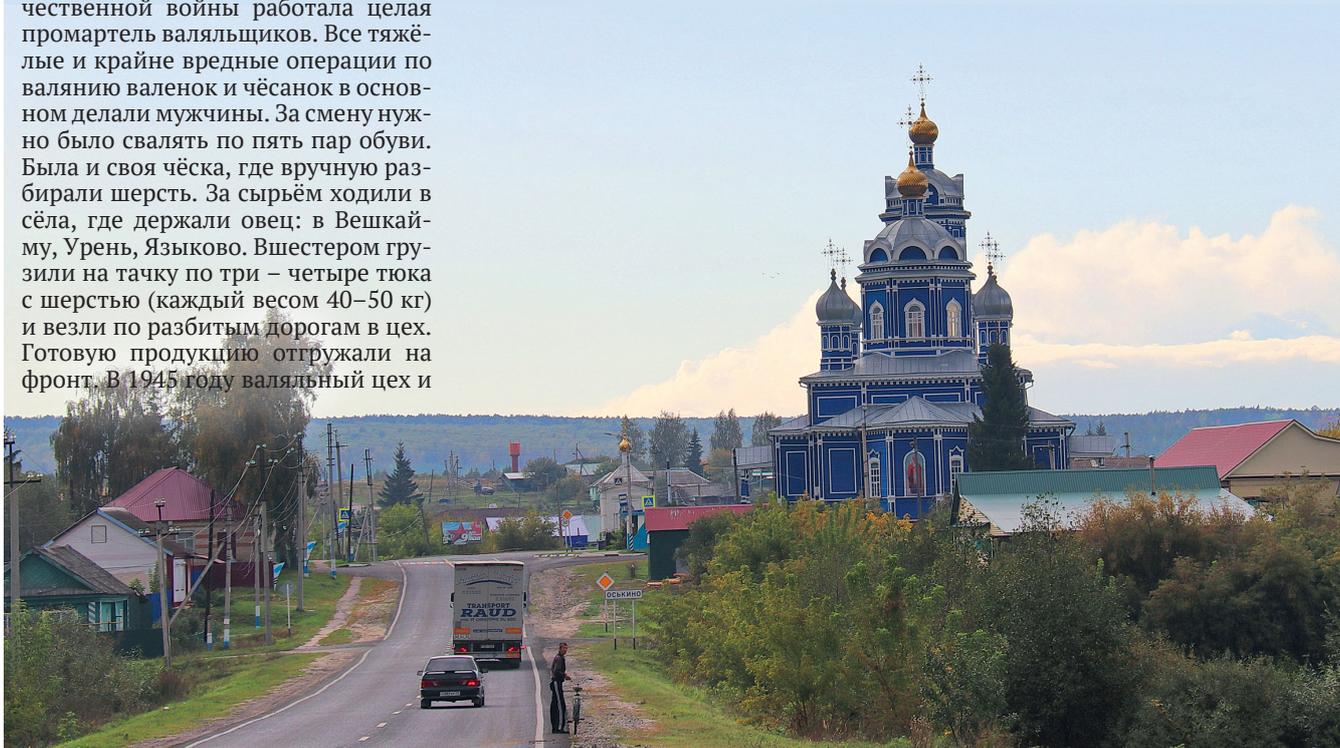
Село Аргаш

Большое татарское село *Дракино* славилось коновалами-лекарями: по переписи 1911 года их здесь насчитывалось 637. В своём промысле они добирались до Тихого океана.

В послевоенные годы жители дер. *Ермаки* (Карсунский р-н) занимались изготовлением рогож: бригады заготавливали мочало из липы возле речки и развозили сырьё почти в каждый дом. Жители после работы ставили посреди избы станки и ткали рогожи. Те семьи, у которых не было станков, брали готовые рогожи и шили из них кули. Готовую продукцию потом отправляли на Дальний Восток для упаковки рыбы.

В с. *Ильинские выселки* (Карсунский р-н) в годы Великой Отечественной войны работала целая промартель валяльщиков. Все тяжёлые и крайне вредные операции по валянию валенок и чёсанок в основном делали мужчины. За смену нужно было свалить по пять пар обуви. Была и своя чёска, где вручную разбирали шерсть. За сырьём ходили в сёла, где держали овец: в Вешкайму, Урень, Языково. Вшестером грузили на тачку по три – четыре тюка с шерстью (каждый весом 40–50 кг) и везли по разбитым дорогам в цех. Готовую продукцию отгружали на фронт. В 1945 году валяльный цех и

Работа над проектом «Города и поселения Ульяновской области» продолжается. Ведётся сбор материалов для третьего тома. Институт истории и культуры региона ОГАУК «Ленинский мемориал», Союз краеведов Ульяновской области приглашают жителей региона к сотрудничеству. Просим присылать свои воспоминания, фотографии, интересные документы из личных архивов (сканы или фотокопии). Мы будем рады использовать их в работе и опубликовать в издании. Убедительная просьба: по возможности точно датировать фото и документы и пишите, кто изображён на фотографиях (e-mail: kraeved73@mail.ru).

Село Оськино, фото В.Б. Семёновой

чёску закрыли, но ильинцы занялись частным промыслом: стали валять обувь на дому, а валенки продавали по всему Поволжью.

Валяльщиками валенок с середины XIX века были и жители с. *Кадышево* на реке Суре (Карсунский район). Кроме валенок, важную роль здесь играло изготовление бочек, кожаной обуви, лаптей, выделка овчин. Много было плотников и столяров, портных, печников, маслобойщиков, бурлаков, судостроителей и рыбаков. По субботам в селе проводились ярмарки. В наши дни замечательный потомственный мастер А.В. Калинин делает сани для тракторов и лошадей, детские санки. Заказы Александру Васильевичу поступают не только от жителей села, но и со всего района.

Крестьяне с. Сухой Карсун издавна занимались гончарным промыслом. В селе даже ходила поговорка: «Девка не выйдет замуж, если парень не умеет делать горшки». Сухокарсунцы снабжали посудой всю Симбирскую и многие города и сёла соседних губерний. В ассортимент входили квашенники, горшки, рукомойники, балакири, кувшины, плошки, тарелки, тазы, а также печные трубы – так называемые гончарки. В 1968 году для изучения старинных приёмов гончарного промысла в село выезжала экспедиция НИИ художественной промышленности ММП РСФСР и Музея этнографии народов СССР. В Сухом Карсуне открыт специализированный музей.

Добротные дома

Кирпичные дома купцов и зажиточных крестьян, построенные в конце XIX – начале XX века, сохранились в населённых пунктах Ульяновской области до наших дней. Многие из них были двухэтажными. На первом этаже обычно располагались торговые и складские помещения. Кирпич, в том числе и красный (жжёный), производили на местных заводах из местного сырья (например, в Каргино, Коченяевке). Он был не только строительным, но и декоративным материалом. Из кирпича выполнялись наборные колонны, карнизы, арки, наличники.

Многие дома украшала деревянная резьба. Символика домовой резьбы ведёт истоки от древних языческих верований. Но когда рассматриваешь дивные узоры сегодня, то представляется, что люди про-

Дом зажиточного крестьянина
конца XIX – начала XX вв.,
село Аргаш Инзенского р-на

сто стремились создать красоту под стать окружающей природе, настолько органично вписаны дома и целые улицы с резными наличниками и крылечками в окружающий пейзаж. Авторы книги «Города и поселения Ульяновской области» не ставили задачу проанализировать элементы и стили. Мы просто любовались

Дом жилой с лавкой, конец XIX в.,
село Мордовский Белый Ключ
Вешкаймского р-на

Дом жилой купеческий,
конец XIX – начала XX вв.,
село Б. Станичное Карсунского р-на

Домовая резьба в сёлах Аксаур, Аргаш, Первомайское. Фото В.Б. Семёновой

Церковное зодчество

Архитектура храмов Вешкаймского, Инзенского и Карсунского районов разнообразна по стилям. Общим остаётся то, что на восстановление старинных, редких по красоте храмов нет средств. А ведь возводились они в своё время на деньги, собранные прихожанами.

С 2016 года активные восстановительные работы ведутся по инициативе верующих только в церкви Живоначальной Троицы в с. Пятино (1823–1832).

В 1825 году на средства прихожан был построен храм из красного кирпича с одним престолом во имя Архистратига Михаила в с. Коноплянка (Инзенский р-н). Закрытый в советское время, он до сих пор в запустении.

Православный храм Рождества Христова в с. Неклюдово (Инзенский р-н) был построен в 1800 году. Он внесён в список объектов культурного наследия Ульяновской области.

Церковь Казанской иконы Божией Матери в с. Первомайское строилась с 1899-го по 1917 год. Лишь в марте 1914 года был привезён колокол весом 124 пуда 36 фунтов с языком в пять пудов 23 фунта, заказанный на нижегородском заводе. Церковь возводили из местного кирпича, глину для которого брали на берегах местной речки, а кирпичи обжигали на окраине села. Деньги на строительство собирались прихожанами. Только стоимость колокола составила 2536 руб. 91 коп. (за такие деньги можно было купить или выстроить типовое здание для земской школы). Для сбора средств на возведение новой церкви сельчане даже отправляли в Санкт-Петербург официальных нищих. Храм был освящён за

Церковь Рождества Христова в селе Неклюдово. 1800

Церковь во имя Архангела Михаила, село Коноплянка. 1825

две недели до Октябрьской революции. Во время чапанного восстания 17 марта 1919 года был расстрелян его священник. В первые годы советской власти церковь продолжала действовать, но потом её закрыли. Во время Великой Отечественной войны колокол отправили на переплавку. После войны колокольню разобрали на кир-

пичи и выдавали ими премии ударникам производства. В селе до сих пор сохранились печки, сделанные из того кирпича. Здание храма во второй половине XX века использовали как склад ядохимикатов.

В 1900 году начали строить каменную церковь в честь Рождества Христова (строительные работы частично продолжались до 1924 года) в с. Городищи. Это был новый массивный храм в центре села крестово-купольного типа, в русско-византийском стиле, с богатым декоративным убранством. Интересно, что во время земляных работ для фундамента храма было найдено древнее мордовское захоронение.

Страшная дань войне

На фронты Великой Отечественной войны ушли 496 кадешевцев, 226 из них погибли.

Сохранилось одно из фронтовых писем жителя с. Малая Канда-

Церковь Казанской Божией Матери в селе Первомайском. Не ранее 1899 года

Фрески в церкви Казанской иконы Божией Матери в селе Первомайском

рать (Карсунский р-н) И.А. Миронова с фронта (орфография сохранена): «1 сентября 1941 года. Письмо от вашего сына. Пишу я и низко кланяюсь родной мамоньке и своим сёстрам. И желаю всего хорошего в вашей жизни, и ещё целуй деток и тётю Арину. <...> Я остаюсь жив пока, я тебя не забуду никогда. <...> Не обижайся, мама, что писем долго вам не слал, потому всё время находился в бою, и не было адреса. Мама, я вас прошу, поскорее мне сообщите, куда я жив, что вы живы и здоровы. <...> Мама, нас всех друзей и соседей из деревни отправляли вместе, а потом мы разошлись. <...> Некоторых, кто был со мной, поранило, некоторых убило. Я точно узнаю, мама, и вам сообщу, кто живой, кто нет».

Подвиг тружеников тыла

Памятник коржевцам, погибшим в Великой Отечественной войне. 2020

Е.С. Рашкина из села Краснополка (Карсунский р-н) вспоминала о тех годах (орфография сохраняет произношение): «Всех мужиков забрали на фронт. Осталось, наверно, всего человек пять в селе, а в поле работать кому-то надо было. Я работала на тракторе, но всё почти приходилось делать вручную. Вот не подцепишь плуг, отъедешь, а назад трактор не идёт. Приходилось яво вручную подтаскивать к трактору. Ремонт тракторов тоже приходилось заниматься самим. В общем, было очень, очень тяжело. Выполняли работу любую: хоть женскую, хоть мужскую. А в дождь сколько приходилось осенью пахать. Ведь трактора-то были без крыш, не такие, как сейчас. Домой-то с поля придёшь, еле отогреться. Нико-

Мемориал воинской славы в селе Палатово. 2021

му не пожелала бы того, что мы, наше поколение, пережили».

Почтив каждом населённом пункте установлены памятники погибшим воинам, защищавшим Родину.

Вешкаймское энергопредприятие

В связи со строительством Куйбышевской ГЭС через Вешкаймский район прошла высоковольтная линия электропередач. 30 апреля 1953 года состоялся пуск её переключательного пункта № 1 на станции Вешкайма участка воздушных линий 400 кВ «Москва–Куйбышев» Средневолжского предприятия магистральных электросетей. Вешкаймское энергопредприятие росло, модернизировалось и в 1980-е годы стало инициатором внедрения работ под напряжени-

ем на высоковольтных линиях. Первым в Советском Союзе провёл эксперимент по ремонту линии 500 кВ без отключения сетей К.К. Ивашечкин. Работы по ремонту линий без их отключения ведутся и в наши дни. Сегодня в здании высоковольтной подстанции 500 кВ «Вешкайма» создан музей развития электросетевого комплекса Поволжья. Его экспозиция включает документы и личные вещи людей, стоявших у истоков создания электросетевого комплекса высокого класса напряжения. На открытой музейной площадке размещено оборудование 1950–1960-х годов.

Земля людьми славится

За столетия с этими землями оказались связаны сотни известных людей. Герои, совершившие военные

Музейная площадка под открытым небом в р. п. Вешкайма с экспонатами электрооборудования. 1950–1960-х гг.

И.Г. Кадина. Портрет отца, художника Г.П. Кадина. 1979, УОКМ

К.А. Макаров. Портрет мальчиков Родионовых – Дмитрия, Владимира и Александра Петровичей. 1840-е, УОХМ

подвиги, герои труда, матери-героини, замечательные педагоги, художники, писатели, артисты, строители, изобретатели, учёные – их имена можно найти на каждой странице книги.

Село Репьёвка (Инзенский р-н) до отмены крепостного права принадлежало Н.Т. Аксакову. Здесь неоднократно бывал его брат – писатель С.Т. Аксаков (1791–1859) – в Репьёвке жил его дядька Евсеич.

Предположительно, путешествуя в 1858–1859 годах по России, писатель А. Дюма побывал в имении помещиков Анненковых в Пятине (Инзенский р-н). История любви декабриста *Ивана Александровича Анненкова* (1802–1878) и П. Гебель

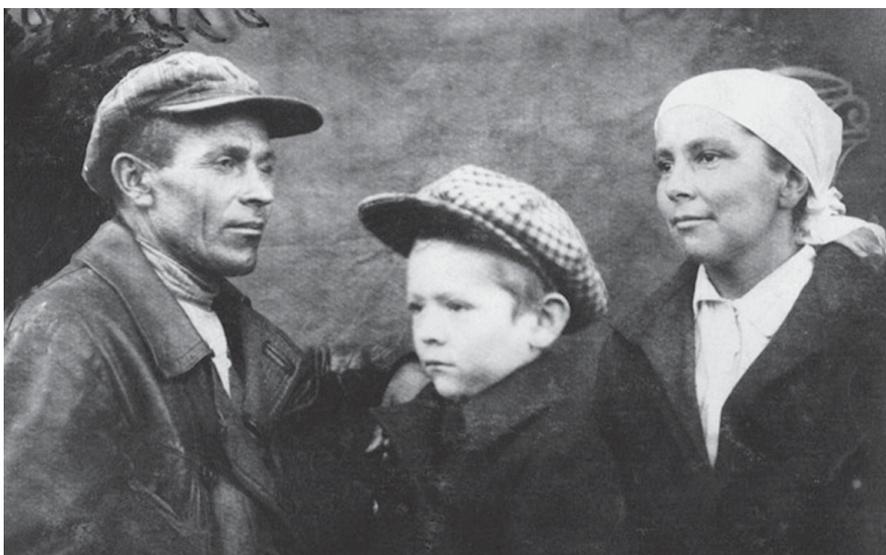
стала сюжетной основой его романа «Учитель фехтования».

Аксаур (Инзенский р-н) – родина *Георгия Петровича Кадина* (1885–1931), русского лётчика, участника Первой мировой войны, одного из создателей отечественного авиапрома, члена Ассоциации художников революционной России.

Интересный факт: правнучка бывшего владельца Большой Борисовки (Инзенский р-н) генерал-майора Эрнеста Христиановича фон Вика Наталья Алексеевна в 1925 году вышла замуж за великого русского художника, уроженца с. Прислониха (Карсунский р-н) *Аркадия Александровича Пластова* (1893–1972).

Имением в селе Вешкайма с 1760-го до 1917 года владели представители старинного дворянского рода XVI века Родионовы. Интереснейшей личностью, по словам ульяновского краеведа А.Н. Блохинцева, была жившая в селе в начале XIX века местная помещица Д.Н. Родионова, старшая сестра генерал-майора П.Н. Ивашева и тётка декабриста В.П. Ивашева. В 1808 году у неё гостил видный деятель русской культуры, близкий друг А.С. Пушкина А.И. Тургенев. Мужем Дарьи Никифоровны был секунд-майор И.А. Родионов, деда и отца которого убили в Казани пугачёвцы (о них упоминает А.С. Пушкин в «Истории Пугачёва»). Во второй половине XIX века хозяйство помещицы А.П. Родионова считалось одним из лучших в России. О его устройстве подробно рассказано в VII выпуске сборника «Описание отдельных русских хозяйств. Симбирская губерния» (Петербург, 1898). В 1840-е годы в имении работал, выполняя заказы Родионовых, видный русский художник, бывший крепостной *Кузьма Александрович Макаров* (1778–1862) – отец будущего академика живописи *Ивана Кузьмича Макарова* (1822–1897). Портреты его работы экспонируются в Ульяновском художественном музее.

Дворовый человек одного из владельцев с. Беклемишево (Вешкаймский район) *Иван Михайлович Горбунов* (1786/?/98–1836/?/7) после окончания школы живописи в Арзамасе поступил в Академию художеств. Уже через год обучения он был награждён за рисунок с натуры серебряной меда-

А. Пластов и его супруга Наталья, урождённая фон Вик

И.М. Горбунов.
Портрет бабушки с внучкой

В.А. Фролов.
Последний житель села Красносурское

лю, однако по уставу академии он как крепостной не имел права быть удостоенным медали. Получив свободу по воле вдовы бывшего хозяина, Горбунов своим мастерством заслужил аттестат первой степени Академии («аттестат со шпагою») и звание «классного художника», что дало ему личное дворянство (14-й класс по «Табели о рангах»). Его портреты входят в собрания Государственного Русского музея и Государственного исторического музея. В Нижегородском художественном музее хранится очень лиричный «Портрет бабушки с внучкой».

В с. Ховрино (Вешкаймский р-н) в 1906 году открылась первая в России ремесленно-образовательная школа для слепых детей, где они обучались сапожно-башмачному делу. Здесь же в селе родился педагог-методист Александр Иванович Червяковский (1864–1923), много сделав-

ший как научный работник наркоматов просвещения и социального обеспечения для воспитания слабовидящих детей.

В с. Вешкайма родился председатель первого состава Симбирского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов А.А. Соснин. Родом из с. Оборино фотограф В.Н. Грязнов, оставивший нам много фотографий симбирян и видов Симбирска.

Жительница с. Беловодье Карсунского района учительница В.М. Кувакина в годы войны все свои сбережения внесла на строительство танковой колонны «Народный учитель». С фронта учительница получила более 400 писем, пришло ей благодарственное письмо и от И.В. Сталина: «*Благодарю Вас, Варвара Матвеевна, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Примите мой привет*». За многолетний труд

В.М. Кувакина была награждена двумя орденами Ленина и медалями.

Детские годы заслуженного работника культуры Российской Федерации, директора Карсунской детской школы искусств им. А.А. Платова Владимира Алексеевича Фролова связаны с бывшим с. Красносурское. Оно располагалось в живописном месте на правом высоком берегу р. Суры. Интересно, что до 1952 года село именовалось Погибелкой за расположение у крутой сурской излучины с быстрым течением. В Красносурское его переименовали по названию существовавшего здесь колхоза «Красная Сура».

Населённые пункты Вешкаймского, Инзенского и Карсунского районов стали родиной Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда. Невозможно перечислить все имена, но земляки хранят память об их боевых и трудовых подвигах.

Как упоительны в Присурье вечера...

Среди природных достопримечательностей, что в окрестностях села Стрельниково, не только известный памятник природы – Долина молний, но и один из самых протяжённых курских пляжей в области – Песчинка.

Достоянием Инзенского района является Юловский пруд, начало строительства которого положил в середине XIX века Д.П. Ознобишин, а после реконструкции в 1910 году под руководством И.В. Грушенкова пруд принял современный вид.

Удивительные по красоте места в окрестностях Кадышево (Карсунский р-н) носят оригинальные названия: Чигиришные, Лысье, Елховые горы,

Школа для слепых детей в селе Ховрино

Пруд в селе Каргино

Луговой прогон и другие. С 2014 года ежегодно в конце июля в окрестностях Кадышево на берегу Суры проводится этнокультурный туристско-спортивный фестиваль «По Суре из прошлого в будущее».

Основная природная достопримечательность с. Котьяково (Карсунский р-н) – меловые холмы с колониями сурков. В окрестностях Котьяково сохранились следы именьковского городища и земляного вала, который в XVII веке полукольцом окружал село с севера, востока и юга.

Недалеко от дер. Котьяковки (Вешкаймский р-н) в долине р. Барыш выделены земли на создание эколого-рекреационной зоны природный парк «Ульянка».

У с. Белый ключ (Вешкаймский р-н) расположен ландшафтный памятник природы Лебяжье болото.

В 1994 году памятником природы признана Екатерининская дорога – аллея сосны обыкновенной у с. Мордовский Белый Ключ (Вешкаймский р-н). Сосны были высажены около 220 лет назад в связи с проездом по губернии Екатерины Великой.

Живописный пруд в с. Каргино (Вешкаймский р-н) – любимое место отдыха местных жителей.

Память детства и юности не уходит от нас. Она берedit душу простыми, милыми и дорогими воспоминаниями о людях, о поляне в лесу рядом с домом, о бегущей речке. Уже нет дома, где ты родился, и деревни тоже нет, а ты рассказываешь о ней детям. И стоят памятные знаки на месте исчезнувших поселений. И приходят к ним дети и внуки тех, кто жил здесь раньше.

Фестиваль «По Суре из прошлого в будущее» в окрестностях села Кадышево

У памятника исчезнувшей деревне Поника (Паника)

Новый город: как недавнее прошлое становится историей

К 375-летию Ульяновска в квартире-музее В.И. Ленина работала выставка «Новая история Симбирска-Ульяновска». Один из разделов выставки был посвящен проекту художника и культуролога Юлии Узрютовой «Последние динозавры эпохи». Это проект об архитектуре последних лет СССР и микрорайоне Новый город в Ульяновске, который стал едва ли не последней масштабной жилищной стройкой советского времени (основан в 1976 году). Художник воссоздает Новый город в таком виде, в котором он был задуман архитекторами.

Юлия Узрютова окончила факультет культуры и искусства УлГУ, Школу нового искусства (независимый образовательный проект «Пайдейя»). Автор проектов: «Истории старого города», «Виртуальная карта Симбирска-Ульяновска» на платформе IZI.TRAVEL, «Волжский свей». Иллюстратор тревел-скетчбука по книге И. Гончарова «Фрегат «Паллада» (рус.-англ.) Персональные выставки: в государственной галерее А. Пластова, музее-заповеднике «Родина В.И. Ленина», выставочном зале Дома В.И. Ленина, библиотеках, администрации г. Ульяновска. Участник выставки «Голос городов» в музее современного искусства «Эрарта» (Санкт-Петербург), выставки международного фестиваля комиксов в Ангулеме (Франция), Российско-германской фотовыставки Focus on East/Focus on West, выставки-презентации городов литературы ЮНЕСКО в Рейкьявике с фотопроектom «Снежный минимализм» и др. Работы демонстрировались в городском пространстве – на остановках и в кафе города Ульяновска. Автор телеграм-канала «Мольберт, рюкзак и ветер» (<https://t.me/juliauzryutova>), создатель и ведущая VK-сообщества «Нарисованный Ульяновск» (vk.com/citybook73). Сайт художника: <https://juliauzryutova.ru>

Вспоминаем вместе

«Многие обращают внимание на то, что здания в Новом городе сильно изменились по сравнению с тем, как они выглядели изначально. Они обвешаны рекламой и вывесками, облицованы, надстроены, а некоторые обветшали или вовсе стоят пустыми и разрушаются. Всё это выглядит неэстетично. Я решила восстановить тот самый, изначальный, запечатленный в памяти местных жителей Новый город – путем создания акварельных «фотографий» на основе архивных снимков и газетных материалов. Это здания в их первоначальном виде – такие, какими

они мне запомнились с детства», – рассказала Юлия Узрютова.

Важная часть проекта – сбор воспоминаний от жителей микрорайона, а одна из целей – переосмыслить новейшую историю Нового города, привлечь внимание к воспоминаниям горожан, не отраженным в официальных наблюдениях.

«Я столкнулась с тем, что есть не так уж и много бытовых фотографий Нового города. Снимков более ранних эпох и признанных достопримечательностей центра города больше, чем фотографий этого микрорайона 30–40-летней давности. Наверное, и в голову никому не приходило фотографировать обычный, как тогда каза-

лось, универсам или овощной магазин, а тем более его интерьеры. Поэтому так ценны воспоминания людей, которые могут рассказать, какие отделы были в 30-м магазине, что продавали в «Товарах для дома», как работали Дом связи и Дом быта. Люди делятся своими воспоминаниями, и оказалось, что некоторые из них – общие, вплоть до запахов в магазинах хозяйваров! И каждый раз я думаю – я же тоже их помню! Вот она – наша общая недавняя история. Наверное, просто ещё мало времени прошло, мы пока не проанализировали недавнее прошлое. Тем ценнее такие воспоминания», – говорит Юлия.

Цвета проекта

Может показаться, что проект выполнен в мрачном цвете – индиго. Но Юлия отмечает, что для неё это очень светлый проект, связанный с детством. Художник буквально выросла под звуки забивания свай, многие здания строились у неё на глазах.

«Как-то во время прогулки в Новом городе перед дождём в глаза бросился контраст тёмного серо-синего неба и советских светлых зданий – это было похоже на старые чёрно-белые снимки. Так у меня родилась идея изобразить это на бумаге, восстановить старые фотографии с помощью акварели. Я обратилась к старым фото, газетным вывескам, воспоминаниям и собственной памяти. Так, ещё недавно на ДOME связи были видны надписи «Телеграф», «Почта», их пришлось восстанавливать по кусочкам. То же самое касается и воспоминаний. Мне стало интересно собрать всё в одном месте. Так и родился проект «Последние динозавры эпохи», – рассказала Юлия.

Проектом художник как бы возвращает визуально тот Новый город, в котором она выросла. Как рассказала Юлия, люди, которые видели работы проекта, стали делиться своими воспоминаниями о Новом городе. Сейчас у проекта два формата: выставочный и цифровой (пока он в разработке). Цифровая версия проекта предполагает нанесение объектов на онлайн-карту в их оригинальном и современном виде в формате «было-стало», а также воспоминания местных жителей об этих местах.

Юлия рассказала, что получает отзывы и от жителей других городов, в которых тоже есть подобные здания. Поэтому можно сказать, что Новый город – это постсоветское пространство в миниатюре. Многие узнают здесь свои города, которые переживают те же изменения или же, напротив, застывают в своей эпохе, напоминая нам о детстве, юности и просто о прошлом, которое у каждого своё и в то же время общее. Подробнее о проекте – <https://juliauzryutova.ru/poslednie-dinozavry>.

Некоторые из воспоминаний жителей в сообществе «Нарисованный Ульяновск. Городской дневник» (vk.com/citybook73)

Дом связи

«Со второго этажа на первый вела дополнительная стальная (выкрашенная в чёрный цвет) винтовая лестница, её убрали в середине 1990-х. С правой стороны здание имело м-образное углубление, в котором находилась небольшая клумба с деревьями, оно было застроено вровень с остальным зданием в конце нулевых для увеличения торговых площадей». (Антон Р.)

«Я жила через дорогу от Дома связи и прекрасно помню внутреннее убранство. И как мы ходили на переговоры с бабушкой, отправляли телеграммы, а позже отправляла факс. И «Кодак», который работает там столет, и магазин канцтоваров. Сцену, и концерты к праздникам, и лавочки, на которых сидели ветераны». (Евгения)

Универсам (30-й магазин)

«На первом этаже были ювелирный отдел «Малахит», цветочный отдел, на втором – мебельный отдел. Слевой стороны с входом с улицы был магазин Play. На первом этаже, у лестницы на второй этаж продавали книги, рядом – двери. Слева у входа был «Кодак», в него можно было также попасть из здания – вход был у лестницы на второй этаж. У входа, если пройти вперёд, вглубь, продавали рыбу, если мне не изменяет память, также стоял киоск, где продавали и ремонтировали часы. Также на первом этаже делали кислородные коктейли. В правой части, помню, был отдел с подарками, а если пройти в самый конец вправо – канцелярские товары, рядом слева – продуктовый, продавали хлеб». (Роман Г.)

Товары для дома

Молочная кухня

Проспект Ульяновский

«Вспоминается отрывками. В 30-й за хлебом ходил, тогда ещё самообслуживание было. На втором этаже мясо, помню, продавали по талонам, очередь на весь день. Ещё был 12-й магазин, это Ульяновский, 11, туда за молоком ходили, тоже очередь занимали, ждали привоз! Помню, овощной ларёк стоял на пятаке, где сейчас дом по адресу: Ульяновский, 28. Ещё овощной навильон был на Туполева, там теперь автомойка, у которой крыша сгорела... Три стройки долго стояли в ряд: «Стройград», Ульяновский, 20 и «Оптимус». Облазили их вдоль и поперёк. Ещё Дом связи с его огромным залом, кабинки на 2-м этаже, и опять же толкучка, очереди». (Алексей А.)

Монолитки

О Новом городе

«Я вообще обожаю Новый город за его архитектуру. Умели в советское время архитекторы. Для меня лучшей прогулкой были магазины «Антей», «Темп», «Детский мир»... От них каким-то спокойствием и уютом веяло. В «Темпе», я помню, продавали телевизоры, музыкальные инструменты, лампы накаливания для телевизоров, полупроводники, схемы... Там на окнах были нарисованы мыши из «Кота Леопольда», которые включали граммофон, кот Леопольд с гитарой. Очень хотелось всегда дёрнуть за струну гитару, которая висела на стене, и ударить по барабанам, которые стояли на стенде. В «Антее» продавали, по-моему, что-то бытовое. Точно помню, что там были какие-то платья... В «Детском мире» мне сандалии покупали... Я пом-

Юлия Узрютова. В школу

ню приятный запах резины в «Антее» и «Детском мире»... Ну, типичный запах, который ни с чем не спутать, когда заходишь в магазин хозяйственных товаров. Мне нравились квадраты на полу, сделанные из цветной гранитной крошки, и швы, проложенные медной полосой... Очень любил обувь натирать

эту полоску. Они прикольно блестели. В «Детском мире», как заходишь со входа, который был ближе к «Руслану», сразу стояла пальма... Мне всегда нравились её листья... Она казалась необычной, потому что ни у кого не было таких цветов...»

«Наш город от угла и до угла является знаковым. Я облазил все дворы и каждый дом, и каждое здание мне тут мило. Современное поколение не может представить, насколько он был красив до того момента, пока его не закрыли тонной рекламы, вывесок. Мой садик был во дворе моего дома, а за хлебом я ходил в 27-й магазин. Это самые первые постройки Нового города. Квас, который продавали с торца 27-го магазина, был самым вкусным. На углу этого магазина принимали бутылки. Там же стояла теплица 17-й школы... Я застал только несколько лет, когда там выращивали помидоры. Мне очень нравился двор через дорогу от «Детского мира» (Ульяновский, 4). Там были вырезаны из дерева всякие фигуры и большая деревянная горка. А ещё там была прикольная карусель: был столб, и к нему привязаны 4 каната. Ты брался за канат и разбежался по кругу, и тебя начинало поднимать. Эффект невесомости... В общем, было весело... Я очень надеюсь, что эта эпоха ещё вернётся, этот стиль архитектуры воскреснет. Я очень надеюсь, что скоро всем надест этот стиль всяких «моллов», сделанных из сайдинга и выглядящих, как коробки из-под обуви, и настоящие архитекторы начнут опять творить!» (Василий П.)

Галина Плотникова

В 2024 году мы отмечаем юбилейные даты знаменитых поэтов: 225 лет со дня рождения А.С. Пушкина и 240 лет со дня рождения Д.В. Давыдова, поэтому посвятим им серию публикаций. Неординарная личность Дениса Давыдова как магнит притягивала друзей, а его оригинальный литературный талант – издателей, в том числе Александра Пушкина, который высоко ценил стихи Давыдова, «замаранные грязью биваков и окуренные сжженным порохом». Ходившие по рукам в списках, они были очень популярны в стенах лица.

Бесценное наследие Александра Пушкина и Дениса Давыдова

А.С. Пушкин. Худ. П.Ф. Соколов. 1836. Акварель. Всероссийский музей Пушкина

«Я слушаю тебя и сердцем молодею»

В 1816 году поэт-лицеист посвятил Денису Давыдову стихотворение «Наездники». Пушкина пленил необычный слог давыдовских стихов, остроумие его басен и эпиграмм. Ему были близки разлив свободолюбия и широта русской души, патристический пыл и раскованность стиля в поэзии Давыдова. Молодой Пушкин, умевший воспринимать всё самое яркое и оригинальное в твор-

честве других поэтов, многому учился у Давыдова.

Первая мимолётная встреча прославленного генерала и одарённого юноши состоялась в декабре 1816 года в литературном обществе «Арзамас». В эти годы Давыдов пристально и не без придирчивости всматривался в стихи молодого Пушкина. Позже поэт-гусар обратился к суровой и мужественной прозе и превратился в военного историка. Пушкин же в 1821 году, когда было опубликовано военно-историческое

сочинение Давыдова «Опыт о партизанах», посвятил Денису Васильевичу стихи, в которых отдавал должное его «неподражаемому слогу», но при этом выразил и своё сожаление: «Как мог унизиться до прозы / Венчанный музой поэт». Возможно, Пушкин сделал это намеренно, тонко польстил поэту-гусару.

Сближению сосланного на юг Пушкина с неугодным армейскому начальству Давыдовым способствовала их неожиданная встреча в киевской Каменке, в имени Александра

Д.В. Давыдов. Худ. Г.Г. Чернецов.
1830-е гг. Акварель.
Государственный Эрмитаж.
(Санкт-Петербург)

Давыдова, родного брата декабриста Василия Львовича, которые приходились Денису Васильевичу двоюродными братьями. После этого снова родилось пушкинское послание Денису Давыдову: «Я слушаю тебя и сердцем молодею, / Мне сладок жар твоих речей, / Печальный, снова пламенею / Воспомянем прежних дней...»

Александр Пушкин посвятил Денису Давыдову целый ряд стихов, в которых с изумительным мастерством подделывался под стиль поэта-гусара.

В середине 1820 годов среди рисунков Пушкина, разбросанных на полях рукописей, появились профили Давыдова. «Он, хваля стихи мои, – пересказывал Давыдов разговор Пушкина, – сказал, что в молодости своей от стихов моих стал писать свои круче и приноравливать к оборотам моим, что потом вошло ему в привычку»¹. После выхода в отставку в каждый свой приезд из Мазы в Москву Денис Васильевич встречался с Пушкиным, который читал ему свои новые стихи и прозу. В январе 1831 года Давыдов и Пушкин вместе ездили в Остафьево к князю П.А. Вяземскому. Потом, перед отъездом на Польскую войну, Давыдов был среди восьми друзей, для которых Александр Сергеевич перед женитьбой на Наталье Гончаровой устроил

мальчишник. Там Денис Васильевич подружился и с поэтом Языковым.

Парнасским отцом и командиром назвал Давыдов Пушкина в 1834 году. Через два года, посылая Денису Давыдову свою «Историю Пугачёва», Пушкин обратился к нему с теми же словами: «Ты мой отец и командир». Давыдов написал Пушкину: «Твоё «ты» сняло с меня 25 лет с костей и развязало мне руки; я молод и весел». В январе 1836 года Давыдов прибыл в столицу, несколько раз виделся с Пушкиным, который приступил к изданию журнала «Современник».

С пушкинским «Современником»

После ухода из жизни Дениса Васильевича в Верхнемазинской усадьбе ещё долго лежал на кабинетном столе третий том «Современника», изданного А.С. Пушкиным 28 сентября 1836 года. В этом журнале можно заметить переключку произведений Д.В. Давыдова и самого издателя. Так, через несколько страниц после стихотворения Давыдова «Челобитная» следует статья «Об «Истории Пугачёвского бунта». На 23 страницах автор «А.П.» (Пушкин) делает разбор статьи, появившейся в журнале «Сын Отечества» сразу после выхода из печати его книги «История Пугачёвского бунта». Со стороны Пушкина это высоко этичный анализ бездоказательной критики г. Бронев-

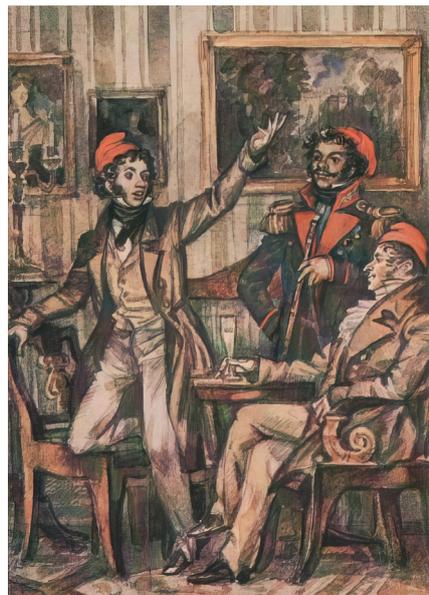
ского со ссылкой на архивные документы. Затем на двух страницах следуют эпиграммы, написанные Давыдовым. После них – его же статья «О партизанской войне», которая заканчивается словами: «Ещё Россия не поднималась во весь исполинский рост, и горе её неприятелям, если она когда-нибудь поднимется».

В верхнемазинском книжном шкафу Дениса Васильевича почётное место занимал также четвёртый том «Современника» от 11 ноября 1836 года. Он открывается большой статьёй «Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта. Из дневника партизана Дениса Давыдова». А на последних 172 страницах журнала без указания имени впервые напечатана повесть «Капитанская дочка».

В последний год жизни Пушкин напечатал в своём журнале «Современник» шесть стихотворений Дениса Давыдова и две прозаические статьи. Он очень дорожил сотрудничеством Давыдова в «Современнике», восхищался оригинальным слогом его статей. Когда Александр Сергеевич узнал о непрошенных выходках издателя журнала «Библиотеки для чтения» Сенковского, который вносил в военно-исторические статьи Давыдова необоснованные поправки, Пушкин написал Денису Васильевичу: «Сенковскому учить тебя русскому языку всё равно, что евнуху учить Потёмкина».

В 1836 году Д.В. Давыдов написал А.С. Пушкину 12 писем (четыре из Москвы и восемь из Верхней Мазы). К сожалению, до сих пор не известно, сколько писем в том году он получил от Пушкина: они таинственно исчезли из архива Дениса Давыдова. И только благодаря симбирянам Павлу Анненкову и его брату Ивану, получившему по контракту рукописи Пушкина от Натальи Гончаровой и её второго мужа Петра Ланского, а также благодаря комментариям Ильи Шляпкина сегодня известно о двух черновых текстах писем Пушкина Давыдову, написанных в 1836 году.

Так, в письме от 2 марта 1836 года Давыдов сообщил: «Жаль, что не дождусь тебя в Москве. Я сегодня еду отсюда в мои степи». Далее он перечисляет, кого уже успел «завербовать в авторы» пушкинского «Современника»: «Баратынский хочет пристать к нам, это не худо; Языков верно будет нашим».

Александр Пушкин, Денис Давыдов и Василий Львович Пушкин.
Худ. Ю.В. Иванов

6 апреля из Верхнемазинской усадьбы Давыдов сообщил Пушкину: «Я был у Языкова. Он готов и поступает под знамены твои. Уведомь ради бога, пропустит ли цензура мою статью? Если будут споры на какие-нибудь слова или даже целые периоды, я уполномочиваю тебя вымарывать, изменять во всей статье что твоей душе угодно. В случае же, что всю статью остановят на таможне просвещения, то дай знать – я примусь за работу и другую пришлю тебе»².

Нет сомнений, что письмо от 18 мая из Мазы Давыдов написал после получения ответа от Пушкина. Обеспокоенный цензурой, он обращается к своему издателю: «Как бы то ни было, а эскадрон мой, как ты говоришь, опрокинутый, растрёпанный и изрубленный саблею цензуры, прошу тебя привести в порядок: убитых похоронить, раненых отдать в лазарет, а с остальным числом всадников – ура! – и снова в атаку на военно-ценсурный комитет. Так я дельвал в настоящих битвах, – унывать грешно солдату – надо или лопнуть, или врубиться в паршивую колонну цензуры. Одного боюсь: как ты уладишь, чтобы при исключении погибших эскадрон сохранил связь, узел, единство? возьми уже на себя этот труд ради бога, составь разорванные части – и сделай из них целое. Между тем – не забудь без замедления прислать мне чадо мое (рукопись. – *Авт.*), потерпевшее в битве; дай мне полюбоваться на благородные его раны и рубцы, полученные в неравной борьбе <...>»³.

Пушкин в 20-х числах (после 23) мая из Петербурга ответил ему: «Статья о Дрездене не могу тебе прислать прежде, нежели ее не напечатают, ибо она есть ценсурный документ. Успеешь наглядеться на ее благородные раны. Покамест благодарю за позволение напечатать ее и в настоящем ее виде. А жаль, что не тиснули мы ее во 2-м № «Современника», который будет весь полон Наполеоном?» (Во втором номере «Современника» были напечатаны «Записки Н.А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным». – *Авт.*)

В письме от 2 июня Давыдов сообщил Пушкину: «Посылаю тебе того удалца-партизана, о котором писал тебе (статью «О партизанской войне». – *Авт.*) <...> Он может пройти бодро и смело мимо Ценсурного

Денис Давыдов на мальчишнике Александра Пушкина.
Худ. Л.Н. Нецветаев. 2003. Акварель

комитета, не ломая шапки, а в случае каприза наплевать членам в глаза <...>. Прочти со вниманием эту статью и исправь слог ее, потому что я ее писал сплеча, наскоро, а между тем заметь: мысль богатая. Это открытие нового рудника силы империи и намека, как из него бить монету славы. Недостаток статьи состоит в гомеопатической ее краткости, что вовсе не действует на наших государственных мужей <...>»⁴.

Через три дня Давыдов снова обратился к Пушкину: «Сделай милость, отсеки весь хвост у статьи моей «О партизанской войне», самого слова «в отдельных действиях», и приставь хвост, тебе посылаемый. Кажется, этот будет лучше. При всем

том прошу поправить слог как в нем, так и во всей статье, их писал во все поводья <...>»⁵.

На следующий же день Давыдов сообщил Пушкину: «Посылаю тебе, любезный друг, стихи, сейчас мною написанные. Я об них могу кричать «стихи горячие», как блинники кричат «блины горячие». Это «Челобитная» Башилову⁶. У меня есть каменный огромный дом в Москве, окно в окно с пожарным депо. В Москве давно ищут купить дом для оберполицеймейстера – я предлагаю мой – вот все, о чем идет дело в моей «Челобитной» <...>»⁷.

В июле Давыдов отправил Пушкину два письма. В первом он напоминает о возврате ему в Мазу иска-

жённой цензурой рукописи статьи о Дрездене. Во втором письме просит уведомить, получил ли статью «О партизанской войне» и «еще к ней Variante».

10 августа Денис Васильевич откликнулся на просьбу Пушкина рассказать о Дуровой. «Полк, в котором она служила, был всегда в арьергарде, вместе с нашим Ахтырским гусарским полком», – начал Давыдов и подробно рассказал о мимолётной встрече с уланским офицером по фамилии Александров, который, увидев Давыдова, «встал, поклонился, взял кивер и вышел вон». Впоследствии он её видел во фронте, «во всей тяжести того времени службе, но много ею не занимался, не до того было, чтобы различать, мужского или женского она роду; эта грамматика была забыта тогда». Главное – Давыдов-военный помог Пушкину-издателю, отметив имеющиеся в записках Дуровой «некоторые противоречия и недосмотры»⁸.

В августе Пушкин, отвечая на предыдущее письмо Давыдова, с горечью отметил: «Ты думал, что твоя статья о партизанской войне пройдет сквозь цензуру цела и невредима. Ты ошибся: она не избежала красных чернил. Право, кажется, военные цензоры марают для того, чтоб доказать, что они читают. <...>»⁹.

13 октября Давыдов из собственного московского дома на Пречистенке сообщил Пушкину о романтической «причине рыцарства Дуровой»: всё, что он узнал во время охоты в Пензенской губернии от Бекетова, старинного друга, бывшего своего «подкомандующего 1812 года»¹⁰.

Своё большое письмо от 23 ноября, адресованное Пушкину, Давыдов начал так: «Письмо твое с Шеншиним я получил. Досадно, что Данилевский отсекает целые периоды от статей моих. Что делать!» Далее Давыдов открыто пишет о своей неприязни к казённому, официальному урапатриотизму. В немалой степени его раздражали и штатские, любившие витийствовать в гостиных на государственно-политические, исторические и законодательные темы.

«Ты спрашиваешь о Чедаеве? Как очевидец я ничего не могу сказать тебе о нем; я прежде к нему не ездил и теперь не езжу. Я всегда считал его человеком начитанным и, без сомнения, весьма умным шар-

латаном в непрерывном пароксизме честолюбия, – но без духа и характера, как белокурая кокетка, в чем я и не ошибся!» – так отзывался Давыдов о философе и публицисте П.Я. Чаадаеве.

В конце письма Давыдов снова возвращается к своему «наболевшему вопросу»: «Ты хочешь печатать оставшиеся строки от «Занятия Дрездена». Напрасно. Ты увидишь, как статья будет гола. Лучше я тебе пришлю какую-нибудь другую статью, а ты возврати мне эту. Впрочем, как хочешь; все отдаю на волю моему отцу и командиру. Только ради бога пришли мне копию с «Занятия Дрездена», зачерты в ней карандашом все то, что зачертила цензура кровавыми чернилами. <...>»¹¹.

Безусловно, общение в ходе сотрудничества принесло издателю Пушкину и автору Давыдову немало положительных эмоций, хотя этот процесс не был лишён беспокойства и переживаний. В их переписке отразилась не только нелёгкая судьба военных записок Давыдова в «Современнике», но и их взгляды на многие актуальные вопросы прошлого и современности. При этом главное в отношениях двух литераторов – полное доверие друг к другу.

2 февраля 1837 года, будучи в Москве, Д.В. Давыдов получил известие о гибели Пушкина. Денис Васильевич глубоко скорбел о потере друга и великого поэта России. В тот же день он написал П.А. Вяземскому в Петербург: «Смерть Пушкина меня решительно поразила; я по сю пору не могу образумиться. Какая потеря для всей России! <...> Я много терял друзей подобно смерти на полях сражений, но тогда я сам разделял с ними ту же опасность, а это Бог знает какое несчастье! А Булгарины и Сенковские живы и будут живы, потому что пощёчины и палочные удары не убивают до смерти»¹². В следующих письмах Петру Вяземскому Давыдов продолжал осмысливать эту страшную потерю «Верить ли, по сию пору не могу опомниться, так эта смерть поразила меня! Пройдя сквозь весь пыл наполеоновских и других войн, многим подобного рода смертям я был и виновником и свидетелем, но ни одна не потрясла мою душу, подобно смерти Пушкина». Следующие письма другу Вяземскому проникнуты глубоким ностальгическим

настроением: «Что мне про Москву тебе сказать? Она всё та же, я не тот <...> Вообразить не можешь, как меня обольстили мои симбирские и саратовские степи. Так бы и полетел туда, – что, впрочем, я непременно сделаю...».

Судьба давыдовского сундука из Верхней Мазы

При жизни Дениса Васильевича был издан всего лишь один сборник стихов – в 1832 году. Сегодня это редчайшее издание. В Ульяновске можно увидеть только в областном краеведческом музее (эту книгу С.А. Блохин в 2018 году привёз в качестве подарка в Верхнюю Мазу на межрегиональный Давыдовский фестиваль). К концу 1837 года ещё один «сбор вольницы» стихов и статей в виде «Сочинений» в трёх частях был представлен Д.В. Давыдовым петербургской цензуре. Когда он забрал рукопись обратно, невольно вздрогнул: некоторые стихи и две статьи, впервые предложенные к публикации, были испещрены замечаниями цензоров. И только в 1840 году петербургский книгопродавец А.Ф. Смирдин смог выпустить в свет «Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова» (в трёх частях), подготовленные к изданию самим Денисом Васильевичем перед кончиной. В 1848 году Александр Смирдин (младший) в составе известной серии «Полное собрание сочинений русских авторов» издал в одном томе «Сочинения Давыдова».

Наконец в 1860 году в Москве вышло в свет новое трёхтомное издание «Сочинения Дениса Васильевича Давыдова», исправленное и дополненное по рукописям автора. Оно было подготовлено средним сыном поэта-партизана Денисом Денисовичем Давыдовым.

Когда не стало отца, мальчику Денису было 13 лет. Он, как и другие братья, окончил военное училище. До 1854 года служил в лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, затем в чине штабс-капитана был переведён во 2-й Московский кадетский корпус. Денис-сын хорошо помнил, что у них в Верхней Мазе хранились портфели отца, в них находились документы, письма, рукописи сочинений Д.В. Давыдова. После смерти Дениса Васильевича весь верхнемазинский архив мужа Софья Николаевна «для пересмотра» передала П.А. Вязем-

Денис Денисович Давыдов

скому в его имение в Остафьево. Через некоторое время они были возвращены старшему из сыновей, Василию Денисовичу. Тот передал их брату Денису, который с огромным интересом стал знакомиться с бумагами отца и вскоре решил собрать рукописное его наследие, издать все стихотворения, мемуары и переписку. В печати Денис Денисович объявил о своём намерении издать полное собрание сочинений отца. Тогда же он обратился к друзьям покойного: «Зная обширные его связи и значительную переписку, ведённую им со многими лицами, я имею честь покорнейше просить всех, владеющих автографами моего отца и списками с неизданных его сочинений, сообщить мне точные с них копии»¹³.

На призыв Дениса откликнулись немногие из владевших письмами партизана. Князь Вяземский написал ему: «Прочитав в Библиографических записках вызов Ваш, любезнейший Денис Денисович (простите это церемонное обращение старому другу Дениса Васильевича), я выразил желание поделиться с Вами тем, что у меня под рукою. Вот 10 писем батюшки Вашего к Пушкину. Кажется, можно ими воспользоваться. И у меня должно быть несколько писем его ко мне. Но собираюсь на днях ехать за границу на год. Сердечно рад, что Вы принимаетесь за новое и полное издание. Перечитывая напи-

санное Денисом Давыдовым, перехожу я в старые спокойные года и снова переживаю их. Но грустно, что переживаю их один, а не с тем и не с тем, которые были спутниками и товарищами моими»¹⁴.

Тогда Давыдову-младшему для нового издания удалось собрать 32 письма отца разным лицам, некоторые из них были неполные, с пропусками страниц текста. Надо отдать должное терпению и умению Дениса-сына: он кропотливо сравнивал первопечатные тексты с рукописями самого Дениса Васильевича и по ним вносил дополнения и изменения. Но в то же время «выправлял» слог своего отца, в иных случаях перекраивал и текст, выбрасывая из писем «опасные» строчки. Позже, при составлении Полного собрания сочинений А.С. Пушкина, искажения издателя Д.Д. Давыдова были убраны и письма восстановлены по сохранившимся автографам Давыдова.

Денис Денисович готовился к активной работе по издательству рукописного наследия легендарного отца. Но этим планам не суждено было сбыться. Заболевание тяжёлой формой оспы для молодого мужчины оказалось смертельным. Похоронили его на территории Новодевичьего монастыря.

Заботы об архиве снова взял на себя старший сын партизана. В середине 1850-х годов Василий Денисович уже находился в отставке в зва-

Денис Денисович Давыдов с женой Ольгой Семёновной

нии штабс-капитана гвардии, выбирался предводителем дворянства Сызранского уезда. Вскоре он сочетался браком с Натальей Александровной Ивинской, дочерью отставного полковника, помещика Рязанской губернии. В 1859 году в их семье родился наследник, наречённый в честь деда Денисом.

Василий Денисович продолжил работу по собиранию архива отца. В этот период он жил в селе Чирково, в усадьбе, доставшейся ему от матери. Начал сотрудничать с журналом «Русский архив», принёс издателю журнала П.И. Бартеневу бумаги «знаменитого нашего партизана», которые «сохранились в черновых собственноручных подлинниках»¹⁵. В «Русском архиве» под заголовком «Из бумаг Д.В. Давыдова» были опубликованы четыре письма, стихотворение «Голодный пёс» и «Разговор Государя императора Николая Павловича с Алексеем Петровичем Ермоловым на музыкальном вечере кн. Дмитрия Владимировича Голицына, 17 мая 1835 г. в Москве, записанный Д.В. Давыдовым». Эти материалы как нельзя лучше отражают взгляды и душевное состояние партизана в последние годы его жизни.

В 1871 году в журнале «Русская старина» вышли «Памятные заметки Василия Денисовича Давыдова», куда вошли «рассказы известных лиц», которые были в «дружеских отношениях с отцом»¹⁶.

В 1872 году в четвёртом номере «Русской старины» впервые в России были опубликованы записки Давыдова о польских событиях 1831 года, хранившиеся у Василия Денисовича. Здесь же с автографов Давыдова-поэта впервые были опубликованы басни «Голова и ноги», «Река и зеркало».

За всем, что печаталось потомками партизана, с интересом следил старинный друг отца князь Пётр Андреевич Вяземский, возглавлявший тогда императорское Российское историческое общество. Об этом свидетельствует его письмо от 25 апреля 1872 года, адресованное Василию Денисовичу: «С живейшим участием и сочувствием прочитал я статью вашу <...> Да и могло ли быть иначе? Она меня, хотя и с грустью пополам, перенесла в радостную старину и расшевелила многия воспоминания <...>»¹⁷.

Петр Николаевич Давыдов,
внук Д.В. Давыдова

Василий Денисович Давыдов, как и многие представители рода, не стал должителем. Он скончался, когда ему шёл шестидесятый год. И «сундук со всеми бумагами» перешёл к старшему его сыну, Денису Васильевичу. В молодости внук и полный тёзка партизана обучался в Пажеском корпусе, был произведён в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка Его величества. Несколько лет занимался изучением телеграфного дела. В 1859 году получил чин капитана и вскоре был зачислен в запас. Он обвенчался с княжной Софьей Петровной, дочерью светлейшего князя П.Д. Волконского, и молодая семья переселилась в село Чирково. Денис Васильевич работал в Присутствии по крестьянским делам Бугульминского уезда, затем там же был избран уездным почётным мировым судьёй. В 1885 году он открыл в Чиркове церковно-приходскую школу. К сожалению, Д.В. Давыдов (второй) не дожил и до сорока лет. Софья Петровна передала весь архив двоюродному брату покойного мужа П.Н. Давыдову.

Пётр Николаевич Давыдов, внук партизана, в 1896 году в чине гвардии штабс-капитана вышел в отставку, женился на Дарье Николаевне Шиповой – внучке Натальи Гончаровой-Пушкиной-Ланской. Молодые выбрали местом своего пребывания саратовское поместье в селе Благодатное Хвалынского уезда, доставшее-

ся по наследству от Николая Денисовича. Оно находилось в 40 верстах от Верхней Мазы, на живописном берегу реки Терешки, рядом с Волгой.

П.Н. Давыдов служил в хвалынском земстве, был уездным предводителем, почётным мировым судьёй. За службу получил ордена святой Анны 2-й, Владимира 4-й и Станислава 2-й степени. Он построил в имении новую деревянную церковь, при которой работала церковно-приходская школа. Давыдовы создали в Благодатном образцовое хозяйство, которым в основном руководила Дарья Николаевна. Она возглавляла хвалынский местный комитет Российского общества Красного Креста, была попечительницей Хвалынской женской гимназии, открыла для крестьян детские ясли и больницу.

Последние нити, ведущие к Пушкину

В конце лета 1904 года Пётр Николаевич Давыдов по рекомендации Дарьи Николаевны пригласил её знакомую для приведения сбора документов легендарного деда в надлежащий порядок. Сотрудни-

Д.Н. Давыдова (урождённая Шипова,
внучка Натальи
Гончаровой-Пушкиной-Ланской)

Д.В. Давыдов (внук)

ца Петербургского археологического института М.А. Трунова за гонорар, предложенный владельцем, приехала в село Благодатное и впервые разобрала все документы, начиная с царствования императора Александра I до 1838 года. Она пересмотрела архив, сверила с более ранними изданиями и отметила, какие материалы ещё не были опубликованы. При систематизации разделила весь архив на шесть групп и сделала их обзор. На каждый том документов были наклеены инвентарные марки «Библиотека села Благодатного». М.А. Трунова сделала подробную опись документов, и эта бумага тоже стала собственностью потомка Давыдова.

Информация о проведённой работе стала известна членам академической комиссии по сбору автографов Пушкина и изданию его переписки: в 1899 году, накануне празднования 100-летнего юбилея со дня рождения поэта, впервые была озвучена идея полного академического издания его произведений. В начале 1906 года один из членов пушкинской комиссии доложил: «У Петра Николаевича Давыдова, предводителя дворянства Хвалынского уезда Саратовской губернии, имеются письма Пушкина к Денису Васильевичу Давыдову; на посланный председателем запрос г. Давыдов ответил любезным обещанием привезти эти письма в Петербург, но, к сожалению, до сего времени Комиссия не получила ещё означенных писем, несмотря на вторичное письмо, посланное к г. Давыдову». В 1907 году к процессу обнаружения подлинников

семейного архива Давыдовых подключился историк В.В. Жерве. В своей заметке «Семейный архив партизана Д.В. Давыдова», вышедшей в журнале «Исторический вестник», он сообщил: «По внешнему виду литературное наследие Давыдова – большой сундук, в котором до разбора и составления описи дела и бумаги хранились в полном беспорядке. Некоторые документы с 1807 года подвергались порче, некоторые доступны чтению с большим трудом, а другие вовсе нельзя прочесть; хранящиеся здесь документы доведены до 1837 года. Материалы, относящиеся к 30-летней эпохе 1807–1837 гг., отличаются громадным интересом <...> Архив партизана Д.В. Давыдова – это один из тех драгоценных семейных архивов, которые у нас, к сожалению, так мало доступны <...> Обидно осознавать, что, находясь в частных руках, он подвергается всяким неблагоприятным случайностям и рискует, быть может, даже вовсе погибнуть...»¹⁸.

Такое сообщение вызвало негодование Петра Николаевича Давыдова. В следующем номере того же журнала он привёл факты о заботах Василия Денисовича и его сына Дениса Васильевича (2-го) по сбору архива Давыдова-партизана, о собственной роли в сохранении, дополнении «многими письмами и документами». Пётр Николаевич признал, что действительно в архиве есть документы, подвергшиеся порче ввиду их древности, но они и были таковыми, когда он их получил. Пётр Николаевич твёрдо заявил, что продавать архив не намерен (хотя и были предложения), свои права на архив и на опись не передавал никому и, будучи более свободным в 1907–1908 году зимой, предполагает часть неизданных документов опубликовать.

Однако это не было сделано. В начале января 1910 года в Петербурге П.Н. Давыдову из почки удалили

камни, началось воспаление лёгкого, и он умер. Тело долго стояло в склепе церкви Кавалергардского полка, и только в конце марта его похоронили в одной огаде с могилой деда в Новодевичьем монастыре.

Архив прославленного партизана перешёл во владение к вдове его внука – Дарье Николаевне Давыдовой, внучке Натальи Гончаровой-Пушкиной-Ланской. Детей у четы Давыдовых не было, в том же году она предоставила бумаги в распоряжение Русского военно-исторического общества.

Приблизилась 100-летняя годовщина Отечественной войны, и по поручению военно-исторического общества В.В. Жерве получил доступ к материалам семейного архива. Он обнаружил, что архив Давыдова дошёл далеко не в полной сохранности: утрачен целый ряд ценнейших документов, в частности, письма многих литературных корреспондентов Давыдова, в том числе и письма А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, Е.А. Баратынского, Н.М. Языкова, В.А. Жуковского, А.С. Грибоедова и других современников. Трудно предположить, что такие ценные материалы были уничтожены или утрачены. Скорее всего, литературно-эпистолярный отдел был удержан кем-то как наиболее ценная часть собрания. Но кем и зачем?!

Среди бумаг из верхнемазинского сундука более чем 60 лет спустя после смерти Д.В. Давыдова была обнаружена ещё одна ниточка, связавшая его с А.С. Пушкиным: список письма В.А. Жуковского к Сергею Львовичу, отцу поэта. Документ об обстоятельствах гибели А.С. Пушкина был подписан рукой самого Дениса Васильевича: «1837 г. Письмо Жуковского к отцу Пушкина». В том роковом году интерес к дуэли и последним дням жизни Пушкина нашёл отражение в интенсивном обмене современников копиями пись-

ма Жуковского к отцу поэта. Одна из копий письма впервые была напечатана в пятом номере «Современника» за 1837 год, но со значительными сокращениями. И только 30 с лишним лет спустя оно было опубликовано полностью в «Русском архиве», после чего стало публиковаться в собраниях сочинений В.А. Жуковского. Оригинал этого письма до сих пор не найден, поэтому научный интерес представляют все его сохранившиеся списки. Пушкиноведами точно установлено, что первый черновик письма Жуковского хранился у Д.В. Давыдова в Верхней Мазе. Об этом мы читаем и в брошюре М.А. Труновой. Работая в имении Давыдова-внука в Благодатном, М.А. Трунова при сличении этой копии с письмом Жуковского, изданного в его «Сочинениях» Сытинским в 1902 году, обнаружила, что, «кроме многочисленных мелких изменений, копия из давыдовского архива содержит в себе подробности, не имеющиеся в том же самом письме, напечатанном в сочинениях поэта Жуковского»¹⁹. В этой копии есть окончание письма Жуковского, обращённое лично к отцу поэта и ранее нигде не публиковавшееся: «Прости, мой бедный Сергей Львович! Я не думал, что мне доведется хоронить его, быть опекуном его сирот и издателем его сочинений <...>. Лучше, когда он б мог оказать эту последнюю услугу мне – теперь я занимаюсь разбором его бумаг. «Современник» на нынешний год будет издан в его пользу <...> Прости! <...> 15 февраля». Как и многие сохранившиеся документы и автографы из верхнемазинского сундука, этот список с первого оригинального черновика письма В.А. Жуковского с пометами Дениса Васильевича Давыдова можно увидеть в Российском государственном военно-историческом архиве.

Софья Узбекова,
заслуженный учитель РФ

¹ Старина и Новизна. 1917. Кн. 22. С. 43.

² Там же. С. 144–145.

³ Д.В. Давыдов. Сочинения, ч. III. М., 1860. С. 139–141.

⁴ И.А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 236–237.

⁵ Д.В. Давыдов. Сочинения, ч. III. М., 1860. С. 143–144.

⁶ Александр Александрович Башилов, председатель Строительной комиссии в Москве.

⁷ Д.В. Давыдов. Сочинения, ч. III. М., 1860. С. 143.

⁸ И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А.С. Пушкина. СПб., 1903. С. 267–269.

⁹ Русский архив. 1880, кн. III. С. 228.

¹⁰ И.А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А.С. Пушкина. СПб., 1903. С. 286.

¹¹ Д.В. Давыдов. Сочинения, ч. III. М., 1860, с. 141–143

¹² Письма поэта-партизана Д.В. Давыдова к князю П.А. Вяземскому. СПб, 1917. С. 50.

¹³ Библиографические записки. 1858. Т. I. С. 248.

¹⁴ РГБ ОР. Ф. 479. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-2.

¹⁵ Русский архив. 1866. № 6. С. 904.

¹⁶ Русская старина. 1871. Т. 3. № 6. С. 782.

¹⁷ РГБ ОР. Ф. 479. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-2.

¹⁸ Исторический вестник. 1907. Т. 108. С. 1040.

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

Данте

Милые спутники

Три страны значатся на эмигрантской карте Марины Цветаевой: Германия, Чехия, Франция, и каждая из них оставила как светлые, так и горестные воспоминания.

Марина Цветаева и семья симбирян Чириковых

Мысль о вынужденной эмиграции для Марины Цветаевой возникла с появлением в её доме Ильи Эренбурга 14 июля 1921 года, доставившего благою весть, что её муж Сергей Эфрон жив и находится в Чехии. Цветаева, переполненная бурей чувств, восклицает: «Жив и здоров! / Громче громов / – Радость!» И сразу же принимает окончательное и бесповоротное решение – ехать.

27 февраля 1921 года Цветаева пишет: «Серёженька, умру ли я завтра, или до 70 лет» проживу – всё равно – я знаю, как знала уже тогда, в первую минуту: Навек. – Никого другого. – Я столько людей перевидала, во столько судьбах перегостила – нет на земле второго Вас, это для меня роковое. <...> Я от всего мира заграждена – Вами» [1, с. 236].

11 мая 1922 года от перрона Виндавского вокзала в Москве отошёл поезд, среди пассажиров находились Марина Цветаева и её девяти-

Марина Цветаева, Аля, Сергей Эфрон.
Чехия

летняя дочь Аля. 15 мая они были уже в Берлине. Её муж, Сергей Яковлевич Эфрон, участник Белого движения, в это время находился в Праге. Чешское правительство Масарика предложило русским беженцам приют, денежное пособие и возможность продолжения учёбы. Так Сергей Эфрон стал студентом Карлова университета.

Однако в Прагу из Москвы было ехать невозможно: дипломатических отношений между Советами и Чехословакией тогда не существовало. Единственным реальным местом встречи оказался Берлин. 7 июня 1922 года наконец-то состоялась встреча супругов после четырёхлетней разлуки. Эту дату сохранила дарственная надпись, сделанная Цветаевой на сборнике стихов «Разлука»: «Серёже. Берлин, 7-го нов. июня 1922 г.

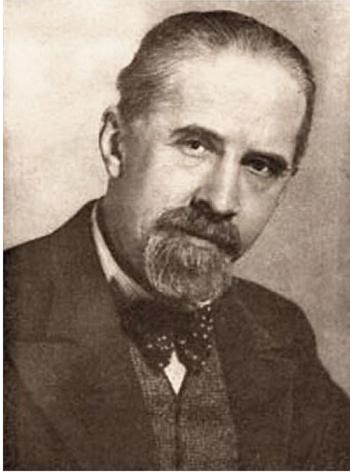
День встречи. Марина». Было решено, что жить будут в Праге. Главное: живы и нашли друг друга.

В Берлине «Марина скоро пере-знакомилась со всеми, – записывала Аля в дневнике, – а подружилась, как всегда, немногими и ненадолго – с художницей Любой Козинцевой, женой Эренбурга, с другой художницей, ученицей Билибина, Людмилой Чириковой (дочерью известного в свое время писателя)...» [2, с. 125].

Так началось знакомство Цветаевой с семьёй писателя Евгения Николаевича (1864–1932), имевшего симбирские корни. Его дочь Людмила Чирикова (1896–1995) – талантливая художница. Во время Октябрьской революции она находилась в Москве с родителями и младшей сестрой Валентиной (Чирикова-Ульянищева, 1897–1988). Весной 1918-го выехала с ними в Крым, на семейную дачу в кооперативном имении Батилиман, где занималась графикой под руководством Ивана Яковлевича Билибина – соседа по даче и давнего знакомого отца. Они вместе ходили на этюды и гуляли в окрестностях Батилимана. В Крыму Билибин впервые обратился к портретному жанру. Созданный им «Портрет Л.Е. Чириковой» (1919, частное собрание, Нью-Йорк) является одним из лучших произведений художника. Задумчивый взгляд, свободный покрой платья, цветов в руках передают нежность и очарование молодости. Каждый штрих художника говорит о его чувствах к своей ученице. Из воспоминаний Людмилы Чириковой: «Когда я познакомилась с Билибиным, могу сказать, что это произошло очень давно в Петербурге. Иван Яковлевич был большим другом моего отца – писателя Евгения Николаевича

Портрет Людмилы Чириковой.
Худ. И.Я. Билибин. 1919

Иван Яковлевич Билибин
(1876–1942)

Чирикова. Отец водил нас показывать рисунки и книги Ивана Яковлевича. Когда я еще была девочкой с косичками (Билибин старше меня на 20 лет), но я уже тогда интересовалась искусством. Но особенно мы сдружились, конечно, в трудное время войны и революции в Батилимане, где наша семья, как и Иван Яковлевич, имели дачи. Билибин и раньше приезжал туда с красивой молодой художницей Рене О'Коннель. И мы дружно ездили на этюды, занимались графикой. Но в это трудное время он приехал в Батилиман уже один, холостяком, и был очень занят работой. Тогда же он сделал карандашные портреты моего отца, моей старшей сестры и мой в 1919 году».

В феврале 1920 Людмила эвакуировалась вместе с сестрой Валентиной и Билибиным из Новороссийска в Египет. Была спутницей художника сначала в Александрии, где познакомилась с семьёй симбирянина Ивана Павловича Умова, с которым дружил Билибин, затем в Каире помогла художнику в работе над большими заказами по декорированию дворцов и церквей. Рисовала образцы старинной керамики Арабского музея в Каире для музейного издания. В апреле 1922 Людмила переехала к отцу в Прагу, а оттуда – в Берлин, где сотрудничала с издательствами, исполняя обложки для книг.

О своём знакомстве с Цветаевой Людмила Евгеньевна писала: «Меня судьба столкнула с Мариной Цветаевой в 1922 году в Берлине. Я приехала туда из Египта, где провела два года в Каире после бегства из России. Мне посчастливилось тогда сотрудничать (в частности, заниматься графикой)

с моим учителем, художником Билибиным. В Берлине в эти годы русская литературная жизнь была очень оживлена, было много русских издательств, выходили газеты, несколько журналов. Я сразу включилась в работу делать обложки и шрифты для издательств. В том числе я сделала цветную обложку и заставки для поэмы М. Цветаевой «Царь-Девушка». Мне кажется, сблизило нас с Цветаевой одинаковое мироощущение, что кругом всё не так, как нужно, нереально, а значит, есть что-то другое, настоящее. Очень скоро Марина Ивановна со своей дочерью Алей уехала из Берлина в Чехию, к мужу Сергею Эфрону. <...> В Берлине мне пришлось тогда выполнять ряд поручений для Марины Ивановны с издательствами» [СС6, с. 309].

Общение с Людмилой Евгеньевной продолжится позднее в письмах. 4 августа 1922 года Цветаева писала: «Пока – два слова. Еще не устроились, живем в Мокрых Псах, в чужой комнате. Сегодня переезжаем к леснику. Это очень высоко, совсем в горах, в солнеч-

ную погоду будет прекрасно. Ваших видела два раза. Вы не похожи ни на сестру, ни на брата. Вы старше (внутренно), более выявлены» [СС6, с. 301].

В письмах Цветаева неоднократно обращается к Людмиле Евгеньевне с просьбами, иногда бытовыми, например, купить ей немецкие башмаки (Bergschuhe), встретиться в Берлине с Абрамом Вишняком и передать просьбу Цветаевой о возвращении её рукописей. Так, в письме от 4 апреля 1923 года Цветаева убедительно просит Людмилу Евгеньевну нанести визит Сергею Михайловичу Волконскому, посылая ей 20 франков на шоколад для «очень одинокого человека»: «Это моя лучшая дружба за жизнь, умнейший, обаятельнейший, страннейший и – гениальнейший человек на свете. <...> Подружитесь с Волконским! <...> Это большая духовная ценность...». В этом же письме читаем слова благодарности, обращённые к Людмиле Евгеньевне: «Моя дорогая умница, моя нежная умница, мне никогда не стыдно Вас просить, мне

Валентина Евгеньевна Чирикова, Евгений Николаевич Чириков, Георгий Евгеньевич Чириков, Валентина Григорьевна Чирикова, Новелла Евгеньевна Чирикова. В центре – Наталья, дочь Новеллы. Вшеноры (близ Праги). 1923

только жаль, что Вы никогда у меня ничего не просите.<...> Я вас очень люблю, знаете это. Вы во всем настоящая, я всегда говорю С<ереже> – если бы Людмила> Евгеньевна> здесь была. Я была бы вдвое счастливее!..» [СС6, с. 302–305].

В письме к Роману Гулю Цветаева признавалась, что «вообще, у меня в Берлине, с отъездом Л.Е. Чириковой, нет друзей: никого» [СС6, с. 516]. А в одном из писем к ней она выводила формулу своего душевного состояния: «Душа от всего растёт, больше всего же – от потерь».

1 августа 1922 года Цветаева с дочерью прибывают в Прагу, и начинается жизнь в Чехии со своими радостями, лишениями, неустроенностью быта. Отсутствие средств заставляет Цветаеву с семьёй поселиться в деревне, близ Праги. Они ещё не знают, сколько деревень, изб придётся сменить им в поисках жилья, какая неустроенность их ждёт. Одно радует Цветаеву – природа, возможность совершать длительные пешие прогулки: «Шум надувающихся и проносящихся ручьев, – этого слова я искала вчера, проходя темным вечером по деревне. Черный остов церкви, запах березового лыка (размоченных ливнями плетней), под ногами вязь, грязь, – справа и слева, вдогон и в обгон – шум надувающихся, торопящихся и проносящихся ручьев» [3, с. 116].

Огромным событием для всей округи стало рождение сына Марины Цветаевой. Когда утром 1 февраля начались роды, Цветаева отказалась ехать в больницу в Прагу. «Знала, что до станции не дойду, несмотря на все свое спартакство, из-за частоты боли – не дойду. Началась безумная гонка С<ережа> по Вшенорам и Мокропсам. Вскоре комната моя переполнилась женщинами и стала неузнаваемой. Чириковская няня вымыла пол, всё лишнее (т.е. всю комнату!) вынесли, облекли меня в андреевскую ночную рубашку, кровать выдвинули на середину...». Цветаева в тетради перечислила всех присутствовавших при родах женщин, рассказывая подробно о каждой из них: «У Георгия было семь нянь: волчиха-угольщица, глядящая в леса, А.И. Андреева, В.Г. Чирикова, Муна Булгакова, Катя и Юлия (!!!) Рейтлингер. Чешка – цыганка – волжанка – татарка – и две немки. В<алентина> Г<еоргиевна> Чирико-

Марина Цветаева
с Ариадной Эфрон. 1924

ва (актриса, волжанка) кокетничала, как всегда, со всеми и всем, старая актриса просто – играла: в молодую мать (это я без злобы, она и молодой матерью будучи – играла, доигрывала) в молодое материнство, всё равно чье, ее или мое... А он хорошенький! Почти что – горбоносый! А ноздри! ноздри! Прямо – Шаляпин...» [3, с. 332–333].

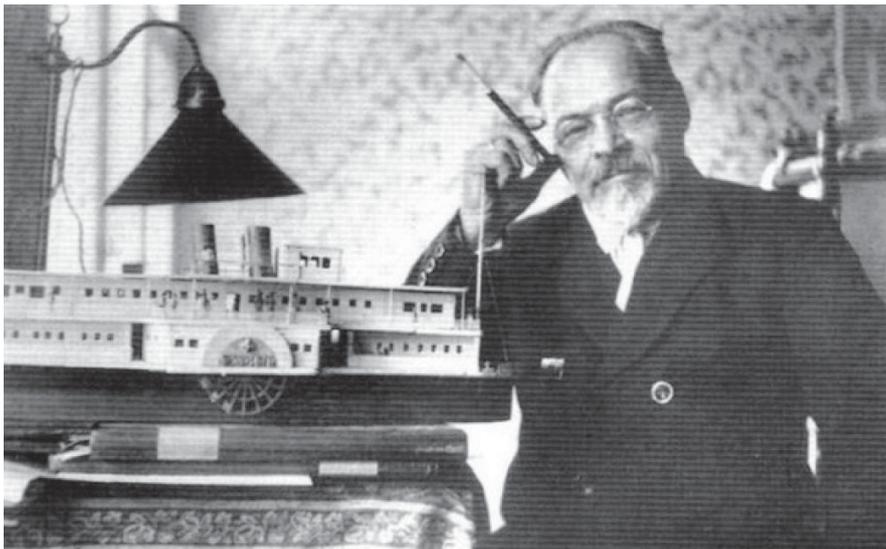
И в эти же дни в письме к Анне Антоновне Тесковой, ставшей верным и надёжным другом Цветаевой вплоть до отъезда в Россию, она пишет: «Большая просьба, м.б., нескромная: не найдется ли у кого-нибудь в Вашем окружении простого стирающегося платья? Я всю зиму жила в одном, шерстяном, уже расползшемся по швам. Хорошего мне не нужно, – всё равно нигде не придется бывать – что-нибудь простое. Купить и шить сейчас безнадежно: вчера 100 крон акушерке за три посещения, на днях 120–150 крон угольщице за 10 дней, залог за детские весы (100 крон), а лекарства, а санитария! – о платье нечего и думать. А очень хотелось бы что-нибудь чистое к ребенку» [с. 23–24].

Несмотря на множество проблем, Цветаева была счастлива. 10 мая 1925 года в письме Ольге Елисеевне Колбасиной-Черновой сообщает подробно о сыне и пишет слова, которые, несомненно, очень дороги для каждого русского человека: «И еще о России, о том, что Россия – в нас, а не там-то или там-то на карте, в нас и в песнях, и в нашей русской раскраске, в раскосости глаз и во всепрощении сердца, что он – через меня и мое песенное начало – такой русский Мур (домашнее имя сына Георгия. – Н.В.)...» [СС6, с. 742–743].

Во Вшенорах, наискосок от лавки пана Балоуна, стояла красивая «Вилла Боженка» – большая, вместительная дача. Её снимали пополам многодетная семья писателя Е.Н. Чирикова (все его дети были взрослые) – и вдова Леонида Андреева, Анна Ильинична, с Ниной – молодой, красивой дочерью от первого брака и с тремя детьми-подростками от брака с Андреевым: Верой, Саввой и Валентином [2, с. 111]. Дружить со всей чириковской семьёй Марине было несподручно – очень уж велика и разновозрастна была семья. В гостях у Цветаевой появлялись то Людмила (вскоре уехавшая), то Валентина, то старики. В честь Евгения Николаевича Марина даже пироги пекла, что ей было совсем не свойственно. Чириков, смеясь, называл их «цыганскими пирогами на кофейной гуще» и ел с аппетитом, жена его, Валентина Георгиевна, вежливо спрашивала: «Как вы это готовите?» – и недоверчиво отщипывала кусочек. [2, с. 111–112].

Евгений Николаевич Чириков – известный русский писатель (1864–1932). Его жена Валентина Георгиевна Чирикова, урожд. Григорьева (сценический псевдоним Иолшина; 1874–1966) – драматическая актриса. Супруги вместе с детьми оказались в эмиграции близ Праги. Евгений Николаевич постоянно помогал Марине Цветаевой в её просьбах о продлении писательской стипендии, которую она получала в рамках акции чехословацкого Министерства иностранных дел. Так, в письме к Ольге Елисеевне Колбасиной-Черновой она сообщает, что «Чириков обещал похлопотать о декабрьской ссуде, но, если прошения уже будут поданы в министерство, это не поможет» [СС6, с. 690].

Валентина Евгеньевна Чирикова в своих воспоминаниях «Костёр Марины Цветаевой» писала: «С какими бы людьми Марина Цветаева ни встречалась, она искала в них «вздох животворящий» или сразу относилась к людской гуще. У Цветаевой было два взгляда и две улыбки. Один взгляд – внутрь и в суть и – улыбка-разгадка, улыбка мгновенно сотворенному образу. Перед ее взглядом человек предстал внутренне обнаженным: она мгновенно составляла как бы формулу его человеческой сути. Как будто стенографически записывая за жизнью, Цве-

Е.Н. Чириков в своём кабинете с моделью ходившего по Волге парохода «Боярин». 1925

таева мимоходом высказывала вслух свои мысли-формулы: несколько отрывисто брошенных слов, но как много в себе вмещавших! При этом в ее голосе слышался умный смешок и как бы удары молотка, мимоходом забивающего гвоздь там, где нужно... Когда я уезжала из Чехии, она подарила мне на вокзале свой сборник стихов «Ремесло» с такой надписью: «Валентине Евгеньевне Чириковой – моей сестре в болевом, т. е. единственно верном и вечном, – эту, как говорят, радостную книгу, а по мне – совсем не книгу! – от всего сердца. Марина Цветаева.

Прага, 15 октября 1923 г. Вильсоновский (хороший) вокзал».

С творчеством Евгения Николаевича Чирикова Марина была знакома

с детства. Анастасия Цветаева в своих «Воспоминаниях» пишет: «Часто мама, взойдя к нам в детскую, – как мы любили ее приходы, – читала нам рассказы Чехова, Чирикова, Телешова, книжки «Донской речи». Как мы боялись, что у мамы будет мигрень, помещает прийти к нам!» [2, с. 18] (Издательство «Изограф», 1995).

Жизнь и творчество Евгения Николаевича были связаны с Волгой: «До десятилетнего возраста я прожил частью в селах, частью в маленьких городах Казанской и Симбирской губерний, на Волге. Пред моими глазами, с первых моментов пробужденного сознания, развернулась огромная светлая водяная дорога, с манящими вдали синими контурами гор, с безгра-

ничным простором лугового и лесного Заволжья».

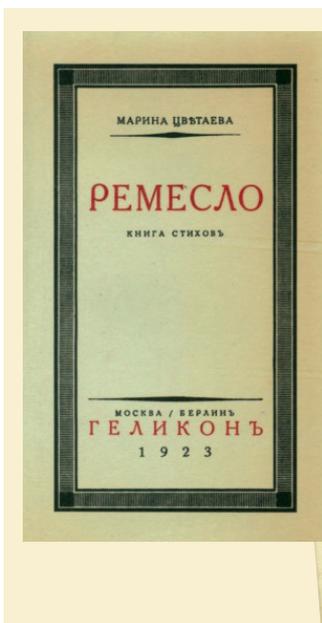
«Волга! Одна из значительнейших рек всего земного шара, величайшая из рек Европы, река – собирательница славянства, прекрасная волшебница, сотворившая из ничего наше поистине сказочное царство-государство с неумирающими до сей поры Иванушками-дурачками, с колдунами, ведунями, оборотнями и всякой чертовщиной и нечистью, воистину наша национальная река, а знаем и любим мы её мало, холодно» [4, с. 224]. / «Волга-сказочница» /

В это предложение Евгений Николаевич Чириков вместил и восторг, и любовь к родной реке, и глубокое сожаление о равнодушии человека к своим национальным святыням. Этот писатель сумел сказать о Волге так много, что дивисься богатству слов, образов, посвящённых родной реке.

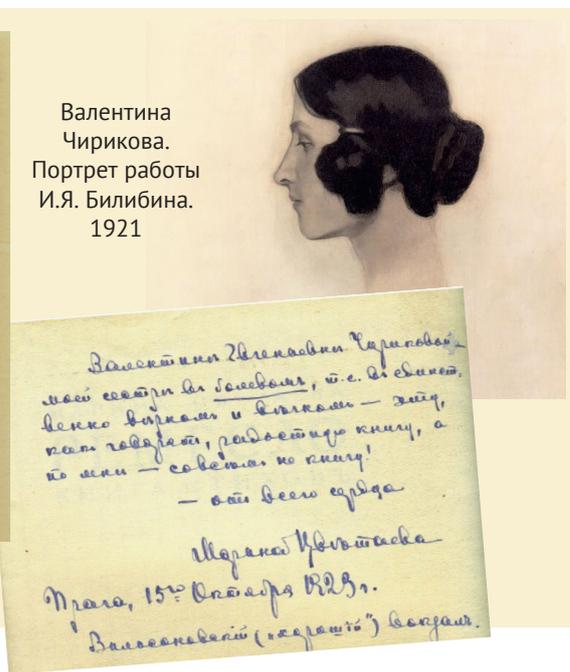
«Волга, облитая голубоватым блеском лунного света, словно задремала, околдованная чарами неясных весенних грёз, и тихо, ласково и любовно гладила своими струями и крутой берег, и высокие борта стоявшей на якоре баржи» [4, с. 306]. / «На стоянке» /

«Было яркое весеннее утро, и Волга лениво катила свои глубокие воды, разомлев под горячими лучами солнышка. Чистое небо смотрелось в речную зеркальную гладь и сообщало ей нежно-голубоватый оттенок. Жигули блистали яркой зеленью, красиво оттенявшей жёлтые и бурые выступы откосов... Белые чайки реяли в прозрачном воздухе и трепетали над водой крыльями. Даль задрнула улыбалась яркому, горячему солнышку...» [4, с. 314-315]. / «На стоянке» /

«Дача была расположена вблизи Волги. Окружённая густым дубняком, орешником и рябиной, она пряталась в зелёной листве деревьев, едва выглядывая только вершинами крыши двух высоких деревянных зданий. Местоположение её было так живописно, что приезжавшие «на денёк» гости оставались обыкновенно на неделю. Да и в самом деле, стоило только выйти на балкон, чтобы сердце запырало от восторга и радости при виде открывающейся картины. Прямо перед глазами – гладкая поверхность Волги сверкает на солнце своею сталью; над рекой поднимаются великаны – зелёные горы, убегающие

Валентина Чирикова. Портрет работы И.Я. Билибина. 1921

куда-то далеко-далеко и пропадающие в голубой дымке прозрачного весеннего воздуха. Кругом – кудрявая зелень: позади, взбираясь на гору, поднимается прохладная зелёная роща. Всё цветёт, благоухает, поёт и радуется...» [4, с. 219–220]. / «Белая роза» /

Евгений Николаевич был убеждён: «Чтобы узнать, почувствовать и полюбить великую реку, надо если не родиться на ней, то хотя бы пожить около её берегов, подойти к ней поближе, разглядеть её прошлое и настоящее, воспринять художественно всё многообразие связанной с нею жизни. Только тогда начинаешь чувствовать и понимать мистическую тайну любви к своей Отчизне, которую так ярко и красочно отражает Волга-матушка, раскинувшись большой светлой дорогой через всю Русь...» [4, с. 225–226]. / «Волга-сказочница» /

Ариадна Эфрон, Аля, бывая в доме Чириковых, многое подмечала и понимала, как не хватает писателю родной Волги, её просторов: «Тоска жила в комнате Евгения Николаевича, воплощенная и воплощаемая им – нет, не в рукописях: в деревянных моделях волжских пароходов, которые он сооружал на верстаке у окошка, глядевшего в самую гуцу сада. Комната была населена пароходами – маленькими и чуть побольше, баржами – коломенками, тихвинками, шитиками, гусянками; челнами и косными... Тесно было волжанину во Вшенорах, мелководно на Бероунке!» [2, с. 212].

Весной 1925 года Игорь Северянин посетил Прагу и провёл в столице Чехии две недели. Этого оказалось достаточно, чтобы встретиться со многими известными русскими эмигрантами, прочесть свои стихи на собрании «Скита поэтов», где присутствовал и Евгений Николаевич Чириков. Литератор Юрий Шумаков в статье «Венок волжанам», вспоминая встречи с Игорем Северянином, писал, что однажды в столовой поэта он увидел модель волжского судна, которое, конечно, заинтересовало его. Хозяин дома рассказал ему историю этого сувенира: «Когда я давал поэтовечер в Праге, замечательный писатель-волжанин Евгений Николаевич

Игорь Северянин

Чириков – отличный резчик – преподнес мне этот великолепный подарок». (Газета «Ульяновская правда». 12.10.1991).

Этот сувенир и стал поводом для создания Игорем Северянином стихотворения «Модель парохода (Работа Е.Н. Чирикова). 1925».

Когда, в прощальных
отблесках янтарен,
Закатный луч

в столовую скользнет,
Он озарит на полке пароход
С названьем, близким волгарю:
«Боярин».

Строителю я нежно благодарен,
Сумевшему
среди будничных забот

Найти и время, и любовь, и вот
То самое, чем весь он лучезарен.
Какая точность

в разных мелочах!
Я Волгу узнаю в бородачах,
На палубе стоящих.

Вот священник.
Вот дама из Симбирска.

Взяв лохань,
Выходит повар:
вскоре Астрахань, –

И надо чистить
стерлядей весенних...

Евгений Николаевич подарил «королю поэтов» свою книгу «Семья» с надписью: «Милосуду Игорю Северянину с искренним расположением».

В 1934 году Игорь Северянин издаст в Белграде сборник «Медальоны» (сонеты о писателях и композиторах), куда войдут имена Цветаевой, Чирикова и наших волжан – Н.М. Карамзина, И.А. Гончарова, Алексея Толстого.

Переехав в Париж, Марина Цветаева очень скучала по Чехии. Возвращаясь из эмиграции в Россию, она написала 12 июня 1939 года Анне Антоновне Тесковой: «Дорогая Анна Антоновна! (Пишу на ладони, потому такой детский почерк.) Громадный вокзал с зелеными стеклами: страшный зеленый сад – и чего в нем не растёт! – На прощание посидели с Муром, по старому обычаю, перекрестились на пустое место от иконы (сдана в хорошие руки, жила и ездила со мной с 1918 г<ода> – ну, когда-нибудь со всем расстанешься: совсем! А это – урок, чтобы потом – не страшно – и даже не странно – было...). Кончается жизнь 17-ти лет. Какая я тогда была счастливая! А самый счастливый период моей жизни – это – запомните! – Мокропысы и Вшеноры, и еще – та моя родная гора. <...> Подъезжаем к Руану, где когда-то людская благодарность сожгла Иоанну д'Арк. (А англичанки 500 лет спустя поставили ей на том самом месте памятник.) – Миновали Руан – рачьте дале! – Буду ждать вестей о всех вас, передайте мой горячий привет всей семье, желаю вам всем здоровья, мужества и долгой жизни. <...> До свидания! Сейчас уже не тяжело, сейчас уже – судьба» [СС6, с. 479–480].

Сегодня по-особому звучат слова Марины Цветаевой о том, что такое Родина, которые заставляют вновь и вновь обращаться к ее творчеству, ее жизни и ее судьбе: «Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови, – писала в 1925 году Марина Цветаева. – Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, – тот потеряет её лишь вместе с жизнью».

Нина Васильева

Литература

Цветаева М.И., Эфрон С.Я. Нет на земле второго Вас... Проза, стихи, письма: 1911–1925. М., 2007.

Эфрон А. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. – М., 1989.

Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997.

Чириков Е.Н. Зверь из бездны. Роман, повести, рассказы, легенды, сказка. СПб. 2000.

Цветаева А.И. Воспоминания. М.,: Издательство «Изограф», 1995.

Цветаева М.И. С/с в 7 т. Т. 6. Письма. М.: Эллис Лак, 1995.

Марина Цветаева. Спасибо за долгую память любви... Письма к Анне Тесковой. 1922–1939. М.Б: Русский путь, 2009.

Конец истории храма во имя святого благоверного князя Александра Невского в Мелекесе

7 февраля 1960 года в газете «Знамя коммунизма» была опубликована статья «Новый, широкоэкранный...». Автор В. Лимонов писал: «Ещё совсем недавно здесь возвышалась полуразвалившаяся церковь: жильё для птиц, место приключений для мальчишек... И вот на этом месте закончено строительство светлого и просторного здания – кинотеатра «Мир»... Вчера двери этого красивого здания с голубой вывеской «Кинотеатр «Мир» открылись для горожан... Радостно сознавать, что на месте «божьего храма», где ретивые служители культа некогда калечили человеческие души, теперь красуется другой храм – «храм искусства», в котором перед зрителем предстает великая правда нашей жизни». Как же получилось, что на месте храма во имя святого благоверного князя Александра Невского появился кинотеатр?

Стоит напомнить, что, согласно декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви, принятому Советом народных комиссаров 20 января 1918 года, церковные и религиозные общества не имели права владеть собственностью. Всё их имущество стало народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные для богослужебных целей, были переданы лишь в бесплатное пользование религиозных организаций. Таким образом все храмы и мечети Мелекеса стали собственностью молодого Советского государства.

В 1922 году для исполнения декрета была сформирована антирелигиозная комиссия по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б). Заседание Политбюро ЦК 8 августа 1929 года, на котором присутствовали руководители комиссии, постановило: «Религии со своими догмами, этикой, праздниками, обрядами, являясь сами по себе контрреволюционной идеологической силой, – тем легче обращаются антисоветскими элементами в орудие срыва коллективизации сельского хозяйства, социалистического сорев-

нования, перехода на непрерывную производственную неделю... все это ведет к ослаблению обороноспособности страны и является, по существу, подготовкой тыла в интересах мирового империализма».

Последовавшая за этим спецдиректива, подписанная Молотовым и Кагановичем, объявила религиозные организации легально действующей контрреволюционной силой. Эта директива положила начало тотальным гонениям на церковь.

Храм во имя святого благоверного князя Александра Невского (Красная церковь) до 1932 года оставался действующим, но 14 апреля 1932 года мелекесский райисполком (председатель Попков) по ходатайству мелекесского горсовета (председатель Останин), «учитывая настоящие требования большинства рабочих организаций, студенчества и всего населения города организованного в профсоюзы, выраженных в специальных решениях общих собраний и персональных подписках о закрытии Александра-Невской церкви и магометанской мечети» (подписные листы прилагались), постановил удовлетворить ходатайство о закрытии церк-

ник советского аппарата не могу умолчать об этом. Суть моей жалобы такова. В гор. Мелекесе Ульяновской области в недалеком прошлом было три больших каменных церкви, так называемые Белая, Таратинская, Красная. Две из них сломали. На месте сломанных церквей сделали парк культуры и отдыха и расширили площадь городского кладбища. Но одна из них осталась целой, так называемая Красная церковь. Стоит она в центре города. Но церковь имеет очень неприглядный вид лишь только потому, что она осталась без всякого присмотра. Железо с крыши церкви снято. На крыше растёт уже во всю зелень. Двери церкви открыты. В вестибюле свалился когда-то цемент, но после взятия его уборка не была произведена. Стекла в окнах все побиты. В ограде и в церкви валяются дрова, пустая тара каких-то организаций. Короче говоря, церковь имеет очень неприглядный вид, и всё это в центре города. Поэтому архитектурные ансамбль города выглядит очень неважно. По площади, где стоит церковь, ежедневно ходят сотни, а то и больше горожан. Мне кажется, **такое положение с церковью оскорбляет чувства верующих, что противоречит политике КПСС по отношению к религии и верующим.** Учитывая это и то, что эта церковь не имеет никакой исторической ценности, прошу Вас, Климент Ефремович, подсказать городскому совету города Мелекеса и не только подсказать, но и оказать соответствующую материальную помощь приспособить это здание под очаг культуры, так как в городе такового нет. Если этого сделать нельзя, то снести это здание и освободившуюся площадь использовать на другие нужды города. Этим самым ликвидируются оскорбительные действия по отношению граждан и церкви. Улучшится архитектурные ансамбль города, а если это здание приспособить под культурный очаг, то граждане города будут иметь хороший культурный центр, посредством которого можно будет расширять их общий культурный кругозор.

4-го июня 1955 года, г. Мелекесс».

Уже 18 июня 1955 года отдел писем при Президиуме Верховного Совета СССР переслал это письмо на рассмотрение председателю исполкома Ульяновского областного Совета депутатов трудящихся Серегин

ви и мечети и просить крайисполком утвердить это решение, чтобы проведение его в жизнь обеспечить к 1 мая и передать здание церкви под Дом культуры.

Валерий Гордеев в книге «Бери да помни» писал про храм: «Местные ленинцы приспособили его под комсомольский клуб, построили в алтаре сцену. Но своеобразная акустика храма, его «певучая» сбалансированность и резонансность стен, куполов, его особое, «секретное» строение не могли дарить благодати бесовским спектаклям юных ленинцев, потому храм спешно переделали под зернохранилище... Последнее применение храма

было под склад горторга. Благо в столожке храмовой – напротив – уже вовсю работала пивная лавочка. Никто и никогда, даже сами новые владельцы складов, не ремонтировали храм, не следили за его состоянием. Благо тогда всё было всенародное, а значит – не моё».

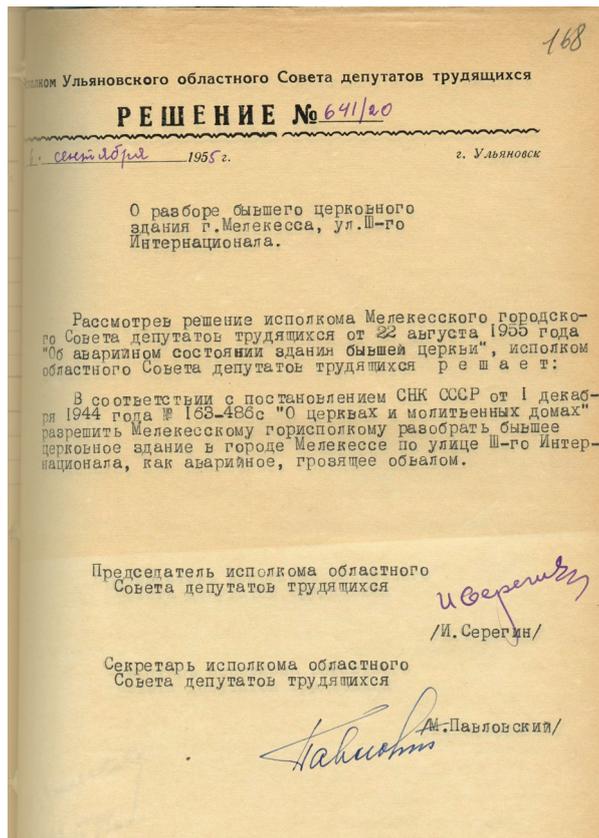
К 1955 году начальник мелекесского райотдела культуры Васильев написал письмо председателю Верховного Совета СССР Клименту Ефремовичу Ворошилову: «Я глубоко извиняюсь, что отрываю своей жалобой у Вас чуточку времени. Но мне кажется, я как гражданин нашего социалистического общества, работ-

ну И.М. Началась переписка по решению судьбы бывшего здания церкви.

Исполком мелекесского городского совета трудящихся в письме в Ульяновской облисполком 10.07.1955 г. сообщает: «В данное время ввиду аварийного состояния здание не может быть использовано даже и как складское помещение, не говоря уже о возможности использования под какое-либо культурное учреждение. Здание грозит обвалом на расположенную рядом трикотажную фабрику имени Кл. Цеткин. Исполком горсовета просит разрешить указанное аварийное здание, во избежание несчастных случаев вследствие обвала, разобрать и годные стройматериалы после разбора использовать на благоустройство города.

Председатель исполкома горсовета В. Власов, секретарь исполкома горсовета А. Шуранова».

А 25 июля 1955 года комиссией был составлен акт осмотра православной церкви Александра Невского по ул. III Интернационала. Там приведены параметры: «Церковь имеет размеры: колокольня – длина 10,7 м, ширина 8,9 м, высота 38,0 м; притвор – длина 13,65 м, ширина 10,7 м, высота 8,5 м; основная – длина 14,7/4,25 м, ширина 28,6/19,8 м, высота 16,0 м; алтарь – длина 10,2 м, ширина 5,0 м, высота 16,0 м; ход в подвал – 4,4х4,25. Здание находится в аварийном состоянии. Пол деревянный проваливается, стены каменные, на сложном растворе деформируются, дали глубокие трещины, штукатурка обваливается, на колокольне одна стена имеет ежегодно всё увеличивающуюся щель, идущую к основному зданию, имеет щель в потолке колорифера, окна выбиты, железо с крыши снято, а тес сгнил, через крышу в здание церкви попадают осадки, еще больше портящие здание. Сводчатое потолочное перекрытие при отсутствии кровли намокло, от влаги разрушается. Есть основание на то, что в скором

Решение о сносе

времени обвалится. В действительности здание церкви имеет в настоящее время одну каменную коробку. Вследствие чего здание церкви необходимо разобрать немедленно, во избежание могущих быть несчастных случаев вследствие аварии.

Члены комиссии: депутат мелекесского горсовета, заведующий горкомхозом Егоров, архитектор горкомхоза Тихонова М.И., начальник горпожкоманды Сандалов П.Ф., врач санэпидстанции Брокерт Е.Г., начальник горжилуправления Тяншин Я.И., техник-строитель ремконторы Решетников И.С.»

Уже 22 августа 1955 года исполком Мелекесского городского Совета депутатов трудящихся принимает решение просить исполком областного Совета депутатов трудящихся разрешить разобрать здание бывшей церкви, а годные стройматериалы после слома использовать на благоустройство города.

Согласно Постановлению СНК СССР о православных церквях и молитвенных домах 1 декабря 1944 года было установлено, что слом или разборка церковных зданий допускается по распоряжению облисполкома или СНК республики в исключительных случаях (при угрозе обвала и т. п.), при наличии технического акта и по заключению уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР.

И технический акт, и заключение уполномоченного были подготовлены городскими властями.

«Технической комиссией, образованной Мелекесским горисполкомом, установлено, что церковь не функционирует с 1932 года, и с этого времени здание церкви находится без надзора и ремонта.

Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви по Ульяновской области Д. Будылев. 30.08.1955 г.»

6 сентября 1955 года исполком Ульяновского областного Совета депутатов трудящихся принял решение № 641/20 «О разборе бывшего церковного здания г. Мелекесса, ул. III-го Интернационала, как аварийного, грозящего обвалом».

Церковное кладбище сровняли с землей, оставив могилы и склепы мелекесцев в забвении.

В техническом паспорте здания сохранилась выписка из архитектурно-планировочного задания на строительство типового кинотеатра на 500 мест: «Участок отведен решением Мелекесского исполкома от 24.05.1956 г. (Сзади участка – изгородь детского парка)».

6 февраля 1960 года для горожан был открыт кинотеатр «Мир».

Храм во имя святого благоверного князя Александра Невского остался только на немногочисленных фотографиях и в воспоминаниях мелекесцев.

Андрей Мокеев,
г. Димитровград

Источники:

Материалы о закрытии Александра-Невской церкви и мечети в г. Мелекессе. ЦГАСО Ф. Р 779. Оп. 2, Д. 1258
Решения Исполнительного Комитета Ульяновского областного Совета депутатов. ГАУО Ф. Р 3038, Оп. 4, Д. 909
Газета «Знамя коммунизма» № 28 (5826) от 7 февраля 1960 г.
Савельев С.Н. Бог и комиссары // Социологические исследования. – 1991, № 2. – С. 34–45.

В период Февральской и Октябрьской революций в посаде Мелекесс выходили газеты революционного содержания. В июле 1917 года большевик Е.Н. Аблов издавал газету «Рабочий». Революционные настроения поддерживала газета «Известия Мелекесского Совета рабочих депутатов», выходившая с 1 мая по 15 июля 1918 года, редактор – Е.Н. Аблов. После того, как посад был занят войсками Народной армии Комуча, в июле – сентябре 1918 года здесь печаталась «Мелекесская газета». До недавнего времени димитровградским краеведам не было известно содержание номеров этого раритетного издания.

28 июля 1918 года, когда большевики оставили Мелекесс и пришёл чехословацкий корпус, в посаде по инициативе земского врача Фёдора Викторовича Яблонского вышел первый номер «Мелекесской газеты». Ещё в 1906 году Яблонский подал прошение к губернатору Самарской губернии с просьбой выдать разрешение на издание «Мелекесской газеты», но получил отказ из-за того, что оплатил прошение гербовым сбором в 1 р. 50 к. вместо 2 р. 50 к. Спустя 12 лет после отказа, в смутное время безвластия, земский врач получил возможность издавать местный печатный орган. Номера этой газеты за 1918 год мною были обнаружены на сайте Национальной электронной библиотеки, оригиналы издания хра-

Печатный орган Комуча «Мелекесская газета»

«Мелекесская газета» № 1. 28 июля 1918 г.

нятся в Российской государственной библиотеке.

Редакция газеты разместилась в доме купца Жирнова, в котором в 1918 году находился Мелекесский союз потребительских обществ. В эту контору жителям предложили приносить рукописи статей для печати. Также прозвучало обращение к правительственным и общественным учреждениям, политическим и профессиональным организациям с просьбой доставлять материалы о своей деятельности. Лиц, проживающих в уезде, призывали присылать корреспонденцию о том, что делается в их сёлах, деревнях, и не стесняться плохого изложения и малограмотности. Отмечалось, что редакция, не располагающая большими средствами, не может оплачивать работу сотрудников и обращается исклю-

Дом Ф.В. Яблонского
по ул. Хмельницкого (бывш. Посадской)

чительно к гражданскому чувству жителей. Издание выходило два раза в неделю: по воскресеньям и средам, объём газеты составлял четыре страницы.

На страницах «Мелекесской газеты» обозревались мировые и внутрироссийские новости, распоряжения Комуча и, что самое ценное для нас, освещались события, происходящие в Мелекессе. В заглавии страниц печатались лозунги: «В единении – сила» и «Да здравствует Российская Демократическая Федеративная Республика!»

Печатный орган позиционировал себя как демократическую площадку антибольшевистского толка. При этом подчеркивалось, что борьба с Советской властью не означала возврата к старому, царскому порядку. Показательна заметка «Как они «поняли», в которой рассказывается случай, как с приходом чехов владелец мелекесской гостиницы Хайдаров выгнал своих служащих из номеров, заявив им, что хватит из него верёвки вить и «власть теперь наша». Упоминается, что подобное отношение к служащим было допущено со стороны двоих представителей купеческого класса. Редакция, осуждая подобное, предлагала решать споры через профессиональные союзы.

В № 1 в разделе «Хроника» говорится о заседании Мелекесского

комитета защиты Учредительного собрания, организованном А.И. Кочкуровым. На заседании избраны две комиссии: судебно-следственная и ревизионно-следственная. Признано желательным организовать биржу труда. Для вопроса о финансировании Комитета решено, что содержание нужно брать от поступления процентного отчисления месячного содержания служащих учреждений. На заседании решено организовать самооборону в посаде, за оружием в Симбирск был делегирован Яхтенфельд. Заместителем председателя Комитета избран В.И. Савинский, до 1917 года работавший учителем в женской гимназии, с марта по октябрь 1917 года – председатель Комитета народной власти.

Главным и насущным экономическим вопросом тех дней в посаде было финансовое положение мельниц. Ни у конторы Маркова, ни у конторы Таратина не было средств на содержание фабрик. Мельницы приносили убыток, главным образом потому, что полученную муку сдавали продовольственному Комитету по твёрдым ценам. Помощник уполномоченного Комитета членов Учредительного собрания А.И. Кочкуров разъяснил, что, согласно приказу Комуча, твердые цены на хлеб отменены, следовательно, и мельницы в продовольственный Комитет должны сдавать продукцию по рыночным ценам. В газете отмечалось, что продовольственное дело регулировалось спекулянтами. Местные торговцы покупали муку простого размола, привозимую из деревни крестьянами по 11–13 рублей за пуд, и продавали гражданам по 27–30 рублей. При этом городской продовольственный отдел из городских лавок продавал овощи не непосредственно потребителям, а спекулянтам оптом. Нехватку продуктов в посаде власти пытались решить путём обмена товаров на хлеб на станции Нурлат. Газета сообщала, что Мелекесский союз кооперативов и Союз потребительских обществ отправил 100 пудов сахара и 300 кип мануфактуры для обмена на хлеб.

Не только горожане и обыватели присылали статьи в редакцию. В «Мелекесской газете» № 4 была напечатана статья «Почему и за что сражаются чехи в России» за авторством А. Неверова. Александр Сергеевич Неверов (настоящая фамилия – Скобелев) – русский писатель и драматург, автор знаменитой повести «Ташкент – город хлебный». В своей статье Неверов пытался развеять слухи и домыслы об истинных причинах вступления чехословацкого корпуса в войну с большевиками. Главной причиной писатель указывает приказ Советам от посла Германии Мирбаха разоружить чешские отряды. Указывалось на общность интересов российских социалистов-революционеров (эсеров) и иностранного легиона. В статье предлагалось протянуть руку чехам и дружно выступить против большевиков. Интересно, что в 1919 году Неверов был редактором журнала «Красная армия». Журнал распространялся в Южной группе Красной армии и служил действенным средством большевистской агитации и пропаганды.

В № 4 газеты было опубликовано уникальное стихотворение «Молитва», навеянное ужасами ожидания братоубийственной войны на улицах посада. Автором стиха указан Николай Комиссаров. Произведение точно отражает тревоги и опасения, царившие в обществе в те дни.

О Матерь Божия, спаси
И сохрани нас в дни осады!
Нас мимо тучу пронеси,
Помилуй жителей посада...
Народ мы мирный и простой,
Избавь от бед нас и напасти:
Довольно крови пролитой,
К чему бороться из-за власти...
Мы роём ямы во дворах.
Другие строят баррикады...
Ожесточились все в сердцах,
Идти на брата брату надо...
О Матерь Божия! Избавь,
Задёрни ужаса завесу...
Рабов своих – нас не оставь,
Не дай погибнуть Мелекессу!
Падём мы ниц все пред Тобой,
О пресвятая Бога Мать!
Покровом нас своим покрой
И не лиши нас благодати!

12 августа в Мелекессе торжественным парадом отметили День Народной армии. После окончания молебна организаторы обратились к гражданам с призывом пожертвовать средства на нужды армии. Парад Народной армии принимал начальник отряда Тактаров. Мелекесская армия прошла церемониальным маршем по площади, вызывая у обывателей чувство восторга. В результате было собрано 10 989,34 рубля в помощь фронту. Это был первый военный парад в Мелекессе. О нём рассказала «Мелекесская газета» № 7.

Для краеведов и музейных работников эта находка очень ценна, потому что практически отсутствуют документальные источники о жизни провинциального Мелекесса под властью Комуча. Материалы статей помогают пролить свет на события лета 1918 года и проследить, как менялась жизнь горожан в то бурное время. «Мелекесская газета» на тот момент являлась единственным известным нам сегодня местным печатным органом.

Последний номер газеты под № 11 (из доступных нам) вышел 1 сентября. Можно предположить, что издание печаталось до начала октября, когда белогвардейские части отступили из посада. Интересна судьба инициатора издания «Мелекесской газеты» Ф.В. Яблонского. На сайте «Открытый список», где публикуется информация о политически репрессированных в период с октября 1917 года по 1991 год, мною была обнаружена анкета бывшего земского врача Мелекесса. Там указано место работы: главврач эвакуационного госпиталя, место проживания: г. Иркутск, арестован по обвинению в совершении контрреволюционного преступления 16 июля 1920 года; осуждён 18 сентября 1920 года, дело прекращено. Очевидно, взяв Иркутск в марте, большевики устроили чистку среди местного населения, и репрессии обрушились на белогвардейского врача, отступившего в Сибирь из Мелекесса с Народной армией.

Антон Южанин,
научный сотрудник

Димитровградского краеведческого музея

Источники

¹ Шамигулова И.А. Мелекес, как много в этом слове... / И.А. Шамигулова. – Ульяновск: Областная типография «Печатный двор», 2020. – 276 с. – ISBN 978-5-7572-0505-2.
² ГАСО Ф3 ОП.233 Д.2051.

³ Национальная электронная библиотека: URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011393758/

⁴ Открытый список: URL: [https://ru.openlist.wiki/Яблонский_Федор_Викторович_\(1873\)](https://ru.openlist.wiki/Яблонский_Федор_Викторович_(1873))

Неизвестный рисунок Симбирска первой четверти XIX века

Попытка атрибуции

Прошлое науки и культуры – это не кладбище гипотез и ложных идей, а собрание недостроенных архитектурных ансамблей и заброшенных рудников; и приходит время, когда к прошлому возвращаются.

А.А. Любищев

Недавно мне попался на глаза акварельный панорамный рисунок Симбирска первой четверти XIX века неизвестного автора, который находится в коллекции Музея архитектуры им. Щусева. Странно, что название города было написано через «н»: Синбирск, хотя после 1780 года имя города в официальных документах приобрело написание Симбирск. Изображения нашего города до середины XIX века – большая редкость. Есть знаменитая гравюра, сделанная Свечиным с помощью камеры-обскуры, есть пара других, скорее символических изображений, а здесь мы видим панорамную съёмку, причём сделанную с западной стороны, что, конечно же, представляет огромный интерес для реконструкции того, как же выглядел в прошлом Симбирск.

В поисках автора рисунка я обратился к работам художников того времени, специализировавшихся на видовых рисунках. Это направление в русской живописи в начале XIX века стало набирать популярность. Таких художников было несколько. По крайней мере, один из них, а именно Емельян Корнеев, выпускник Академии художеств, был в Симбирске в 1803 году, в экспедиции генерала Спренгпортена, в компании с известным в будущем шефом жандармов Александром Христофоровичем Бенкендорфом.

В своих мемуарах Бенкендорф так вспоминает об этой части своей поездки: «Мы встретили генерала около Нижнего Новгорода и остановились уже вместе с ним в Симбирске, где наш молодец-генерал всецело отдался своей любви, а мы умирали от скуки. Единственным развлечением была поездка к одному очень богатому и утончённому дворянину, чьё имя я забыл, он имел фабрики, конный завод

и очаровательную усадьбу. Желая продемонстрировать все жанры своего театра, он в течение трёх дней дал для нас три спектакля: оперу, комедию и трагедию, не считая концертов, которыми он нас потчевал за ужином и обедом. Кто устоит перед обаянием крепостного театра! Исполненный чувств отзывчивого на красоту зрителя, я уже было направил весь их пыл, перераставший во вполне земные желания, на его оперную примадонну, но как только она дала понять, что готова ответить на мой призыв своей благодарностью, бедняжка немедленно была наказана кнутом на конюшне, и я уже старательно избегал навлечь на её очаровательную спину повторное наказание. В первые дни июня мы наконец покинули Симбирск и поехали в Саратов». (Бенкендорф А.Х. Моё путешествие в земли полуденной волшебные края).

Легко вычислить, что помещиком, у которого Бенкендорф с товарищами посещали представления крепостного театра, был известный прадед М. Ю. Лермонтова и П.А. Столыпина – Алексей Емельянович Столыпин (1744–1817). Поместье находилось недалеко от Симбирска в Линёвке (сейчас это дачный посёлок). В 1806 году Столыпин продал крепостную труппу (74 человека) в Московскую дирекцию императорских театров за 32 тысячи рублей. Эта столыпинская труппа стала основой Малого театра. Вот что можно прочитать на сайте Государственного академического Малого театра: «Значительная часть труппы состояла из крепостных людей А.Е. Столыпина. Первый спектакль русской труппы Императорского Московского театра состоялся 11 апреля 1806 г. в доме Пашкова на Моховой». Стоит добавить, что именно в доме Пашкова в 1862 году расположился Румянцев-

ский музей, который потом вошёл в состав Российской государственной библиотеки.

Пока Бенкендорф с генералом развлекались визитами к симбирским помещикам, Корнеев неотомимо делал свою работу. Из описи его рисунков, представленных в книге Н.Н. Гончаровой «Корнеев Е.М. Из истории русской графики начала XIX века» (М., 1987), видим, что в этом собрании было несколько рисунков, имеющих прямое отношение к нашему краю.

83. Вид Сызрани.

84. Вид Сызрани со стороны дороги на Самару.

85. Вид города Симбирска.

86. Вид города Симбирска с другой стороны.

87. Вид города Симбирска с другой стороны.

89. Вид города Корсунь со стороны Симбирска.

167. Вид Ивашёвки, имения, принадлежащего генералу Ивашёву, в Симбирской губернии.

168. Вид деревни Гундоровки, принадлежащей Толстому.

Очевидно, что в последнем случае идет речь об Ундорах.

Из всего перечисленного мы сейчас обладаем лишь изображением усадьбы Ивашёвых, где на рисунке изображён генерал Ивашёв вместе с 5-летним мальчиком Василием Ивашёвым (будущим декабристом).

Рисунки Е.М. Корнеева из его путешествия 1802–1804 годов были приобретены проживавшим тогда в Петербурге баварским посланником графом К. Рехбергом, который предполагал весь этот материал издать в виде альбома художественного путешествия по России. Для подготовки издания Корнеев уехал в Мюнхен, где прожил три года. В 1812 году часть корнеевских рисунков была

опубликована в книге *Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie, accompagnée de figures colones*. Paris, D. Colas, 1812–1813. 2 т. Во вступительном слове Рехберг рассказывает, как он «нашёл средство умножить своё собрание, приобретя портфель г. Корнеева, почётного академика, сопровождавшего генерала Шпренгпортена. Вместе с сим искусным художником автор... отобрал всё, что показалось ему достойным внимания..., и побудил художника сделать серию интереснейших видов, начиная от границ Пруссии и кончая берегами Каспийского моря... Намерением автора было издать всю коллекцию полностью и поручить дело самым умелым художникам. Но современные условия, столь губительные для публикации роскошных книг, разрушили эти благие намерения. Вместо того, чтобы издать красочное описа-

ние обширного путешествия, автору пришлось ограничиться в настоящее время изданием лишь этнографической части...»

В 1817 году Рехберг обращался к президенту Академии художеств с предложением передать «ценную коллекцию рисунков по России» для публикации в виде альбома, но Академия не пошла на издание, и коллекция осталась у владельца. В описании, которое тогда составил Рехберг, было более двухсот рисунков, включая все ранние пейзажно-видовые работы художника, созданных им в течение долгого путешествия с генералом Шпренгпортенем. Небольшая часть этих пейзажей (30) вошли в издание *Voyage pittoresque en Russie orne de gravures, representant les vues des principaux villes, sites, recueillies par le comte Charles de Rechberg, gravees par les meilleurs artistes...* Paris, 1817. («Живописное путешествие по Рос-

сии, украшенное гравюрами, собранными графом Карлом Рехбергом, гравированными лучшими художниками». – Париж, 1832). Но это лишь небольшая часть наследия художника, остальные работы Емельяна Корнеева рассеяны по разным музеям и коллекциям, начиная от Государственного исторического музея в Москве и вплоть до Мюнхенского городского музея, где в 2021 году проводилась выставка картин Емельяна Корнеева из собственных фондов.

Однако дальнейшая работа над рисунками из собрания Музея архитектуры привела к необходимости подвергнуть сомнению исходное предположение об авторстве Корнеева. Связано это с тем, что один из рисунков под названием «Разработка соли в Илецкой защите», который присутствует в альбоме архитектурных пейзажей музея, нашёлся среди гравюр, хранящихся во Все-

Вид Ишеевки (имение генерала Ивашёва), рис. Ем. Корнеева

Разработка каменной соли в Илецкой Защите. Из альбома архитектурных пейзажей.
Бумага, тушь, акварель, белила. 17,1x24,4 см (рисунок). Музей архитектуры им. А.В. Щусева. Инв. Р I-9831

российском музее А.С. Пушкина в С.-Петербурге (№ 22111986 в Госкаталоге). Автор этой гравюры известен – это Павел Петрович Свињин (1787–1839).

Можно было бы предположить, что эта гравюра сделана по рисунку Корнеева, который также проезжал эти места в 1802 году, но оказалось, что тот способ добычи соли с помощью уступов, какие изображены на акварельном рисунке из Музея архитектуры, был предложен только после 1805 года, т.е. когда Корнеев уже был далеко от этих мест.

Следует отметить, что П.П. Свињин был незаурядным и разносторонним человеком: дипломатом, путешественником, журналистом и художником. Это время, когда благодаря появлению на свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина становится популярной идея о познании собственной страны. Не в меньшей степени вдохновлённый рисунками Корнеева и

идеями графа Рехберга сделать живописную Россию доступной широкому читателю, Свињин также приступает к работе над альбомом, первая часть которого вышла лишь после смерти самого автора в 1839 году («Картины России и быт разноплеменных ее народов, из путешествий П.П. Свињина». Ч.1. – СПб., 1839). Вот как об этом пишет издатель И. Делакроа в журнале «Отечественные записки»: «В благородном стремлении россиян во всех сословиях к узнанию обширного, необъятного своего отечества и в радушном внимании просвещенных сограждан к каждому новому открытию, в хранилищах отечественной истории просвещенный наблюдатель жизни народов видит верный залог быстрых и утешительных успехов России».

Сам же Павел Петрович в предисловии «Мысль о живописном путешествии по России» говорит о своём замысле следующее: «Государство безмерное и отчасти неизвестное,

объемлющее все климаты и богатства всех широт земного шара, народы происхождения различного, коих нравы, обыкновения, обычаи погребены в бездне времен и пространств, места, достопамятные для истории сих народов и для славы монарха, ими владычествующего, прелестные виды, представляющие новые образцы для живописи и гравирования, земля и леса, остающиеся безлюдными и необработанными, ибо не довольно их знают и потому не могут оценить их обильного плодородия и прелести жития в оных: такова общность предметов, которую предполагается изложить в собрании картин, присовокупив к этому замечания описательные, исторические и статистические; таково сочинение, которое представят русским и иностранцам под названием «Живописное путешествие по России».

Таково предприятие не новость, но исполнение оно донны занимало только или любопытство, или расчетливость чужеземцев; в скором

времени должно появиться в Европе подобно сочинению, в котором труд и достоинство выполнения принадлежат русским, но честь собрания отнесется к издателю, баварцу, барону Рехсбергу. <...> Первый приступ к изданию моих путешествий по России сделан был мною в 1825 году. Находясь в Москве, я напечатал программу сего путешествия под названием «Россия в живописных видах» с описанием нравственного, физического и политического ее состояния, в четырех частях, с 200 рисунков разного рода».

К сожалению, остальные три части задуманного путешествия по России не были изданы в связи с ранней смертью автора. Такая же судьба постигла и большинство работ Емельяна Корнеева.

В Музее архитектуры находят-ся 9 работ, которые не только сделаны в одном стиле и одной рукой, но и все эти места совпадают с местами, где был П.П. Свињин. Галич Костромской губернии – это его родные места. Вятка, Оренбург, Самара, Илецкая Защита (ныне Соль-Илецк),

Златоустовский завод и Петропавловский прииск – места, где он бывал и описывал в своих публикациях.

Акварели Свињина

Что касается рисунка Симбирска, то мы можем датировать его июлем 1823 года, когда П.П. Свињин проехал по Волге, оставив заметки и

Портрет П.П. Свињина
(автор – О.А. Кипренский)

зарисовки из своего посещения Казани и Болгара в виде статей в своём журнале «Отечественные записки» (ч. 17–18, 1825 г.).

Несколько слов о том, как делались зарисовки пейзажей в то время. Обычная практика заключалась в изготовлении на месте карандашного рисунка, который потом раскрашивался в условиях мастерской. Нужно иметь в виду, что художник для поиска хорошей точки для обзора должен был затратить время и усилия. Сам Свињин так описывает трудности, возникающие при этом, на примере создания панорамы Златоустовского завода: «С немалым трудом пробрался я сквозь густой лес до крутого утеса, служащего как бы венцом сему гиганту, и взору моему представилась ни с чем не сравнимая панорама. Златоустовский завод, в семи верстах отсюда отстоящий, казался гнездышком пернатых, прикрепленных к ущелью гор, которые гордо смотрелись в чистые воды пруда, омывающего их подошву». («Отечественные записки». Ч. 22, 1825 г.).

Самара. Из альбома архитектурных пейзажей.

Бумага, тушь, акварель, белила, 17,1x24,4 см (рисунки). Музей архитектуры им. А.В. Щусева. Инв. Р I-9835

Синбирск от Московской заставы. Из альбома архитектурных пейзажей.
Бумага, тушь, акварель, белила. 17,1x24,4 см (рисунок). Музей архитектуры им. А.В. Щусева. Инв. Р I-9837

Тем не менее надо понимать, что пейзажи Свиньина в значительной степени идеализированы и не являются точной топографической съёмкой. Его задача была показать какие-то необычные для столичного и европейского взгляда виды российской провинции, в этом смысле его задача уже исходно была направлена на некоторую идеализацию неизведанной земли.

Что же можно увидеть на акварели «Синбирск от Московской заставы»? В центре панорамы чётко видно хорошо узнаваемое здание Троицкого кафедрального собора, рядом – здание губернского начального училища, левее – купола Казанской (Никольской) церкви, затем купола Владимирской церкви, далее две церкви, одна из которых может быть Германовской, а вторая – Всевятыской. Правее Троицкого собора изображено красивое здание, которое может быть либо изображением губернаторского дворца, либо здания

Дворянского собрания, которое тогда находилось в бывшем доме Пустыньникова. Белая колокольня рядом может означать Симбирский Спасский женский монастырь, правее идёт Троицкая церковь, затем хорошо узнаваемое здание Спасо-Вознесенского собора. В крайней правой части картины – загадочная крепость, которая может быть изображением Покровского монастыря, который, судя по описанию И. Пушкарева, действительно имел «каменную, довольно толстую и вышиною аршин до 4 стень», которая «окружает церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и монастырские келии на расстоянии более 300 сажень. Войдя в главные ворота, вы увидите на обеих сторонах проспекта кладбище с мраморными и очень роскошными монументами».

Исходя из данной интерпретации, можно предположить, что точка, с которой был нарисован город, находилась в районе улицы К. Марк-

са, ближе к улице Крымова, где и находилась Московская застава.

Учитывая исходную задумку автора, можно надеяться, что где-то в заготовках для последующих частей книги П.П. Свиньина «Картины России...» сохранились и со временем будут найдены заметки из его путешествия по городам Поволжья, включая Симбирск.

Хочется отметить, что именно Павел Петрович был хорошо знаком и содействовал переезду в Санкт-Петербург художников братьев Чернецовых, которые продолжили идеи своего старшего товарища, проплыв в 1838 году по всей Волге и создав затем на основе своих зарисовок грандиозную 746-метровую панораму «Параллель берегов Волги», представлявшую собой ленту из 1982 листов ватманской бумаги.

Владимир Гуркин,
профессор УЛГТУ

За женское просвещение

Открытие женского училища в Новом Ильмове

В селе Новое Ильмово земская школа открылась в 1863 году, в ней начали обучаться только мальчики. Через 20 лет за парты сели и девочки.

Церковь Дмитрия Солунского

Это событие задокументировано, бумаги хранятся в Чувашиском государственном историческом архиве (г. Чебоксары). Там я нашёл книгу «Инспектор чувашских школ Казанского учебного округа: г. Симбирск» (фонд 501). Здесь можно увидеть много документов по истории сёл и деревень нашего края.

Меня интересовали данные о моём родном селе Новое Ильмово. Раньше оно называлось Ново-Ильмовый Куст (Ново-Ильмовский Куст) и входило в Буинский уезд Симбирской губернии, сейчас находится на территории Дрожжановского района Республики Татарстан.

В описи 1 вышеназванного фонда я нашёл интересующий меня документ – «Переписка с попечителем Казанского учебного округа об открытии в сёлах Ново-Ильмовском Кусте Буинского уезда и Байглычеве Тетюшского уезда. Сведения о получении и расходах средств на содержание и строительство домов для училищ» (1880–1888).

Священник села Новое Ильмово (церковь Дмитрия Солунского открылась в 1861 году) Григорий Стратонов 1 августа 1883 года пишет письмо управляющему Казанского учебного округа. В нём есть такие строки: «Я признаю школу единственным средством поднятия уровня религиозно-нравственного состояния инородцев чуваш. Женское чуждо образованию. Улучшение быта зависит от женщин, дающих воспитание детям. Язычество сейчас поддерживается женщинами».

Поэтому он просит построить здания для женских училищ в сёлах. Говорит, что в Ново-Ильмовом Кусте есть женщина Матрёна Герасимова, которая является постоянной при-

хожанкой церкви. У неё и отец примерный крестьянин, да и сама имеет образование, окончила женское отделение Симбирской центральной чувашской школы. Убеждает управляющего, что для обучения женщин имеется комната в церковной караулке.

Дальше он уже твёрдо пишет: «Я осмеливаюсь просить открытия женской школы в Новом-Ильмовом Кусте». И для того, чтобы с сентября 1883 года начать обучение, просит на учебный год 100 рублей денег: 52 – для покупки учебных пособий и 48 – для наставницы (учительницы). Говорит, в 1884 году эти цифры должны возрасти: для пособий – 36 рублей, для наставницы – 144.

На это письмо отвечает директор народных училищ Симбирской губернии И.Н. Ульянов, он 4 декабря 1883 года пишет письмо по этому вопросу инспектору чувашских школ округа И.Я. Яковлеву: «Министр разрешил открыть женское одноклассное начальное училище в с. Ново-Ильмовом Кусте с 1 сентября». Туда изъявила желание поступить 21 девушка. Министерство народного образования согласилось выделить деньги, для этой цели был открыт счёт. Его утверждает своей подписью И.Я. Яковлев. Здесь есть такие строки: «Счёт рассмотрен и признан правильным, утверждён инспектором чувашских школ Казанского учебного округа И. Яковлевым».

В сумму расходов (52 рубля) вошло следующее. Билетному солдату Димитрию Феодорову за привоз шести шкафов из села Русская Цильна (ныне входит в Цильнинский район Ульяновской области) заплатили 20 рублей, за столы – 18 рублей 60 копеек. Из лавки Крупениковой

(вероятно, находящейся в Симбирске) купили чернил на 2 рубля 40 копеек. Василий Петрович Нагашев привёз учебные принадлежности для рукоделия, за это ему заплатили 3 рубля 10 копеек. Иван Константинович Никифоров за ремонт обложек 40 книг (20 книг Толстого и 20 книг Афанасьева) выставил счёт 8 рублей, ему эту сумму оплатили 21 марта 1884 года. Счёт покупок подписал священник Г. Стратонов. 6 ноября 1883 года эти бумаги написал и оформил новоильмовец Захар Михайлов.

10 декабря из железной лавки Крупениковой также купили и привезли чернильные принадлежности на 1 рубль 30 копеек, ведро и ковш – на 1 рубль. За это деньги получил А. Степанов.

В описи 1 имеется такая запись: «В школу поступили 18 девчат, безграмотные. Учение началось 5 октября 1883 года». По плану они должны были учиться 175 дней в году по 6 часов. Здесь же имеется краткое описание методики. Учительница упражняет девушек писать грифелем на доске, учит читать словами, считать до 20 про себя и решать задачи из сборника Евтушевского. При изучении канонов религии использовали Ветхий Завет Афинского, учили молитвы. Священную историю девушки должны были рассказать своими словами. Для рукоделия после уроков выделяли один час, а в субботу девушки работали с 12 до 15 часов. Здесь вязали пански (чулки), кружочки для полотенца, а также вышивали простые узоры. Уроки рукоделия вела Матрёна Герасимова. Она с сентября 1884 года по апрель 1885 года (8 месяцев) получила 96 рублей – в месяц 12 рублей. 14 января 1885 года из казны Буинского уезда для женского училища было выделено 185 рублей.

Из архивных документов известно, что Матрёна Герасимова в 1885 году выехала работать в Сунчелеевскую школу Чистопольского уезда (ныне Аксубаевский район Республики Татарстан).

Николай Ларионов

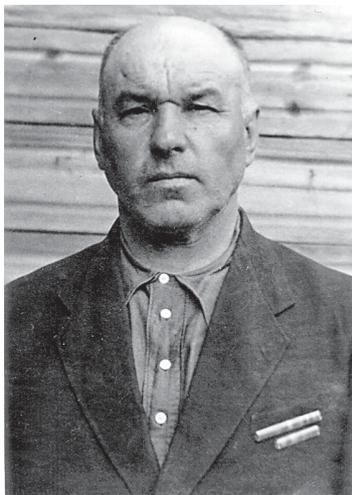
Война и мир главврача Емельянова

В посёлке имени Карамзина на кладбище под благородными руинами краснокирпичной церкви, став частью волжского косогоора, нашли вечный покой несколько поколений тружеников Карамзинской психиатрической больницы. Каждое утро лучи багрового восхода дарят им надежду на воскресение.

Под скромным железным советским памятником упокоились супруги-психиатры Емельяновы: Михаил Антипович (27.10.1891–18.05.1959) и Зинаида Александровна (16.07.1886–12.04.1964). Вся их трудовая жизнь связана с Карамзинкой и помощью душевнобольным. С 1933 по 1950 год Михаил Антипович, как мифический титан, держал на своих могучих плечах огромное хозяйство психиатрической больницы.

Родился Михаил Антипович в русской крестьянской семье села Ртищево-Каменка Симбирского уезда Симбирской губернии. Уличная фамилия у Емельяновых была Мелёхины. Мелёха – крестьянское произношение имени Емельян. За некоторыми родственниками этот вариант фамилии закрепился официально. До 11 лет Миша жил в родном селе, учился в школе и помогал отцу заниматься хлебопашеством. По характеру Миша был спокойным и несколько замкнутым ребёнком. От сверстников отличался только крепкой фигурой и интересом к чтению. Но больше всего его выделяла страсть встречать рассвет. Каждое утро он вставал пораньше и обязательно наблюдал восход солнца. Этот ритуал наполнял душу энергией и укреплял тело. В 1902 году Миша, как и многие его односельчане, переехал в только что открытую Карамзинскую колонию душевнобольных Симбирского губернского земства. Поступил в качестве ученика в сапожную мастерскую к своему родственнику. Три года учился и работал за кров и однообразную крестьянскую пищу. В революционном 1905 году Михаил стачал себе первые кожаные сапоги и примерил медицинский халат, с которым не расставался почти полвека, периодически меняя его на форму русского воина.

После окончания срока учения сапожному ремеслу Михаил поднялся на ступеньку выше – стал помощником инструктора по труду с душевнобольными. Крепкий парень ценил-

Емельянов Михаил Антипович
у стены своего дома.
Конец 1940-х годов

ся медицинским персоналом, он был одним из немногих сотрудников, кто мог в одиночку справиться с самыми буйными больными. При этом с пациентами он был предельно почтителен, никаких грубостей или оскорблений никогда не допускал. Душевнобольные любили своего «инструктора Мишу».

Интерес к медицине у Миши Емельянова сформировался ещё в детстве, когда он наблюдал за лечебными процедурами сельских знахарок, одна из которых была его родственницей. Больше всего удивляло, что они лечили не столько травами, сколько словом – заговорами, смысл и содержание которых понять невозможно, но люди от этого заметно шли на поправку. Служба в Карамзинской

колонии закрепила желание Михаила стать врачом. Патриарх Карамзинки Василий Александрович Копосов (1851–1922) отмечал любознательного парня и начал собирать документы на отправку его в Симбирскую фельдшерско-акушерскую школу. Призыв на срочную военную службу в октябре 1913 года оборвал эти планы. Новобранец был направлен в 163-й пехотный Ленкоранско-Нашебургский полк, дислоцированный в Симбирске. После двухмесячной подготовки дисциплинированного и грамотного парня определили писарем, а затем произвели в старшие писари. С началом Первой мировой войны рядовой Емельянов вместе с полком отправлен на фронт, где пробыл до апреля 1918 года. С августа 1914 года по апрель 1918 года сражался на территории современной Польши и Западной Украины. Участвовал в Галицийской битве (1914), Брусиловском прорыве (1916) и «наступлении Керенского» (1917). Внёс вклад в организацию выборов членов Учредительного собрания в ноябре 1917 года по 92 участку Румынского фронта. В конце ноября 1917 года рядовой Емельянов за непризнание «самостийности Украины» был арестован гайдамаками. Полковые товарищи его быстро освободили. Связываться с матерями фронтовиками-ленкоранцами украинским националистами было себе дороже. Позднее Михаил Антипович вспоминал, что в 1917–1918 годах он совершенно не разобрался в происходящих событиях и каких-то конкретных полити-

163-й пехотный Ленкоранско-Нашебургский полк перед отправкой на фронт, Симбирск. 1914

Увольнительный жетон солдата 4-й роты 163-го пехотного Ленкоранско-Нашебургского полка, Симбирск. До 1914 года

ческих взглядов не имел. Был только твердо убежден, что с мясорубкой империалистической войны нужно заканчивать как можно скорее.

В апреле 1918 года, после того, как старая армия окончательно развалилась, Михаил Антипович вернулся в Симбирск. Устроился мастером во 2-ю советскую мастерскую, в которой трудился до прихода в июле каппелевцев. По объявлению белыми мобилизации должен был явиться в каппелевский штаб. Получив повестку, ночью бежал из города в Карамзинскую колонию, которой ни белые, ни красные особенно не интересовались. Восстановился на прежнем рабочем месте. Осенью после освобождения Симбирска Железной дивизией был избран секретарем месткома Карколонии и одновременно членом губотдела правления союза «Медсантруд».

На этой работе оставался до января 1921 года, когда по путёвке Медсантруда был принят на рабфак – Симбирский рабочий факультет, предназначенный для подготовки рабочих и крестьян к поступлению в вуз. В 1924 году 33-летний рабфаковец с отличием завершил обучение.

В начале 1920-х годов Михаил Антипович женился на ученице В.А. Копосова Зинаиде Александровне Ремизовой, в апреле 1924 года родились сыновья-двойняшки Андрей и Владимир.

Осенью 1924 года по путёвке Главпрофобра в качестве гостипендиата был командирован на медицинский факультет Саратовского государственного университе-

та им. Н.Г. Чернышевского. На четвертом десятке учиться было тяжело, но Михаил Антипович прилагал все возможные усилия и в результате в июле 1929 года заслуженно получил диплом по специальности «врач-психиатр». По распределению 38-летний с проседью «молодой специалист» был назначен заместителем главного врача по лечебной части Саратовской краевой психиатрической больницы и оставался на этой работе до октября 1933 года.

В Карамзинской колонии после смерти Копосова началась «дилекторская сумятица» – частая смена главврачей. К тому времени Михаил Антипович заслужил уважение и авторитет в медицинской среде. В 1933 году его пригласили на должность главного врача Ульяновской психиатрической больницы.

Карамзинка досталась товарищу Емельянову в удручающем состоянии. В больничном комплексе, рассчитанном на 200 койко-мест, находилось около 600 больных: «Теснота страшная. Кровати в отделениях для выздоравливающих мужчин и женщин вынесены в коридоры, причём стоят там и зимой. В то же время три отделения, предназначенные для больных, заняты квартирами служащих... здания не имели капитального ремонта... Канализация, водопровод, системы отопления и освещения пришли в ветхость... 600 больных стеснены в снабжении водой. Имеющийся вблизи колонии родник даёт 15–20 процентов потребного количества воды, которая идёт на питьё, остальная вода на техниче-

ские надобности подвозится из озера – 5–6 лошадей возят её непрерывно... Больные не имеют ни халатов, ни верхних костюмов, ни обуви. С осени и до весны они обречены на безвыходное сидение в палатах». Мириться с этим Михаил Антипович не собирался и делал всё возможное для исправления ситуации.

В 1930-е годы Михаилу Антиповичу приходилось часто ездить в Москву и Куйбышев «выбивать средства для больницы». В 1938 году в Москве он с «приключениями и боем» добился дефицитных труб для постройки нового водопровода. Привёз их в Ульяновск. На станции Киндяковка трубы разгрузили, но доставить их в Карколонию не хватило денег. Трубы угрожали «пустить с молотка». И так было во всём: от лекарств и сахара, необходимого для инсулинотерапии, до брёвен на строительство дома служащим больницы. Дело доходило до того, что Михаил Антипович авансом брал свою трёхмесячную зарплату и расплачивался с плотниками, строящими дом для персонала.

В 1920–1930-е годы облздрав и наркомздрав не уделяли психиатрии должного внимания. Михаил Антипович в партийных и исполнительных органах власти смело и твердо заявлял, что «психический больной имеет такое же право на внимание, как хирургический или терапевтический». По тем временам такое могло быть приравнено к бунту. Конечно, Михаил Антипович не мог изменить «безразличное отношение ульянов-

ской медицинской общественности к психокolonии».

Должность главврача психиатрической больницы нельзя считать выгодной и лёгкой. Он обязан угодить не только своему вышестоящему начальству, но и персоналу, и, конечно, больным. Да и вся финансовая ответственность тоже на нём. В 1940 году Михаила Антиповича «за нарушение финансовой дисциплины» привлекали к уголовной ответственности и решением народного суда приговорили к 2,5 года лишения свободы. Причиной послужило то, что в Карамзинке была только начальная школа, а детям сотрудников надо было учиться и дальше. Михаил Антипович подрядил одного из конюхов возить карамзинских учеников в городскую школу и забирать их обратно. Это и посчитали нарушением финансовой дисциплины. К счастью, областной суд отменил решение нарсуда.

Главврачу Емельянову приходилось миром разрешать множество конфликтов, возникающих между подчинёнными. В Карколонии из-за дефицита кадров работало много психиатрических больных, некоторые из них устраивались на работу после излечения, а иные, даже находясь в официальном статусе пациентов, числились на различных вспомогательных должностях. Коллектив был специфическим.

Много душевных переживаний принёс конфликт с врачом Яковом Дмитриевичем Бакурским, с которым Михаил Антипович сблизился в Саратове и сагитировал переехать в Карамзинку. По каким-то причинам бывший товарищ и знающий врач Бакурский стал заниматься «склокой, подсиживанием, игнорированием директора и подрывом его авторитета». Михаил Антипович старался идти на уступки и закрывал глаза на поведение коллеги. Конфликт стал достоянием всей больницы, и под влиянием общественности доктор Бакурский был уволен.

Под руководством Михаила Антиповича больница начала выходить из кризиса. Он вёл продуманную кадровую политику, привлёк новых врачей, фельдшеров, медицинских сестёр и обслуживающий персонал. Для сотрудников больницы старался создать максимально комфортные по тем временам условия: предоставлял жильё, старался преми-

Емельянов Михаил Антипович (в середине второго ряда)
с коллегами напротив главного корпуса. Начало 1950-х годов

ровать и не надоедал излишним контролем. При нём начали применять новые методы лечения: гипноз, шейную новокаиновую блокаду, инсулиношоковую терапию и маляриотерапию. Смертность больных к 1941 году снизилась в 5 раз.

На рубеже 1939–1940 годов Карамзинка была переориентирована на преимущественную работу с хроническими больными. Из Куйбышева и Пензы стали переводить хроников, где психиатрические больницы начали ориентироваться на лечение «свежезаболевших». На лечение хроников практически не выделялись медикаменты, и в связи с этим в Карамзинке «все лечебные мероприятия ограничивались трудовой терапией: больные в течение всего лета находились на наружных работах, в саду, огороде, парниках, теплице, животноводческой ферме, в поле, и только в зимнее время некоторые из этих работ сокращались, и больные работали в мастерских: мужчины – в корзиночной, столярной, слесарной и по самообслуживанию, а женщины – в пошивочной и рукодельной».

В пойме Волги под Карамзинской горой в районе главного корпуса была поставлена насосная станция, качавшая техническую воду из пойменного озера Шевырина. Были построены пожарная часть, дополнительный ледник и дом для служащих, открыт детский садик.

Восемь лет работы в Карамзинке пронесли в ежедневных трудах и заботах. И вот своей костлявой, перемазанной в крови рукой в нашу страну постучала война. 4 июля 1941 года Михаил Антипович был мобилизован и отправлен на фронт. Через год сыновья Андрей и Владимир с оружием в руках выступили на защиту Советской Родины. Михаилу Антиповичу присвоили звание майора медицинской службы и назначили заместителем начальника по медицинской части госпиталя легкораненых № 5290. Одновременно Михаил Антипович работал врачом-невропатологом и специализировался на лечении последних контузий. Госпиталь располагался сравнительно недалеко от передовой в зоне артиллерийского и авиационного воздействия противника. Поступали бойцы с ранениями мягких тканей без повреждения внутренних органов, а также контуженные и больные инфекционными заболеваниями. Обеспечивалось лечение с использованием хирургических вмешательств, медикаментозных методов, лечебной физкультуры, физиотерапии и трудотерапии в сочетании с занятиями боевой и политической подготовкой. Раненые в собственной полевой форме размещались по казарменному типу в землянках, шалашах, деревянных избах. Госпиталь побывал в составе нескольких фронтов: Воронежского, Степного, 4-го Украинского и

Емельянов Михаил Антипович (второй справа в первом ряду) и Зинаида Александровна Ремизова (третья слева в первом ряду), на её груди орден Ленина. Вторая половина 1950-х годов

1-го Белорусского. Под руководством Михаила Антиповича выписка после лечения достигала почти 100%. Как отмечало командование, к больным он относился «чутко и внимательно, душевно». Пользовался огромным авторитетом среди личного состава госпиталя и раненых. За четыре года в зоне боевых действий Михаил Антипович получил два ранения и контузию, заслужил орден Красной Звезды и орден Отечественной войны II степени, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1945 году без принуждений вступил в ВКП(б). На фронте понял, что партия – огромная сила, способная сплотить народ и защитить его интересы.

Демобилизовался Михаил Антипович в мае 1946 года. В качестве «гостинца» из побеждённой Германии привёз роскошный тёмно-синий двухдверный седан «Опель Капитан» и такой же масти мотоцикл BMW с люлькой. Все поездки, в том числе и в город, были на мотоцикле – запчасти к нему было найти легче, и он был всегда на ходу.

Вернувшись в Карамзинку, 55-летний ветеран двух мировых войн не стал отдыхать. Восстановиться на прежней должности было невозможно, главврачом на тот момент был воин-врач Залман Ильич Новиков. В июне 1946 года Михаил Антипович начал служить заведующим отделением, а в августе 1947 года был вновь назначен главным врачом. На

этом посту Михаил Антипович оставался до 1950 года, когда в связи с ухудшением здоровья перешёл на должность заведующего отделением.

Михаил Антипович Емельянов был настоящий русский мужик: высокий, широкоплечий, с руками былинного пахаря. Умные, печальные и всё понимающие глаза украшали его лицо. Сотрудникам он напоминал медведя, ходил с перевалочкой, был «увалистый», как говорили карамзинцы. Всегда опрятный и подтянутый, Емельянов отличался необыкновенным спокойствием и выдержкой, никто и никогда не слышал, чтобы он повышал голос. Говорил мало, чётко и уверенно. В общении с подчинёнными был грубоватый, неуступчивый, но всегда справедливый. К больным относился с теплотой, во время утренних ежедневных обходов ласково говорил со всеми больными, спрашивал кто из них на что жалуется. В буйном отделении с агрессивными больными тихо и спокойно говорил: «Ну что ты кричишь, успокойся». Больные сразу смирели. Был верующим православным человеком, но открыто это не афишировал. В питании по-крестьянски неприхотлив, выделял только чёрный хлеб с мёдом и ядрёный, игольчатый карамзинский квас, который с дореволюционных времён по особому рецепту готовился в больничном пищеблоке.

Зинаида Александровна Ремизова (фамилию мужа она не взяла) – худенькая, маленького роста – по плечо супругу. Одевалась элегантно,

непрерывным атрибутом её гардероба был белый палантин, оригинально повязанный на голове, напоминавший чалму. В начале 1950-х годов за долгий, добросовестный и отличный труд её наградили орденом Ленина, которым она дорожила и часто надевала.

Михаил Антипович отлично знал все особенности вверенной ему больницы: от водопровода и канализации до поголовья скота в подсобном хозяйстве.

В Карамзинке все были убеждены, что Михаил Антипович может лечить заговорами. Однажды он увидел санитаря, давно страдавшего фурункулами на руке. Взял руку страдальца, поводил по ней своими большими тёплыми пальцами, что-то пошептал и сказал: «Завтра всё пройдет». И действительно, на следующий день следов фурункулов не осталось. Восхищённый санитар неделю показывал всем исцелённую руку. Таким же манером Михаил Антипович лечил карамзинских ребятишек, которые почитали его волшебником.

В Карамзинке семья Емельяновых жила в уютном доме бывшего священника на склоне волжского косогора, в 150 метрах от главного мужского корпуса, в котором размещался кабинет главврача. Дом делили вместе с двумя престарелыми сотрудницами, о которых заботились как о родных.

В старости Михаил Антипович болел, ходил по дому в валенках даже летом. Рано вставал и встречал первые нежные лучи восходящего солнца. Всё свободное время старался проводить с внуками. 18 мая 1959 года Михаил Антипович в последний раз увидел над Волгой рубиновые лучи восходящего солнца. В полдень его не стало. Похоронили главврача Емельянова на Карамзинском кладбище в двухстах метрах от любимого дома.

После смерти мужа Зинаида Александровна заметно постарела, осунулась, глаза уже ничего не искали в этом мире. Каждое утро она шла на кладбище – вместе с Михаилом Антиповичем встречать волжский рассвет. Что-то шептала, рассказывала супругу новости и долго-долго смотрела на разлившееся Куйбышевское море, медленно слизывающее языком времени старую Карамзинку.

Дмитрий Семенов

100 лет со дня рождения
Героя Советского Союза А.М. Матросова

Александр Матросов. Возвращение домой

В 2015 году Нина Александровна Дубовик, изучив архив ульяновского краеведа П.К. Ковальчука, занимавшегося в 1961–1976 годах исследованием жизни Александра Матросова, провела дополнительные исследования о жизни и месте рождения Александра Матросова.

По метрическим книгам Михайло-Архангельской церкви села Новая Бесовка, где хранятся книги Высокого Колка, Н.А. Дубовик составила генеалогическое древо рода Матросовых, которое по отцовской линии восстановлено до прадеда Стефана Матросова (1830 г. р.). Были получены ответы из госархивов Ульяновской, Самарской, Саратовской, Смоленской и Оренбургской областей. Предприняты поездки в Высокий Колок и ряд селений Новомалыклинского района для углублен-

«Матросов – это созвездие одиннадцати тысяч Героев Советского Союза, его образ должен служить каждому путеводной звездой».

А.И. Ерёмченко, маршал Советского Союза

ных интервью со старожилами и родственниками. Н.А. Дубовик воспроизвела все моменты короткой, но яркой жизни Александра Матросова. Итогом работы стала книга «Всё равно я буду человеком. Возвращение домой». Научные сотрудники НИИ истории и культуры Ульяновской области изучили все имеющиеся материалы, провели экспертизу исследований Нины Дубовик.

Итогом большой работы стала научная статья «Александр Матросов: загадки биографии», подготовленная А.В. Кобзевым, которая была опубликована в историческом журнале «Вопросы истории» № 5-2019. Основные результаты этих исследований сводятся к следующему: Александр Матвеевич Матросов родился 5 февраля 1924 года в посёлке Зинкин Враг (Зин-Овраг) Высококолковской волости Мелекесского уезда Самарской губернии (на момент совершения А. Матросовым бессмертного подвига пос. Зин-Овраг был уже в составе Новомалыклинского района Ульяновской области). Жители Зин-Оврага относились к приходу церкви в Высоком Колке, их регистрировали в её метрических книгах, а позже – в

книгах сельсовета Высокого Колка.

Отец героя, Матвей Иванович Матросов, умер в октябре 1923 года от полученных ран в борьбе с басмачами, за четыре месяца до рождения сына. Мать, Анна Николаевна, заболела туберкулёзом, 29 декабря 1929 года она отвезла сына Александра в мелекесский детский дом № 26 для малолетних детей. Через девять дней, 7 января 1930 года, она умерла.

Летом 1934 года Сашу Матросова перевели в мелекесский детский дом № 25, где он начал учёбу в первом классе. В октябре 1935 года пятерых воспитанников, в том числе и Матросова, перевели в Ивановскую детскую трудовую колонию. В 1933–1936 годах учреждение называлось детским домом для трудно-воспитуемых, а в 1936–1941 годах – детским домом № 12 с особым режимом. Это означало, что детей привлекали к труду. Директор Иван Иосифович Макаренко следовал принципу: «сначала надо обогреть душу ребёнка, а потом требовать». Подобрался сильный коллектив педагогов и воспитателей.

Детский дом имел 220 гектаров земли, молочно-товарную и сви-

Зин-Овраг в Новомалыклинском районе Ульяновской области (посёлок не сохранился). Место рождения Александра Матросова

новодческую фермы. Всё это хозяйство обслуживалось в основном воспитанниками.

В Ивановском детском доме произошло становление Саши Матросова как человека. Он был активным, добрым, открытым, честным, смелым, безотказным парнем, всегда готовым помочь людям. Пётр Петрович Федорченко сказал о нём: «О Саше можно говорить бесконечно. Он интересовался исключительно всем, любил природу. Его можно было часто увидеть с голубями или на пчельнике, где он вместе с друзьями окапывал и поливал деревья в саду, следил за парником. Не помню такого случая, чтобы Саша грубил старшим. Он не обижал малышей, и за это его любили педагоги и весь детский коллектив. В его дежурство в школе или в столовой всегда было всё в порядке. Говорили: «Сегодня дежурит Матрос!»

Здесь Саша освоил игру на гитаре и совершенствовал игру на гармонии (баяне), состоял в струнном ансамбле детского дома. Как оказалось, все Матросовы – слухачи. Своей подростковой любви Кате Лавровой он признался, что мама была русская, а отец – мордвин или чуваш. В Новомалыклинском районе Ульяновской области жила и живет этническая мордва.

Саша Матросов в струнном ансамбле

В феврале 1940 года И.И. Макаренко ушёл на советско-финскую войну. Исполняющим обязанности директора детского дома был назначен замполит Г.В. Старостин. По какой-то причине он принял решение отправить Сашу Матросова на трудоустройство, не дав ему окончить семь классов. В сентябре 1940 года воспитатель П.П. Резин препроводил юношу в вагоноремонтное депо города Куйбышева (Самара). В первых числах октября Саша самовольно покинул рабочее место и приехал в дет-

Саша в верхнем ряду второй справа. 1936

ский дом в надежде на то, что сможет доучиться в седьмом классе. Когда он узнал, что директор всё тот же Старостин, понял, что его мечты рухнули. Ему грозило уголовное наказание за самовольный уход с завода, и Матросов решил пойти в милицию сам.

8 октября 1940 года народный суд Фрунзенского района г. Саратова признал 16-летнего Александра Матросова виновным в нарушении паспортного режима и приговорил к двум годам лишения свободы по статье 192-а части 2-й Уголовного кодекса РСФСР (1926 г.), несмотря на то, что эта статья была применима к лицам с повторным нарушением паспортного режима.

21 апреля 1941 года для отбывания наказания Матросов прибыл в Уфимскую детскую колонию. Здесь он окончил семь классов. Он пользовался авторитетом не только среди ребят, но и воспитателей, был избран председателем центральной конфликтной комиссии.

В июле 1941 года в колонию привезли детей из блокадного Ленинграда. Александр Матросов заботился, чтобы обед им приносили горячим прямо в комнаты. Сам ходил на подсобное хозяйство за овощами, приносил лекарства. Предложил колонистам из своих 800 граммов хлеба отдавать детям до выздоровления по 200 граммов, а также масло и сахар. За эту инициативу начальник колонии назначил Сашу Матросова помощником воспитателя ленинградских детей.

С первого дня начала войны 17-летний Александр Матросов трижды просился на фронт. 24 сентября 1942 года Саша, переполненный радостью, отнёс в Кировский райвоенкомат города Уфы характеристику, которую ему дали руководители колонии. В ней было написано:

«Матросов Александр Матвеевич, 1924 года рождения, образование семь классов, русский. В Уфимской детской трудовой колонии зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны. Работал на мебельной фабрике в качестве слесаря стахановскими методами. За хорошую работу на производстве, отличную учёбу в школе и поведение Матросов А.М. с 15 марта по 23 сентября 1942 года был в должности помощника воспитателя. Кроме того, был избран председателем центральной конфликтной комиссии. Активная работа в учебно-воспитательной части и личное поведение Матросова окончательно подготовили его к самостоятельной жизни. Товарищ Матросов выдержан, дисциплинирован, умеет правильно строить товарищеские взаимоотношения. Характеристика дана для предъявления в РККА».

26 сентября 1942 года Сашу призывали в армию и направили в Краснохолмское военно-пехотное училище. Он был зачислен курсантом в 4-й взвод 5-й роты 2-го батальона. Для многих курсантов Матросов был примером того, как надо готовиться к защите Родины. Близкий друг Саши Александр Воробьёв, свидетель его подвига, вспоминает его с любовью:

«Всего лишь несколько месяцев мы служили вместе с ним во 2-м батальоне. Но и этого было достаточно, чтобы узнать и полюбить нашего Сашку. Это был человек большой души, серьёзный, одинаково ко всем внимательный, готовый в любую минуту помочь каждому и добрым словом, и делом. Он настойчиво готовился к предстоящим боям. Все мы, отправляясь на фронт, горели желанием отомстить подлым гитлеровским захватчикам за все их зверства, которые они чинили на нашей земле. Однако скажу прямо – ни один из нас не готовился к боевой деятельности так, как Матросов. На войне нужно быть сильным, ловким, выносливым, чтобы победить врага. Зная это, Саша много занимался физической подготовкой. <...> Он хорошо стрелял, а на тактических занятиях действовал так, будто перед ним был настоящий противник. Больше всего любили мы Сашу за его большое сердце. Для друга он готов был сделать всё, что мог. В этом я убедился ещё в училище. В нашей многонациональной роте были и русские, и татары, и украинцы, и узбеки, и таджики. Ребята из южных республик с трудом привыкали к суровому климату Оренбургского края с его снежной зимой. <...> И вот однажды произошёл такой случай.

Во время учений один из наших курсантов, таджик по национальности, заблудился. Организовали поиски. Саша был одним из первых, кто добровольно вызвался идти на розыски попавшего в беду товарища. День был морозный, ветреный, а к вечеру стало ещё холоднее. Мы искали долго и безрезультатно. К тому же потеряли и Матросова. Собравшись у рожи, стали обсуждать, где теперь искать обухи. Наступали сумерки. Мы не знали, что делать. Вдруг видим – по полю медленно идёт на лыжах человек и на своих плечах несёт другого. Это был наш Сашка. Он нашёл полузамёрзшего товарища. Оказав ему первую помощь, Матросов потащил его в часть».

В училище Александр был единогласно принят в комсомол. 30 ноября 1942 года ему вручили комсомольский билет.

В декабре 1942 года курсанты КВПУ по тревоге выехали на сборный пункт в село Харабали Астраханской области на учения. На станции Харабалинской поезд стоял долго. Здесь у Александра Матросова состоялась встреча с Клавдией Грибцовой,

Клавдия Грибцова, с которой Александр Матросов познакомился в Астраханской области на учениях. Девушка подарила своё фото и оставила адрес – туда в 1943 году была направлена похоронка

у которой он попросил её домашний адрес.

18 января 1943 года четыре батальона из курсантов Краснохолмского военно-пехотного училища были откомандированы на фронт. Матросова сначала не включили в состав маршевых рот. Тогда он заявил, что желает идти на фронт добровольцем. Его просьбу удовлетворили. И Саша вместе со своими друзьями – младшими сержантами Михаилом Бардабаевым, Александром Воробьёвым, Валентином Демченко, Михаилом Малинкиным, Александром Ореховым, Сергеем Копыловым и другими курсантами – был направлен в действующую армию рядовым.

Рядовой Дмитрий Матросов, двоюродный брат Александра Матросова

На одной из станций произошла неожиданная встреча. После проверки личного состава Саша увидел бежавшего к нему рядового, который спрыгнул из вагона другого воинского состава. Это был Дмитрий Алексеевич Матросов из с. Высокий Колок Новомалыклинского района Ульяновской области – двоюродный брат Саши. В разговоре с ним Саша признался, что не помнит, где родился. Помнил лишь пруд, большой овраг и что деревню звали каким-то оврагом. Пообещал, что придет после окончания войны в Высокий Колок.

5 февраля 1943 года эшелон с пополнением в составе четырёх курсантских батальонов, в котором был Александр Матросов, прибыл на станцию Земцы, находящуюся в 20 км от города Западная Двина Калининской области. Здесь в это время пополнялись после жестоких боёв под городом Белым части 6-го Сталинского Сибирского добровольческого корпуса 22-й армии Калининского фронта. Александр Матросов был зачислен в роту автоматчиков 2-го батальона. Рота была боевая, личный состав – представители всех национальностей. Они уже успели показать врагу свою силу интернационального содружества и взаимопомощи. Люди знали, во имя чего они воюют, и умели с оружием в руках защищать Родину.

Из воспоминаний гвардии старшины Петра Георгиевича Фомина: «Матросов занимался старательно, активно действовал на учениях, а в свободные минуты по примеру бывалых солдат изучал трофейное оружие, заявляя, что в бою это «вот как пригодится». В бригаде была группа художественной самодеятельности, часто выступавшая перед бойцами. Вскоре в своей роте стал петь и играть на гармони и рядовой Александр Матросов».

Секретарь партийного бюро батальона капитан Тихон Иванович Коренский отзывался о Матросове как о примерном комсомольце: «Вскоре Матросова избрали группкомсоргом и назначили агитатором во взвод автоматчиков лейтенанта Королёва. Теперь он ежедневно проводил беседы с бойцами, читал им сводки Совинформбюро, газеты, а иногда – художественную литературу».

12 февраля 1943 года 91-я отдельная стрелковая бригада получила приказ на подготовку к соверше-

нию марша в пешем порядке в сторону фронта. С наступлением темноты с 25 на 26 февраля второму батальону было приказано выполнить особую задачу: с ротой автоматчиков достигнуть деревни Чернушки, во что бы то ни стало разгромить мощный укрепленный пункт противника, открыв тем самым дорогу для дальнейшего успешного наступления бригады. Трое суток прошли практически без отдыха.

Командир батальона капитан С.А. Афанасьев приказал своим ротам совершить манёвр и выйти на указанный рубеж, но разведку и охранение вперёд и на фланги не выслал. Поэтому, когда роты, построившись в длинную колонну, начали движение по открытой местности, заросшей небольшим кустарником, противник, освещая местность ракетами, обнаружил пехоту 2-го батальона и открыл огонь с левого фланга из замаскированного дзота. Командира 2-го батальона капитана С.А. Афанасьева тяжело ранило.

Батальон был разделён на две части. Большая часть 2-го батальона, включая роту автоматчиков, быстро вошла в лес севернее Любомировских хуторов, а остальные, потеряв управление, вернулись в исходное положение и перешли к обороне. Командование основной частью батальона принял на себя начальник штаба старший лейтенант Г.С. Артюхов. Он назначил Александра Матросова своим связным.

Командир, выслав вперёд взвод охранения, начал движение в обход болота. Глубокий снег и лесоповал не дали возможности подразделениям быстро выйти в указанный район. Двигались медленно, с трудом преодолевая препятствия, всю ночь, день и следующую ночь, практически без привалов. Все очень устали и еле передвигали ноги, да ещё закончился сухой паёк. В 7.45 утра 27 февраля почти вся рота автоматчиков была уже на опушке. И тут произошло то, чего никто не мог ожидать. Огонь из двух дзотов преградил бойцам путь. Дзоты были обезврежены подразделениями помощника командира взвода 1-й стрелковой роты старшего сержанта Шарипова и командира роты автоматчиков младшего лейтенанта Королёва.

Бойцы поднялись в атаку, но пришлось снова залечь. «Заговорил»

третий, самый мощный пулемёт. Центральный дзот занимал господствующую высоту, из него простреливалась вся округа. И подобраться к нему скрытно было трудно. Огневая точка вела такой яростный огонь, что не только подойти, но и просто показаться на поляне не было никакой возможности. Несколько раз бойцы бросались в атаку, но каждый раз вынуждены были откатываться, оставляя на поле боя убитых и раненых. А время шло, даже минутное промедление грозило наступающим катастрофой. Две тройки автоматчиков, которым было приказано уничтожить дзот, положения не спасли, погиб близкий друг, рядовой Андрущенко, и двое были тяжело ранены.

Знал ли Александр Матросов христианскую заповедь «Несть лучшей доли, чем положить жизнь свою за други своя»? Во всяком случае, она была глубоко в его сердце.

– Я пойду! – крикнул Матросов и сделал несколько резких прыжков.

Потом упал на бок и, приподняв автомат, пополз правее погибших товарищей. Бойцы следили за ним, затаив дыхание. Саша метнул одну за другой две гранаты в сторону вражеского дзота, но они не достигли цели. Когда огнедышащее жало переводило стрельбу в другую сторону, Саша стрелял короткими автоматными очередями. В те минуты, когда клинок огня поворачивал в его сторону, Саша хитрил, он переставал двигаться и замирал, распластанный на снегу. И пулемётчик, принимая его за одного из убитых, не замечал бойца и проходил мимо своей смертельной очередью. Убитых лежало на снегу много – пересчитать их немец не мог. Выждав минуту, Саша полз дальше.

Друзья видели, как он приподнялся, вскинул автомат и дал короткую очередь по амбразуре. Облако жёлтого дыма вырвалось изнутри, громовой удар потряс землю – это Сашины пули угодили в ящики с боеприпасами. И сразу же наступила тишина, такая неожиданная, оглушающая тишина, что многие не поняли, что случилось. Вражеский пулемёт замолчал, бойцы поднялись в атаку, но пулемёт снова ожил.

Матросов метнулся к дзоту и, когда враг открыл огонь, падая, дал длинную очередь по амбразуре, потом ещё несколько раз нажал спу-

сковой крючок автомата, но выстрелов не последовало. В пылу боя Александр не заметил, как расстрелял все патроны, а пулемет фашистов снова бил и бил по залегшим бойцам.

Фашисты Сашу заметили, а времени на раздумье не было. Матросов вскочил на ноги и левым боком бросился на жадный, всепожирающий огонь... Для рядового Матросова это был второй и последний бой.

Путь на деревню Чернушку был открыт. Стремительной атакой бойцы уничтожили вражеский гарнизон. Боевой приказ был выполнен.

На помощь раненым бойцам и лежавшему на амбразуре вражеского дзота Матросову бежали девушки-медки Лиза Солнцева и Валя Шипица. Прижав к груди автомат, спотыкаясь в глубоком снегу, бежал старший лейтенант Артюхов, за ним лейтенант Татарников, старший лейтенант Волков, лейтенант Королёв, сержант Валитов, капитан Ноздрачёв и капитан Коренский. Перед амбразурой, на снегу, покрытом копотью и кровью, лежал Саша. Он лежал лицом вниз, намертво обхватив левой рукой упёршийся в его грудь ствол вражеского пулемёта, ещё горячий от выстрелов. На Сашиней спине, под левой лопаткой, из-под завернувшейся полы маскировочного халата торчали вырванные пулями клочья телогрейки.

Три недели назад Саше исполнилось 19 лет. Он стал одним из 936 красноармейцев стрелковой бригады, кому суждено было сложить головы 27 февраля 1943 года.

Из воспоминаний помощника начальника политотдела капитана И.Г. Ноздрачёва: «Встав на колени, я вынул из кармана гимнастёрки Матросова комсомольский билет и, развернув его, написал: «Лёг на огневую точку противника и заглушил её. Проявил героизм». Билет хранится в Москве, в Центральном музее Вооружённых сил России.

Сашу завернули в плащ-палатку и перенесли более чем на один километр на восток от места гибели, на опушку леса в 75 метрах западнее дороги на хутор Тропов Бор северовосточной окраины д. Чернушки и похоронили. Похоронка была отправлена на имя Клавдии Грибцовой в Харабалинский военкомат. Она более 30 лет пролежала в архиве РВК Харабалы Астраханской (до 1961 года – Ста-

линградской) области. Сейчас она вместе с фотографией девушки находится в Ивановском детском доме (центр военно-патриотического воспитания «Авангард»).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 года рядовому Александру Матросову было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Александр Матросов стал первым советским воином, зачисленным навечно в списки воинской части. 8 сентября 1943 года приказом № 289 Верховного Главнокомандующего 254-му гвардейскому полку присвоено имя Героя Советского Союза рядового Александра Матросова. Этим приказом он навечно зачислен в списки 1-й роты 254-го гвардейского стрелкового полка.

Знамя 254-го полка им. А. Матросова

24 июня 1945-го года в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы. Под боевыми знамёнами торжественным маршем прошли сводные полки фронтов и флотов. Среди воинов-победителей находились разведчики 254-го гвардейского стрелкового полка имени Александра Матросова В. Чугунов и В. Горячев. Они шли в составе сводного полка Ленинградского фронта. Знамя прославленного полка с гордостью нёс гвардии сержант Г. Андреев, кавалер четырёх боевых наград.

18 июля 1948 года было принято решение перезахоронить останки героя в городе Великие Луки.

1 декабря 2020 года в городе Клинцы Брянской области прошло торжественное вручение Боевого знамени нового образца 254-му гвардейскому мотострелковому пол-

Памятник Александру Матросову в г. Великие Луки на месте перезахоронения останков героя

ку 144-й гвардейской мотострелковой дивизии.

В настоящее время личный состав 144-й гвардейской мотострелковой Ельнинской Краснознамённой, ордена Суворова дивизии, в том числе 254-й полк, участвует в специальной военной операции.

Герой Советского Союза Александр Матросов всегда в строю, он под знаменем полка!

Возвращение Саши Матросова на малую родину было трудным и

долгим. Но все эти годы его помнили и ждали родные люди. На сегодняшний день на территории Самарской и Ульяновской областей проживают более 30 родственников Александра Матросова. И в каждой ветви по четырём братьям Матвея Ивановича были и есть Александры, названные в честь легендарного родственника. Самому младшему Саше Матросову в декабре 2023 года исполнилось пять лет.

4 мая 2017 года в 800 метрах от исчезнувшего в 1976 году посёлка Зин-Овраг была установлена памятная стела Александру Матросову, уроженцу тех мест.

Высококоolkовской средней общеобразовательной школе Новомалькинского района было присвоено имя Героя Советского Союза. 5 февраля 2019 года, в 95-ю годовщину со дня рождения Александра Матросова состоялось торжественное открытие мемориальной доски на стене школы.

Накануне праздника Великой Победы в 2020 году на площади 30-летия Победы в Ульяновске имя Героя Советского Союза Александра Матросова было внесено в список героев-ульяновцев, погибших за Родину.

Памятная стела Александру Матросову на месте исчезнувшего посёлка Зин-Овраг

Нина Дубовик,
краевед, писатель

К 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза, лётчика-испытателя Юрия Тимофеевича Алашеева, который впервые поднял в небо знаменитые «тушки» Ту-104, ТУ-114.

«Хочу быть лучше, чище, выше»

Дом № 8 по ул. Красных Бойцов расположен в центре города Инза, почти напротив депо, и многие, проходя мимо него, даже не знают, что здесь когда-то жил человек, который на века прославил не только свой район и Ульяновскую область, но и Россию. И пусть сейчас дом выглядит уже не так, как раньше, но он по-прежнему особенный. Сразу видно, как бережно, с глубоким уважением к его истории относятся к нему нынешние хозяева. Дом акку-

ратный и ухоженный, а в его палисаднике до сих пор растут три яблони – антоновки, посаженные когда-то семьёй Алашеевых. Благодаря заботливым хозяевам яблони каждый год пышно цветут и дарят ароматные плоды.

Этот дом со своей историей, а его хозяин создал в своём гараже мини-музей, собирая и аккуратно развешивая, расставляя исторически важные предметы.

Именно здесь 100 лет назад родился и жил наш земляк, Герой Советского Союза Юрий Тимофеевич Алашеев. Гулял по улице с друзьями, учился, радовался жизни. Здесь, на этой земле, прошло становление личности героя. Жизнь нашего земляка оборвалась рано, в 36 лет, но он успел оставить на земле свой яркий и неповторимый след.

Сложно рассказать о Юрии Тимофеевиче лучше, чем это сделал когда-то историк и краевед Сергей Матвеевич Кончев. В 1996 году в газете «Вперёд» вышло несколько

его публикаций, посвящённых Герою Советского Союза Юрию Алашееву.

«Одним из крупнейших достижений советской науки в послевоенное время явилось создание скоростного реактивного самолета ТУ-104. Академику А.Н. Туполеву была присуждена за него Ленинская премия. Испытывал этот самолёт и дал ему путёвку в жизнь наш земляк, Герой Советского Союза Юрий Тимофеевич Алашеев. Им было установлено 11 мировых рекордов на туполевских самолётах.

Мне хочется поподробнее рассказать о нашем выдающемся земляке. В своё время о нём была написана книга «След на земле», автор В. Бендерова. Теперь это произведение стало библиографической редкостью.

Родился Ю.Т. Алашеев в семье паровозного машиниста. В семье было девять детей: семь сыновей и две дочери. Юрий был последним ребёнком в семье. На улице Красных Бойцов стоит дом номер 8, это дом Алашеевых, добротный, крепкий, под железной крышей.

Говорят, по дому, по воротам судят о хозяине. Отец Юрия, Тимофей Яковлевич, любил всё делать на совесть, просто не терпел неаккуратности... Выросший в бедности, он мечтал видеть своих детей счастливыми. По-разному сложились их судьбы, но почти каждый начинал свой трудовой путь с железнодорожного депо, где работал отец. Старший сын Илья стал работать в депо токарем, а потом по комсомольской путёвке поступил на рабфак, окончил институт. Стал руководителем завода железнодорожного машиностроения в Москве. Вслед за ним в депо пошли работать Пётр, Иван, Александр и другие сыновья. Дети учились, покидали родительский дом. Писали письма из Астрахани, Москвы, Куйбышева, Одессы. Николай стал офицером Советской армии.

Юрий Алашеев 21 июня 1941 года с отличием окончил среднюю школу № 1 г. Инзы. Сразу же после выпускного вечера десятиклассники отправились на Юловское озеро. Радовались, смеялись, мечтали о будущей жизни. У каждого была своя цель, заветная, высокая. О войне узнали только вечером, когда вернулись домой.

Четверых выпускников Инзенской средней школы № 1 – Юрия Алашеева, Бориса Малышева, Бориса Волкова, Валентина Ковеленова – райвоенкомат направил в Саранск, в военно-морскую лётную школу. Юрий и там учился отлично. Первым стал летать самостоятельно. Участвовал в художественной самодеятельности, играл в футбол, шахматы. Пользовался огромным авторитетом среди друзей и преподавателей.

Училище из Саранска перевели в Алатырь, затем в Ардатов, Киров. Курсанты ходили в караул, в наряд, обслуживали самолёты, грузили дрова, выполняли другие хозяйственные работы. Борис Волков, который был вместе с Юрием в одной лётной группе, в своём письме в родную школу писал: «Помню, после тяжелейшей разгрузки эшелона с дровами нас, голодных и мокрых, холодной осенью привели в какой-то клуб ожидать обеда. Все были уставшие. Настроение наихудшее. Юрий присел около рояля, начал играть, и вот постепенно все сгрудились около него, стали петь популярные тогда «Катюшу», «Синий платочек», «В тесной пещурке» и т. д. Уста-

лости как не бывало. Все просили Юрия играть ещё и ещё».

В августе 1942 года Юрия направили в истребительскую школу. Он стремился на фронт, подавал рапорты с просьбой отправить в действующую армию. Но ему отказывали, считали, что он нужен в училище в должности инструктора по лётной подготовке. Командование училища направило его на учёбу в академию имени Жуковского. Однако вышло так, что вместо неё Юрий поехал учиться в школу лётчиков-испытателей, которую окончил в 1950 году. Учился высшему пилотажу у выдающихся лётчиков страны.

За все годы работы в городе Жуковском на лётно-доводочной базе Юрий Алашеев испытал десятки военных и пассажирских самолётов. В 1955 году Алашеев привёл на авиационный парад в Тушино первый советский реактивный пассажирский самолёт ТУ-104.

В газете «Комсомольская правда» от 7 сентября 1957 года специальный корреспондент В. Бендерова в статье «ТУ-104 идёт на рекорд» пишет: «Николай Васильевич Лашкевич, бывалый испытатель, утверждает полётный лист. Самая большая в истории авиации тяжесть поднимается над землёй на самую большую высоту. С грузом 20 тонн на высоту 11 тысяч метров. За штурвалами Юрий Тимофеевич Алашеев и Валентин Федорович Ковалёв. Это лётчик Алашеев испытывал опытный образец ТУ-104, вёл его в первый полёт на Лондон. Сегодня ему предстоит сложная задача – посадить самолёт с необычным огромным грузом... Гигантский корабль плывёт над советской землёй – плод труда, вдохновения, любви советского человека».

Испытания самолета ТУ-104, которые провёл Юрий, дали возможность внедрить его в гражданскую авиацию. Юрий обучал первые экипажи для этого самолёта. За испытания ТУ-104 Ю.Т. Алашеев был награждён орденом Ленина. Затем он испытывал самолет ТУ-114.

21 декабря 1959 года Юрий Тимофеевич вместе со штурманом Иваном Гавриленко и бортрадистом Константином Щербаковым должен был впервые испытывать новый реактивный бомбардировщик ТУ-022. Вдруг внезапный удар: что-то случилось с двигателем. Тяжёлая машина затряс-

лась и пошла в штопор. Командир дал команду: «Покинуть самолёт!» Живым приземлился только радист. Во время катапультирования погиб штурман. Командир корабля Юрий Алашеев остался в машине, пытаясь посадить её.

Похоронили Юрия на кладбище в Жуковском. На траурном митинге выступил А.Н. Туполев. На похоронах были мать, отец, родные, близкие, друзья по работе. В числе присутствующих находился одноклассник Юрия Борис Георгиевич Волков, заслуженный пилот СССР. Посмертно Ю.Т. Алашееву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вся жизнь его была непрерывным подвигом, битвой за самые светлые, чистые идеалы. В подтверждение приведу отрывки из его писем: «Ненавижу застой в жизни. Покоя не хочу, не шучу и тебе не дам... Я жажду всё объять, сжать в объятиях и небо, и землю, разом осушить до дна чашу жизни, пусть она и неистощима, как мир, как огонь, как свет и солнце... Хочу быть лучше, чище, выше».

Имя Ю.Т. Алашеева носит одна из улиц нашего города, инзенская средняя школа № 1. В городе Жуковском имеется галерея Героев, здесь увековечено и имя Ю.Т. Алашеева.

В 1970 году состоялось большое торжество по случаю открытия мемориальной доски на здании инзенской средней школы № 1, в которой учился Юрий Тимофеевич Алашеев. На торжестве присутствовали жена героя Тамара Алексеевна, родные, друзья. Ежегодно учащиеся школы отмечают день рождения Ю.Т. Алашеева. В музее школы хранится бюст героя».

Согласно архивным документам, бюст Героя Советского Союза за установили ученики 1-й школы, затратив немалые по тем временам деньги, заработанные ими от сбора металлолома. Ученики и поныне гордятся выпускниками, прославившими их школу. И это правильно, ведь все мы должны помнить о подвигах своих соотечественников, потому что память – это единственная доступная нам благодарность за совершённые ими подвиги во благо человечества, всех нас.

Альбина Вершинина,
начальник архивного отдела
г. Инзы

Фадеев из Федькино

Лучший друг Вадима Фадеева (1917–1943) говорил, что ему суждена была слава лучшего советского лётчика-аса в истории Великой Отечественной войны. Друзья, случается, перебарщивают с комплиментами. Но что если этот друг – сам лётчик-ас, да ещё какой! Первый в истории трижды Герой Советского Союза, маршал авиации, официально второй по результативности лётчик-ас в СССР и во всей антигитлеровской коалиции – 59 личных побед и шесть, одержанных в группе, – легендарный Александр Иванович Покрышкин!

Авиация в полноте явила себя в Первую мировую войну 1914–1918 годов. Воздух был самым технологичным, оттого самым эффективным театром боевых действий. Его герои, лётчики, породили понятие «ас»: то ли от французского слова «туз» (крутой), то ли древнегерманский бог-небожитель. Асом считался тот, кто сбил не менее пяти самолётов противника. Дуэли лётчиков носили индивидуальный характер и происходили на глазах у пехоты, невысоко над землёй, и победы считались просто.

Но когда за облаками сходились на скоростях десятки и сотни самолётов, высчитывать победы стало непросто. Кто-то плюсовал себе лишнего, кто-то не досчитывал законное. Случалось и так, что сразу несколько лётчиков плюсовали одну сбитую цель, иногда это корректно называлось сбитием в группе.

После премьерного показа культового фильма «В бой идут одни «старики» маршал Александр Покрышкин, глотая ком, подступивший к горлу, произнёс: «Всё так и было», и Вадим Фадеев вполне мог стать прототипом героев картины – балагур, весельчак, душа компании, певец и игрок на гитаре, способный вместе с такими же певучими товарищами заменить заплывшую фронтovou концертбригаду.

Парень видный: 198 сантиметров, 49-й размер сапог. За габариты Вадиму Фадееву полагалась двойная порция. Как он помещался в кабине кажущегося игрушкой истребителя И-16? А ведь не просто помещался, а воевал!

Вадим Фадеев родился в день Рождества Христова (по старому стилю), 25 декабря 1917 года. Жители села Федькино, малой родины лёт-

Вадим Фадеев с ведомым Андреем Трудом на крыле фадеевской «Аэрокобры». Весна 1943 года

чика-героя, – обрусевшие чуваша. По преданию, некто Федька, основатель деревни, живший в XVIII столетии, был бывшим разбойником, сподобившимся чуда – в роднике, прозванном Бездонным, расположенном в окрестностях селения, он увидел образ святого Иоанна Предтечи.

Накануне революции 1917 года Федькино было большим и небедным селом: 335 дворов, 1675 жителей. Здесь занимались плотничным, бондарным и мельничным промыслами – в окрестностях насчитывалось сразу три водяные мельницы.

О предках и роде Вадима Фадеева публикации скупы. Иногда его родителей называют учителями. В какой-то момент семья перебралась в город Самару, с 1935 года называвшуюся Куйбышевым. Именно там будущий герой учился и трудился,

раскрывая разнообразие талантов. Он окончил среднюю школу № 6, курсы шофёров и три курса Самарского строительного института, работал шофёром и инструктором аэроклуба.

На заре советской власти сельские жители нередко стремились затеряться в больших городах от преследования по классово-экономическому признаку – от клейма кулака, грозившего множеством неприятностей. Фадеев – фамилия простая, вроде Иванов-Петров-Сидоров. Но первоначально фамилия лётчика-героя была Фаддеев, с двумя «д». Когда-то мне, студенту историко-архивного института, педагоги объясняли: если в фамилии человека встречаются удвоенные согласные, это характеризует её носителя как представителя привилегированных сословий – дворянина, священника, купца. Или

Подготовка «Аэрокобры» к боевому вылету во время боёв на Кубани.
Весна 1943 года

богатый крестьянин или мещанин, дистанцировавшийся от собственного сословия.

В анкетах социальное происхождение Вадима Фадеева указано «из служащих», а служащие – это не крестьяне и не пролетарии. Это вполне могли быть «бывшие» люди, которым нелишним было сменить локацию.

В феврале 1940 года инструктор Куйбышевского аэроклуба Фадеев был призван в ряды Красной армии. Есть свидетельство, что красавец-великан был направлен в Ульяновск, в военную авиационную школу пилотов, но здесь задержался недолго, а был переведён в город Чкаловск, нынешний Оренбург, в Первое военное авиационное училище лётчиков имени Клина Ворошилова. Позже Чкаловскую школу переименовали в Оренбургское высшее военное авиационное училище лётчиков, получившее имя своего выпускника, нашего земляка, ульяновца, дважды Героя Советского Союза Ивана Семёновича Полбина.

«Остался бы жив Вадим Фадеев, непременно бы стал трижды Героем Советского Союза», – сетовал трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин, сожалея о гибели

сослуживца и друга, навеки оставшегося молодым.

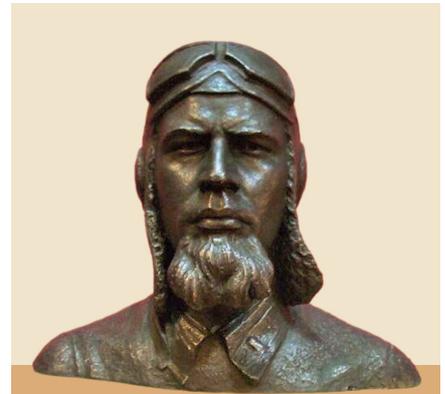
Балагур, весельчак, который не лезет за словом в карман, отчаянный храбрец, способный постоять за других, Вадим Фадеев был отличным другом, но очень неудобным подчинённым. Его борода, отпущенная то ли на спор, то ли смеха ради (пугать немцев), не была по душе начальству: за бородатого подчинённого всегда готово спросить вышестоящее начальство.

С 10 августа 1941 года Вадим Фадеев был на фронте, но первый вражеский самолёт, многоцелевой бомбардировщик Юнкерс-88 с экипажем из четырёх человек, он сбил только 15 июня 1942 года. Нет, он не отсиживался в тылах: к тому времени совершил 370 боевых вылетов, более 100 штурмовок, столько же вылетов на разведку и на сопровождение бомбардировщиков, более 50 вылетов на патрулирование. Во время штурмовок Фадеев уничтожил 80 автомашин, 15 артиллерийских орудий, 25 железнодорожных вагонов и до двух рот солдат и офицеров противника.

Фадеев был человеком решительным, от его храбрости страдал не только лютый враг, но и соб-

ственная авиатехника. Одна из историй его фронтового быта живописует, как отважный истребитель, то ли расстреляв боезапас, то ли экономя патроны, винтом на бреющем полёте пытался рубить вражескую кавалерию или срубил голову конному курьеру, доставлявшему важное донесение.

Другая история гласит, как, сняв с подбитого самолёта пулёмёт, бородатый здоровяк-лётчик решительно повёл в атаку воспрянувшую духом пехоту на высотку, занятую противником. Что было на самом деле, мы можем узнать из наградного листа сержанта Вадима Фадеева: «27 ноября 1941 года его самолёт был

Бронзовый бюст Героя Советского Союза Вадима Фадеева

Федькино, родное село Вадима Фадеева

Бюст Героя Советского Союза Вадима Фадеева и памятник землякам, погибшим на войне, в селе Федькино, на родине героя

подбит огнём зенитной артиллерии, товарищ Фадеев произвёл посадку на линии фронта и немедленно предупредил наземные войска Красной армии о месте расположения войск противника, о возможности продвигнуться вперёд и занять выгодную высоту «Пять братьев» – упомянутая высота была в скором времени занята нашими частями».

Техника стоила денег и нередко ценилась дороже человеческой жизни. Служба Вадима Ивановича проходила непросто. Звёзд с неба, то есть звёзд на погоны лётчик просто так не хватал. Войну Вадим Фадеев начал сержантом и только 22 июля 1942 года получил звание лейтенанта.

Ещё раньше, после Харьковской катастрофы весной 1942 года, был расформирован 762-й истребительный авиаполк, в котором воевал Фадеев. Новоиспечённого лейтенанта, имевшего серьёзные конфликты с командиром полка, решено было отправить в глубокий тыл, в запасный полк. И здесь, на тыловых маршрутах, он познакомился и подружился с капитаном Александром Покрышкиным.

У них оказалось много общего: Покрышкин грезил воздушными боями, а вынужден был летать на штурмовки, и ему конфликт с комполка обошёлся даже исключением из партии и трибуналом, который, впрочем, вынес оправдательный приговор. Покрышкин пригласил Фадеева к себе, в формируемый 16-й истребительный авиаполк, и добился его назначения в эту часть.

В авиаполку лётчики переучивались на новую технику – поставляемый по ленд-лизу американский истребитель Белл Р-39 «Аэрокобра». Этот самолёт с необычной компоновкой – мотор за кабиной пилота, боковая дверь из кабины, 37-миллиметровая пушка и до четырёх 12,7-миллиметровых пулемётов – стал любимой машиной советских асов, нежно именуемой «Беллой» или «Беллочкой».

В начале апреля 1943 года 16-й полк прибыл на Кубань, чтобы принять участие и прославиться в грандиозных воздушных сражениях на Кубани весны-лета 1943 года, считающихся самыми масштабными воздушными битвами в мировой истории. В ней сошлись около двух тысяч самолётов с обеих сторон. В небе происходило до 50 групповых воз-

душных схваток ежедневно, в которых сходились по 50–100 самолётов со стороны каждого из противников.

Свою первую победу на «Белле» командир эскадрильи старший лейтенант Фадеев (очередное звание он получил 7 марта 1943 года) одержал 11 апреля 1943 года, завалив истребитель «Мессершмитт» Вf 109, управляемый 24-летним немецким асом, обер-лейтенантом Альбрехтом Вальцем, кавалером военного ордена Немецкого креста в золоте, одержавшим 27 воздушных побед.

16 апреля 1943 года Фадеев заявил о сбитии двух «мессершмиттов» в течение часа. 17 апреля стал днём его высшего триумфа: сбиты ещё два «мессершмитта» – штурмовик Юнкерс-87 и «мессершмитт», сбитый в групповом бою. К 4 мая 1943 года Вадим Иванович довёл свой личный счёт до 16 или 17 сбитых «фрицев», плюс от одного до трёх, сбитых в группе.

В промежутках между боями герой успел жениться на казачке станции Поповичевской, ныне Калининской Краснодарского края, Людмиле Николаевне, именно в районе этой станции квартировал героический 16-й гиап.

Историки нередко серчают на всех героических асов – дескать, не много ли они плюсовали себе побед, которых не одерживали? Но в суматохе боя редко получается и воевать, и подсчитывать одновременно: сбит ли, подбит или даже имитирует сбитие противник, чтобы хитро напасть, когда ты расслабился и не ждёшь атаки. Самого Фадеева над Кубанью подбивали четырежды – один раз он даже совершил вынужденную посадку. 4 мая 1943 года немецкий «Фокке-Вульф-190» вывел из строя правый руль глубины и изрешетил стабилизатор у фадеевской «Аэрокобры». Но 5 мая Вадим Иванович снова поднялся в воздух...

При возвращении с боевого задания «Аэрокобру» Фадеева настиг «Мессершмитт» с запоминающимся номером 13. Это был обер-лейтенант Гюнтер Ралль (1918–2009), третий по результативности ас в истории мировой военной авиации – 275 заявленных побед. Самолёт был подбит, а Вадим Иванович тяжело ранен. Ведомый Фадеева, гвардии лейтенант Андрей Иванович Труд (1921–1999), тоже лётчик-ас и будущий Герой

Советского Союза, отбиваясь от атак того же Ралля, не смог сопроводить командира и не увидел, куда исчез его самолёт. С 5 мая 1943 года гвардии старший лейтенант Фадеев числился пропавшим без вести.

7 мая ему было присвоено очередное воинское звание капитана, а 24 мая 1943 года гвардии капитану Вадиму Иванович Фадееву вместе с боевым другом Покрышкиным было присвоено звание Героя Советского Союза как живому, без поправок на посмертность.

11 июня 1943 года поступило донесение группы разведчиков 726-го полка 395-й стрелковой дивизии об обнаружении в плавнях реки Адагум подбитой «Аэрокобры» с бортовым номером 37. Тело пилота Вадима Фадеева находилось на правом крыле самолёта. Он был ранен, сумел покинуть кабину, но умер от кровопотери.

Разведчики, согласно донесению, вынесли тело к ближайшему хутору и похоронили у двора отдельно стоявшего дома. Однако в 1960-е годы, когда был предпринят поиск могилы героя, её на указываемом месте не оказалось... Точно ли Фадеев погиб и был найден погибшим? Что значит «пропал без вести» в фронтовых условиях? Это неизбежное клеймо возможного перебежчика, это отсутствие выплат и помощи семье героя... Может быть, пехота искренне слюкавила, защищая доброе имя лётчика-аса...

Родственники героя, кстати, считали, что Вадим Иванович не погиб 5 мая 1943 года, а дотянул, раненый, до земли и оказался в плену, в печально знаменитом концлагере Освенцим. 7 октября 1944 года в Освенциме вспыхнуло восстание узников. Отчаянное, обречённое на поражение, оно, тем не менее, явило истинную высоту человеческого духа, который невозможно сломать никакими бесчеловечными обстоятельствами. Вадим Фадеев будто бы тоже был среди участников восстания и встретил смерть, как подобает истинному герою.

Иван Сиволяс,
научный сотрудник
Музея-заповедника
«Родина В.И. Ленина»

Александр Маркелычев: «Я всегда считал себя счастливым человеком»

Дедя, дедуся – так обычно называли Дмитрия Ивановича Архангельского те, с кем он был особенно близок. Так часто обращался к нему и Александр Иванович Маркелычев – старейший ульяновский фотожурналист газет «Пролетарский путь» и «Ульяновская правда», работы которого на протяжении многих лет были визитной карточкой этих изданий.

В далёких 1920-х годах Саня Маркелычев познакомился с Д.И. Архангельским в Доме работников просвещения, где вместе с другом писал праздничные лозунги. Вскоре он уже помогал Дмитрию Ивановичу расписывать в фойе кино-театра «Ампир» (с марта 1928 года – «Художественный») панораму «Вид Ульяновска с острова Серёдьш», на которой были Симбирская гора, волжский простор, идущий пароход, чайки и голубое небо в белых облаках. Художник был очень воодушевлен этой работой, которая стала его большой удачей. Александр Иванович позднее вспоминал, что мастерство Архангельского перенять было очень сложно, а вот наблюдать за тем, как он рисовал, очень интересно.

Так началась их дружба, длившаяся не одно десятилетие. Не разлучил друзей и отъезд Архангельского с семьёй из Ульяновска в 1934 году. Этому способствовали, пусть и нечастые, но очень душевные встречи и переписка. В одном из писем, в ответ на просьбу Д.И. Архангельского, Александр Иванович кратко изложил свою биографию.

«Я родился в семье портного на Панской улице (ныне ул. Энгельса. – В.К.) в г. Симбирске. Отец умер в 1922 г., и нас, четверых ребят, воспитывала мать. Где я учился? В средней школе № 2 им. В.И. Ленина (бывш. Вышн. начальное училище). Правда, я её не закончил, и пришлось учиться в вечерней школе взрослых на ул. Красноармейской (Старо-Казанской).

Александр Иванович Маркелычев.
г. Ульяновск. 1927

Директором там был Д.И. Тимашёв. В ленинской школе у нас преподавал Азарий Иванович Трапизин и Иван Петрович Гурьев (симбирские художники. – В.К.). <...>

Моя трудовая биография началась в 1923 году. Я был в учениках у живописца вывесок П.П. Тарасова, который тоже жил на Панской улице. Малость учился у К.П. Цыгвинцева и самостоятельно начал работать по оформлению клубов с 1925 года. Работал в основном в ульяновском Доме работников просвещения, в Доме коммунистического просвещения, Доме крестьянина, клубе лесопильного завода. В 1931 году поступил на завод

им. Володарского паропроводчиком. Осенью этого же года был мобилизован на действительную службу в Советскую армию, на Дальний Восток, где занимался оформлением клуба, ленинских уголков и палаток. Одновременно осваивал и фотографию, так как без этого вида наглядной агитации было не обойтись.

В 1935 году демобилизовался и поступил на работу в редакцию газеты «Пролетарский путь» фоторепортёром, где проработал до 23 июня 1941 года. В этот день я ушёл на фронт. Воевал на Северном фронте, в лесах Карелии и Заполярья. На войне было не до фото. Правда, я там занимался фотографией, но совершенно другой, т. е. я был помощником начальника оперативного отдела авиадивизии по разведке и по совокупности занимал должность начальника аэрофотослужбы дивизии.

5 ноября 1945 года демобилизовался. Вернувшись в Ульяновск, поступил в «Ульяновскую правду» фоторепортёром, стал продолжать своё дело и так до сих пор.

Очень жалко краски и кисти, но совместить мне не по силе. Нужно время, а время-то и не хватает, а хочется на старости лет что-нибудь поделать. Может, вот уйду на пенсию (правда, до неё ещё 6 лет), так уж по-стариковски с этюдником буду лазать по окрестностям нашего города.

Вот, дорогой мой, и вся моя биография, ничего в ней нет примечательного.

Твой Сашка».

Трудно согласиться с тем, что в биографии Александра Ивановича нет ничего примечательного. Участник Великой Отечественной войны А.И. Маркелычев освобождал Карелию и Советское Заполярье, дошёл до Северной Норвегии. Дослужился до капитана, был награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны, многими медалями.

Маркельчев Александр Иванович на Карельском фронте.
1 мая 1942 г.

Маркельчев Александр Иванович.
Карельский фронт. Зима 1942 г.

В послевоенное время, работая в «Ульяновской правде», он был очевидцем важнейших событий в жизни города и области. В 1950–1960 годах Ульяновск рос и развивался, и основной темой фотографий Александра Ивановича стала тема народного хозяйства и новостроек. Он снимал открытие промышленных предприятий, создание Куйбышевского водохранилища, открытие железнодорожного вокзала «Ульяновск I», ввод в строй первой трамвайной линии, телевизионного центра и многое другое. Его фотообъектив запечатлел моменты жизни тысяч людей. Александр Иванович признавался, что ему всегда было приятно снимать простых людей: рабочих, доярок, трактористов, детей. Людмила Геннадьевна Бару – журналист газеты «Ульяновская правда» в 1961–1985 годах – вспоминала, что бывали дни, когда он успевал в недалёком колхозе сфотографировать лучших доярок, побывать на заводе, познакомиться с последней работой скульптора. *«И всё это для того, чтобы потом в фотоснимках рассказать о них. Именно рассказать, а не просто показать. Ведь за каждой, самой простой на вид фотографией стоит большой творческий труд Маркельчева-газетчика. <...> Маркельчев – газетчик до мозга костей. Литературному сотруднику с ним работать легко, потому что он сразу «чувствует» факт, главную мысль и сразу же переключается на нужную тебе волну <...>. Строители и животноводы, рабочие заво-*

дов и фабрик – каждый из них показан Маркельчевым не статично, а в движении и поэтому своеобразно. Перед нами проходит жизнь настоящая, без подделки».

Фоторепортажи А.И. Маркельчева публиковались не только в областных, но и во многих центральных газетах. Одна из самых известных его работ – фотография Дома музея В.И. Ленина под снежной «шапкой».

Она была размещена на первой странице «Ульяновской правды» 21 января 1965 года, номер которой был посвящён дню памяти

Маркельчев Александр Иванович с членами фотокружка на о. Серёдыш.
1947–1948 гг. Ульяновск

В.И. Ленина. Этот снимок обошёл чуть ли не все издания Советского Союза, а Д.И. Архангельского вдохновил на создание акварели.

В архиве Архангельского – самодельный альбом газетных вырезок из «Ульяновской правды» 1960-х годов со снимками Маркельчева, множество фотографий, сделанных им, 25 писем от Александра Ивановича. Два из них датированы 1959 годом.

Рассказывая о выставке произведений художников Ульяновской области «Ульяновск сегодня», открытой в художественном музее к годовщине Октября, Маркельчев пишет: *«Выставка у нас хорошая, молодёжь завалила хорошими работами, а старики ушли на дно, их не видеть, а жаль! Я такой выставки не видел приблизительно с тех времён, когда они экспонировались в доме Перси-Френч на Московской улице, а ведь это было давным-давно, ты-то помнишь!»*

«Теперь о твоих заметках краеведческого характера. Пиши, пожалуйста, и редакция примет их с удовольствием. Пиши каждую заметку строк на 100–150. Хорошо было бы дать несколько твоих рисунков тушью, пером, это было бы просто замечательно».

Маркельчев мечтает о встрече с Архангельским: *«Может быть, в связи с работой телецентра дадут командировку в Москву, то уж обязательно тебя навещу. Хочется повидаться, посмотреть на тебя, на бабуся (Надежду Павловну, жену Архан-*

гельского. – В.К.) и, конечно, на твои работы».

Большинство писем – 1960-х годов. В них Александр Иванович рассказывает о своей работе. Осенью 1962 года он сообщает: «Дорогой мой дедусь! Я жив и здоров, тебе понятно это и по газете. Но вся беда, что ношусь как сумасшедший по разным коровникам и свинарникам, ведь в них тоже есть эстетика. Дома бываю только по ночам, а в выходные уезжаю в лес к птицам, грибам, берёзам и волжскому морю. Работы хоть отбавляй. Жаль одно: сбросить бы годовков так 20, по-другому бы я стал смотреть на мир, на людей. <...> Посылаю несколько своих фотографий. Некоторые заставят улыбнуться, а некоторые и подзадуматься. Сейчас готовлю большую партию на городской конкурс. Вот бы ты был и сказал своё веское слово, которому я был бы рад.

Крепко обнимаю. Твой Санька».

«Дорогой мой дедусь!

Как я обрадован, что мои фото стали чудодейственным средством, рад тому, что они стали поднимать людей от недуга. Что ж это ты, мой дорогой, так заплошал? Где это ты так простыл? Поди всё на этуада! Береги себя, будь хоть малость осторожен, прошу тебя. Я тоже вот четвёртый день что-то прихварываю. Был в командировке, поехал уже больным, а вернулся совсем хоть протягивай ноги. <...>»

«Здравствуй, мой дорогой дедусь!

Не сердись и не обижайся на моё молчание. Всё работа, работа и командировки. Только что вернулся самолётом с Измайловской суконной фабрики, делал фото в полосу ко Дню конституции. Снимал много из современной жизни рабочих этой фабрики. Фабрика раскинулась в окружении соснового леса. Место такое замечательное, что даже в голове не укладывалось, как это мог человек додуматься, чтоб в таком месте, природой даденном для счастья, так жестоко обращаться с ней».

В письмах Александр Иванович рассказывает Архангельскому о трудностях, связанных с подготовкой персональной фотовыставки.

«Усиленно готовлюсь к своей выставке (делаю всё сам, достаю некоторые материалы на свои деньги, никто не хочет этим занимать-

Феликс Маркелычев
с матерью Лидией Захаровной

Феликс Маркелычев –
сын А.И. Маркелычева. 1959 г.
г. Полярный. Окончил Высшее инженерное
морское училище имени адмирала
С.О. Макарова в Ленинграде

ся). Хотят её открыть к Новому году в Краеведческом музее. Выставлю штук 90–100, как отберёт комиссия. Хотелось бы твоё присутствие. Ты ведь дал бы свою оценку, которая для меня самая дорогая».

«Здравствуй, дорогой мой дедусь!

Какое тебе большое спасибо за твою поддержку. Как приятно, когда тебя люди понимают и желают, чем могут, помочь. Нет слов таких, какими бы я мог тебя отблагодарить.

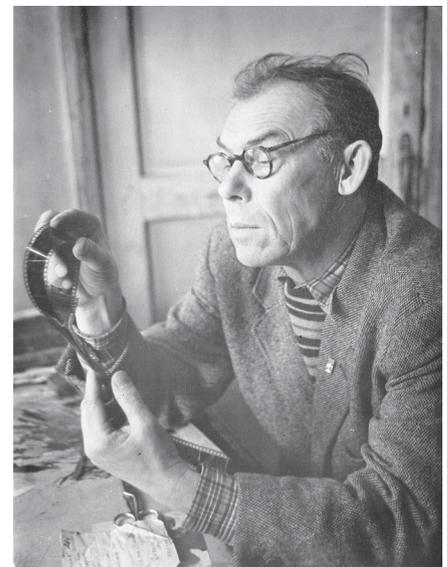
Дела идут к тому, что всё-таки выставке быть, быть. Приготовил более 100 штук <...>. Думаю, моя работа (выставка) всколыхнёт, разбудит, расшевелит некоторых уснувших, зарывшихся в норы старых фотолюбите-

телей и поднимет молодёжь. Дай Бог, чтобы всё это свершилось. Хочу, чтоб народ понял, что такое фотография и какая в ней значимость в настоящее время, не говоря о будущем её.

Милый мой, ещё раз тебе спасибо. Кланяюсь до земли, которая нас с тобой породила».

Удивительная отзывчивость и доброта Д.И. Архангельского притягивали к нему людей. В его маленьком домике в подмосковном посёлке Родники было всегда многолюдно, особенно в «дни открытых дверей», которые устраивал Дмитрий Иванович. Приезжали земляки, бывшие ученики, знатоки и любители искусства, начинающие и маститые художники, журналисты, краеведы, студенты, готовящие на материалах архива Архангельского свои дипломные работы. Общение с ними придавало художнику силы и вдохновение. Несмотря на почтенный возраст, он всегда был полон творческих замыслов.

В начале декабря 1962 года Дмитрий Иванович открывает «домашнюю выставку» работ А.И. Маркелычева, используя фотографии, полученные им в разное время от их автора.

Александр Иванович Маркелычев.
Ульяновск. 1961 г.

Сохранилась книга отзывов посетителей этой выставки, которая прошла с большим успехом и явилась своеобразным подарком Архангельского ко дню рождения Александра Ивановича. Посетители с восторгом отзывались о работах фотографа.

Фото А. Маркельчева

Дом-музей В.И. Ленина. Февраль 1965 г.

С улыбкой и песней

Механизаторы

Улица Гончарова

Улица Гончарова

Тополиная метель

Мир входящему

Решающий мяч

На Свяге

28 декабря в Родники пришло письмо из Ульяновска.

«Дорогой мой дедусь! С Новым годом!

Сейчас сижу у приёмника и слушаю Аркадия Александровича (Пластова. – В.К.). Разговор ведётся о народном искусстве, народности искусства. Ты тоже, поди, сидел и слушал его. Хороший русский мужик!

А теперь я не знаю, чем и как тебя отблагодарить за твоё последнее большое послание! Милый мой старик, зачем ты так меня балуешь. Подумай, ведь так меня можно испортить. Но я постараюсь не испортиться, ведь я не рыба, у меня пока в жилах горячая кровь, и пока она течёт, постараюсь дать ещё не один хороший фотоснимок. <...>

4 января 1963 года газета «Ульяновская правда» сообщала:

«Сегодня в областном Краеведческом музее открывается выставка члена Союза журналистов СССР, старейшего сотрудника «Ульяновской правды» фотокорреспондента Александра Ивановича Маркелычева.

Выставка – это своеобразный творческий отчёт автора за тридцать лет увлечённого труда. Всё, на чём останавливалось внимание фотокорреспондента: люди труда, природа, преобразование города и села – запечатлела фотография».

В этот же день Александр Иванович отправляет Архангельскому короткое письмо:

«Дорогой мой дедусь!

Сегодня свершилась заветная моя мечта, на которую ты меня вдохновлял каждым словом своего письма, каждым мазком твоей кисти. Выставка открылась! И я опять и опять приглашаю тебя и твоих дорогих друзей, которым большое спасибо за их дружеские слова и тёплые объятия.

Приезжай! Твой Саша».

Выставка фоторабот А.И. Маркелычева вызвала большой интерес фотографов-профессионалов, фотолюбителей и широкой общественности. Искренне радуясь за друга, Дмитрий Иванович поддерживал его. Переписка продолжалась.

11.03.1963

«Дорогой дедусь!

Выбрал кроху свободного времени и сел писать тебе письмо. Я пока жив и здоров. Работать пришлось много и немного устал, а завтра опять в

командировку, в Сурск. Что хорошего? Скажу одно: на мою выставку у многих разгорелись глаза, просят её показать во всех крупных городах и сёлах нашей области».

26.03.1963

«Здравствуй, мой дорогой!

Какое тебе большое спасибо за весточку и за подарки, которые ты мне шлешь с каждым письмом.

Езуткина пока не видел, был я на съёмках на заводе. Но как увижу, передам твой привет и просьбу. <...>

Пиши, я буду рад твоим ворчливым словам и радостным порывам и мечтам. Какой ты хороший, мой дорогой дед!

Весна у нас самая настоящая, симбирская, стоит март, а морозы страшные. Лёд на Волге более 1,5-метровой толщины, а снегу, снегу – горы, да всё ещё нет-нет, да и подсыплет.

Будь здоров. Обнимаю. Твой Саша».

20.10.1963

«Дорогой мой дедусь!

Как хочешь меня ругай, а при удобном случае набей морду. Что поделаешь, всё время в беготне и разъездах, дома приходится быть очень мало, в этом ты убедился сам будучи у нас.

Как я был обижен. Ты даже не написал мне будучи у Пластова, а жаль, я бы тут же прикатил, хотя бы на день. Я этого себе не прощу. Как я мог упустить такой важный момент, не приложу ума. Одним словом – дурак. И моя благоверная тоже обиделась. Какой она приготовила рассольник!

А тебя не было, и все мои попытки разыскать тебя были впустую. Звонил к Храмцову, так и не дозвонился, пытался ещё к одним звонить, и там мне не ответили.

Но я был очень рад нашей короткой, очень короткой встрече, результаты которой я тебе посылаю. Извини, уж как получилось.

Знаю, что у тебя был В. Дедюхин. Разговаривал с ним и очень был обрадован новой затеей. Дело хорошее, дай Бог, чтоб получилось.

Кажется, я всё-таки сделаю выставку!!! Взялись по-серьёзному. Одно жаль, что ты не видел фотографии, а они огромные по формату и по содержанию. Может, ты и катнёшь к нам к этим дням?

Благодарю тебя за всё! Не обижайся на меня. Поклон от жены. Обнимаю.

Саша».

После выхода на пенсию в 1963 году Александр Иванович почти десять лет обучал фотоделу ульяновских школьников в студии Дворца пионеров, передавая им свой богатый профессиональный опыт. Лучшие снимки его учеников экспонировались на постоянно действующей выставке во Дворце пионеров, а самые лучшие выставлялись на ВДНХ.

29.10.1963

«Дорогой мой дедусь!

Очень, очень многие передают тебе привет и самый горячий – это от Матвея Шарымова. Вчера с ним встретился на одних курсах, где его снимал с группой.

У меня всё по-старому, работаю во Дворце пионеров, ставка мизерная, подыскиваю ещё работёнку, но что-то никак не найду. Живу на старом месте, обменяться так пока не удалось. Но ничего, наверное, привыкнем. <...> Малость даю в газету: и в ту, и в другую. Может, наладится и всё будет в порядке (это насчёт заработка), а в остальном я чувствую себя замечательно. <...> Только что получил в музей каталог моих работ, спешу выслать тебе.

С праздником, мой дорогой дедуля.

Твой Саша».

Ноябрь 1963

«Здравствуй, мой дорогой дедусь!

Какое тебе большое спасибо, что не забываешь меня. Очень рад, что ты бодр и всё копошишься с этюдами и разными выставками. Какое наслаждение так жить! Этому я могу только позавидовать. Сколько у тебя энергии! Господи, помоги мне иметь её столько же!

Что я делаю? Работаю с ребятами во Дворце пионеров. В газете я совсем почти не участвую. Что-то не тянет. Правда, предлагали в молодёжную газету «Ульяновский комсомолец» на полставки, т. е. на 32 рубля работать три дня в неделю, но это всё не то. Я так в газете работать не умею. <...> Здоровье моё, славу Богу, пока терпимо. В январе думаю послать десятка два фото в Харьков, на выставку завода ФЭД, может быть, что и получится интересное.

Милый и дорогой, спасибо тебе за всё.

Твой Саша».

20.12.1963

«Здравствуй, мой дорогой!

Вчера посмотрел все твои письма и подарки. Что-то взгрустнулось от долгого твоего молчания. Наверное, болел. Мы с Матвеем (Шарымовым М.Ф. – В.К.) всего надумались. Но вот и весточка. Какое тебе большое спасибо, что не забываешь ты меня. <...> В газету даю очень мало, некогда. Работал в Облпроекте, снимал им фотопанорамы жилых массивов во вновь отстроенных микрорайонах. Работа была большая. <...> Говорят об апрельской фотовыставке, но я категорически отказываюсь, так мне задали интересный вопрос: «А что же будет выставлено, если Вы (т. е. Я) не будете участвовать?» Вот тоже вопрос!

Правда, у меня есть что выставить, но на это надо много денег, а я и так извёлся с прошлой выставкой, аж сейчас не приду в себя.

Ну вот, пожалуй, и всё, мой дорогой. Жизнь идёт своим чередом, день за днём, год за годом. Не успеешь оглянуться, как весна придёт. Хорошо. <...>».

30.08.72

«Здравствуй, мой дорогой человечек!

Какое тебе большое спасибо за то, что ты меня не забываешь и делишься своими новинками.

Оказывается, есть ещё на Земле добрые люди, которые уважают человека искусства, человека, который посвятил всю свою долгую жизнь искусству и детям. Мало того, этот человек до сего времени всё ещё несёт своё любимое знамя и призывает людей под это знамя. Одно, дедуся, обидно – мало всё-таки мы сделали, могли больше. Но на это есть причина от нас не зависящая. Конечно, нам, твоим ученикам, была возможность к большему, но, по-видимому, мало было страсти, любви к прекрасному, мы плохо видели это прекрасное или, вернее, по своей занятости не хотели видеть.

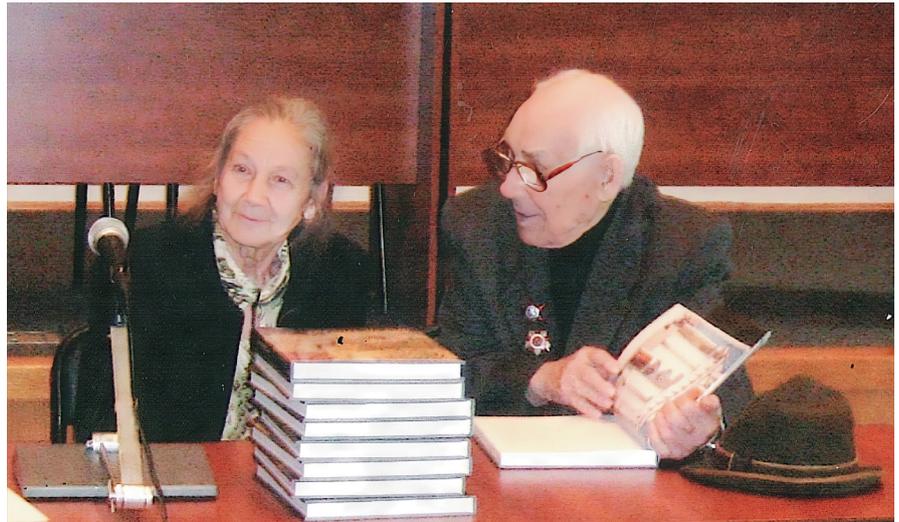
Я рад за тебя, рад, что ты дышишь, ходишь и держишь кисть и краски в разумных, золотых руках. Дари людям прекрасное, они тебя не забудут.

Целую. Твой Саня».

21.01.1976

«Дорогой мой дедуся!

<...> Посылаю тебе приглашенный билет на выставку акварелей Е.И. Голенко. Человек замечательный,

А.И. Маркелычев с внучкой Д.И. Архангельской, Натальей Андреевной Мешалкиной, на презентации альбома Д.И. Архангельского. г. Ульяновск. Музей-мемориал В.И. Ленина. 27 сентября 2007 г.

несмотря на свою занятость по работе, он увлекается акварелью и, надо сказать, безуспешно. Я его работы мало видел, он очень скромн и поэтому в выставке профессионалов не участвовал. Будем ждать рецензию и отзывы, постараюсь тебе выслать всё, что будет в печати.

Конечно (и это не только моё личное желание), всем устроителям и гостям хотелось бы видеть тебя и слышать твои отзывы, заключения и пожелания. Все мы ульяновцы, в такие большие праздники чувствуем твоё присутствие, твою теплоту, твою любовь к нам и нашему городу.

<...> Доброго тебе здоровья ещё много зим, вёсен, на много лет.

Обнимаю. Твой Саня».

Выйдя на пенсию, Александр Иванович решил вернуться к увлечению молодости – живописи. Писал пейзажи, ходил на этюды в Винновскую рощу, на Свяягу, что-то писал по воспоминаниям, воспевая красоту природы.

В канун своего 99-летия он развернул выставку картин во дворе дома, в котором жил. Его солнечные пейзажи привлекли внимание жителей не только соседних домов, но и всего Железнодорожного района.

27 сентября 2007 года в музее состоялась презентация красочного альбома «Дмитрий Иванович Архангельский». Александр Иванович, почётный гость мероприятия, прибыл на него как на собственный праздник. Альбом акварелей привёл Александра Ивановича в восторг:

«Великое искусство! Его творчество – добрая наука и пример любви к своему делу».

Александр Иванович подарил музею 35 «акварельных посланий» от художника. На одном из них – дарственная надпись: «Хорошему, прехорошему земляку, моему Саше Маркелычеву на добрую память от деда. Архангельский. 24.07.63».

7 декабря 2008 года сотрудники музея поздравили Александра Ивановича со 100-летним юбилеем. Он был бодр, радовался большому количеству поздравлений и обещал дожить до ста двадцати лет. А 18 января 2009 года его не стало. Ушёл из жизни человек яркого дарования, служивший примером удивительного творческого и жизненного долголетия, большой оптимист и жизнелюб.

В заключении хочется привести стихотворение Сергея Павловича Храмцова, старейшего сотрудника и автора газет «Заря», «Пролетарский путь», «Ульяновская правда».

Не умирайте, старики,
Я вас прошу, не умирайте.
Любому смыслу вопреки
Живите, в шахматы играйте...
Вы, как деревья в листопад,
Ещё в плодах судеб, событий...
Благословляю ваш закат,
И всё-таки не уходите!

Валентина Костягина,
старший научный сотрудник
отдела фондов
ОГАУК «Ленинский мемориал»

Тамара Александровна родилась 18 января 1934 года в г. Ельня Смоленской области в семье военнослужащего, офицера НКВД. Семья матери, Мариш Журавлёвой, была раскулачена (дед десять лет отсидел на Соловках), но Мария через рабфак окончила пединститут в Ленинграде.

Война застала семью на западной границе. Отец посадил жену и двоих детей в последний эшелон, а сам попал в плен под Киевом, бежал, был отправлен в штрафбат и погиб в 1943 году под Днепрпетровском. Тамара с матерью и маленьким братом добрались до Мелекесса, где жила бабушка. В 1947 году семья переехала в Ульяновск. Тамара окончила школу № 7 им. Кашкадамовой и дошкольное педагогическое училище, в 1958 году – Ульяновский пединститут. Занималась хореографией, спортом, была чемпионкой области по бегу на коньках. Работала заведующей детским садом на Ново-Уренской с/х опытной станции, где её муж был главным зоотехником, в начальной школе № 9 г. Ульяновска. В 1962 году прошла по конкурсу на должность ассистента режиссёра ульяновской студии телевидения. Работала с лучшим режиссёром студии Ю.А. Еришовым, который добился, чтобы Тамара Александровна стала режиссёром. Долгие годы работала в музыкально-драматической редакции, стала признанным профессионалом. Имеет много благодарностей и наград, в том числе от Центрального телевидения СССР. Уйдя на заслуженный отдых, участвовала (по приглашению Ю.Н. Старостина) в становлении и работе телеканалов «Репортёр» и «Арсенал».

Мгновения судьбы

Писатель и журналист Геннадий Дёмочкин записал семнадцать монологов-новелл Тамары Бунич из жизни, вместившей главные события советского XX века: раскулачивание, репрессии, война, эвакуация, Победа, оттепель, мирный творческий труд... Зарубки на память. Публикуем несколько новелл из серии «Семнадцать мгновений судьбы».

Широка страна моя родная

У моих дедушки с бабушкой по маминой линии (они жили в селе Тазино Пензенской губернии) было трое детей: моя мама и два её брата. Бабушка была из бедной семьи (десять человек детей), а дед из зажиточной. Когда они поженились, стали жить хорошо. До того момента, как началась коллективизация. Деда арестовали, отправили на Соловки. А бабушке шепнули: «Ночью вас вырежут. Если хочешь спасти себя и ребят, бросайте всё и уезжайте». Моей маме было тогда лет 14, дяде Пете и дяде Васе примерно по 16. И они «рассыпались» по стране. Бабушка мне потом, уже взрослой, говорила: «Знаешь, Томочка, в жизни бывает так страшно, что до Средней Азии добежишь».

Бабушка уехала в Ташкент, но там ей показалось неудобно (она была белокожая, высокая, под два метра, узбеки ей проходу не давали), и она вернулась в Россию, добралась до городка Мелекесс в Поволжье и даже купила там домик. Дети её все были способные, через рабфаки получили высшее образование. Мой дядя Вася окончил Тимирязевскую академию, дядя Петя – Московский университет, а мама – Герценовский педагогический в Ленинграде. Дядя Петя преподавал в Уфе, в пединституте, и ещё перед войной, совсем молодым, внезапно умер. Дядя Вася после академии был направлен агрономом в совхоз под Вольском Саратовской области. В конце 1930-х всё начальство совхоза было арестовано, в том числе и дядя Вася. Он попал на Лубянку, там его били, закрывали в боксе, где нельзя было сесть – повсюду торчали железные шипы. Потом его выпусти-

Дедушка
Алексей Тимофеевич Журавлёв

ли, оправдали, он прошёл всю войну, вернулся раненый, обожжённый и до конца жизни работал в Вольске. Когда я училась на первом курсе пединститута, он приезжал в Ульяновск, мы вместе с ним ходили в магазин, и он подарил мне золотые часы. По тем временам это был царский подарок.

К бабушке в Мелекесс меня возили перед войной, совсем ещё маленькой, но кое-что я помню...

«Папа заплатит»

Мой папа, Александр Григорьевич Шепельков, рано остался без родителей. Был сыном полка, а к тому

времени, как в Ленинграде познакомился с моей мамой, – уже офицером НКВД. Отец был просто красавец, я помню его в форме и в фуражке с синим околышем. Жили мы уже в Москве, в военном городке в районе Измайлово (несколько пятиэтажных домов за забором и контрольно-пропускной пункт). Я росла шустрой, ничего не боялась. Могла прошмыгнуть через КПП, дойти до будки с мороженым. Денег не было, но я говорила продавщице: «Вот папа будет возвращаться со службы, он за меня заплатит». И папа платил. А куда ему было деваться?

Потом папу перевели на самую западную границу. Мама считала, что таким образом его спасли от репрессий. Мы жили на заставе, в лесу (семья была только одна, наша). Помню, папа между двух больших деревьев на краю оврага сделал качели на длинных ремнях. Раскачивал меня, и я зависала почти над пропастью. У мамы обмирало сердце, а мне было весело.

За несколько дней до начала войны нас перевели в Житомир. Его бомбили в самые первые часы. Мы ничего сначала не поняли: думали – землетрясение. В доме всё дрожало. За отцом сразу приехал посыльный и увёз его. В городе говорили: «Это диверсия, шпионы». Нам, детям, это было интересно. Над городом, как чёрная туча, пролетела армада самолётов. И вот приезжает отец на мотоцикле, в полевой форме, весь грязный, и говорит: «Ничего не брать. Только сумку с документами».

Мама взяла на руки моего брата Шурика (ему было полтора года), мы сели к отцу в мотоцикл, в люльку, и приехали на вокзал. Он был оцеплен, гражданских туда не пускали. Военные носили какие-то ящики, грузили раненых. Папа посадил нас на поезд (это был последний эшелон) и дал нам бойца, совсем ещё мальчика: «Довезёшь их до Москвы».

Больше мы папу никогда не видели. Он был ранен под Киевом и попал в плен. Когда наши его освободили, был разжалован и отправлен в штрафной батальон. Погиб в 1943 году под Днепропетровском. У нас есть похоронка, указана даже высота, под которой он погиб. Он был в заградотряде. В общем, судьба жуткая. Ему было всего 28 лет...

С мамой, уже после войны

Костёл и подкова

В Киеве вокзал бомбили. Наш эшелон был расформирован, и мы с другими беженцами ехали в вагоне без крыши. Народ был разный: украинцы, русские, поляки, евреи. Самолёты, провожавшие наш эшелон до Фастова, улетели, а немецкие, заходя бесконечно, на бреющем полёте расстреливали людей. По-моему, я даже видела лётчика в чёрных очках...

Было очень тесно. Один старик в вагоне очень громко кричал. Наверное, он сошёл с ума, его выбросили в открытые двери. Когда эшелон бомбили, поезд останавливался, люди бежали в степь, в хлебные поля, в лес, лишь бы выбраться из этого ада. Возвращались уже не все.

На станциях местные жители выносили картошку, молоко, воду, хлеб. Отдавали бесплатно – кто что мог. Москва была уже перекрыта, мы направлялись к Сталинграду. Сидели на полу, никаких лавок и нар не было. Нещадно палило солнце, шли дожди и даже град – скрыться было невозможно. Рядом с нами, прижавшись друг к другу, сидели поляки, молодая пара, муж с женой. Женщина пристраивала на плече мужа маленькую чёрную думочку и клала на неё свою голову, а он держал зонтик. Они всё время были перед моими глазами, я рассмотрела, что на думке в подкове с цветами был вышит костёл. Глядя на них, я говорила: «Мама, какие они счастливые, у них есть зонтик!» Но однажды, после очередного авиа-

налёта, когда все убежали в степь, они не вернулись, видимо, погибли.

Поезд починили, он пошёл дальше. Остались только думочка и зонтик. Мы их взяли себе. Подушечка потом ещё долго жила в нашей семье. А зонтик висел на гвоздике – тогда не принято было ходить с зонтами.

На окраине Сталинграда эвакуированных разместили в мазанках с земляными полами. Всех переписывали и определяли, кто где будет работать. Кормили на улице за большими, сколоченными из пахучих досок столами. Маме сказали, что она будет работать в местной школе. Но она рвалась в Мелекесс, где жила бабушка.

За разрешением мы с мамой ходили в Сталинград, и вот мы уже на палубе парохода – идём в Ульяновск. Пароход был набит битком, мы лежали вповалку на открытой палубе. Когда выгружались, в этом столпотворении мама меня чуть не потеряла: я исчезла среди каких-то баулов. Как она закричала... Даже потеряла сознание.

Потом на поезде, через волжский мост, мы доехали до Мелекесса.

Мама и «медведь»

В Мелекессе на вокзале нас погрузили в подводы: одна, вторая, целый обоз. Женщины и дети. Едем по улице III Интернационала, останавливаемся возле одного дома. Кричат, например: «Морозова! Пелагея!» Выходит из ворот хозяйка, к ней с подводы идёт женщина с детьми. Люди

уже знали, что их уплотняют, и ждали беженцев – отказаться было нельзя. И вот мы у дома бабушки. Ей кричат: «Прасковья Ефимовна, к тебе Мария с внуками!» Никто не появляется. Мы сходим с подводы, идём к дому: я, мама, Шурик... Входим в дом, всё открыто. На столе – самовар пыхтит (я впервые увидела самовар). На полках и этажерке – вышитые салфеточки, большой фикус. На столе стоит большая тарелка, полная лесной клубники. И такой от неё запах... Я сейчас, в память о том дне, провожу в своей семье день клубники.

И тут влетела бабушка – она была на огороде и не слышала, как мы приехали. Она нас уже давно ждала, знала, что мама рвётся в Мелекесс, ходила встречать поезда и вот не уследила...

Всю войну мы прожили у бабушки. После всего, на что мы рассмотрелись, Мелекесс – это был такой тыл... На вокзале и в парке мороженое продают, фонари горят, музыка играет. В домах, правда, света не было. У бабушки висела керосиновая лампа под абажуром. Мы не голодали. У бабушки был огород: картошка, овощи. Из леса приносили грибы, ягоды, орехи. Была коза, пили козье молоко. Бабушка на огороде сеяла просо.

Мама поступила на службу в госпиталь. Ходила в военной форме, была и медсестрой, и кастиляншей, и зав. столовой, и зав. клубом. Я, конечно, пропадала там. Мне нравилось общаться с бойцами. Они мне что-то рисовали, угощали «эликсиром здоровья»: шиповником, заваренным в большом чайнике. Потом мы стали выступать с концертами: пели песни, читали стихи, танцевали, делали пирамиды. Меня поднимали в ласточке – самая лёгкая, наверное, была.

Помню, спускаясь по лестнице чёрного хода, увидела, как в титане сжигали ампутированные ноги, руки. Рядом сидела пожилая санитарочка и тихо пела какую-то песню.

Мама и её коллеги хоть и работали днями и ночами, ещё и успевали ставить спектакли. Среди раненых был артист МХАТа. Помню маму в спектакле «Медведь» по Чехову. Мхатовец был её партнёром.

Чашка в серванте

В госпитале мама познакомилась с раненым, который в дальнейшем стал моим отчимом. Зва-

ли его Павел Львович Гойхман. Он был на десять лет младше мамы, но всю жизнь нежно её любил. То, что у мамы двое детей, его не смущало, к нам с Шуриком относился очень хорошо. А мама поначалу очень стеснялась. Когда они ходили в кино, она ему говорила: «Свет погаснет, тогда можешь сесть рядом».

Он учился в Днепропетровске, в железнодорожном институте. С последнего курса был взят на фронт, был ранен, попал в Мелекесс. С моим отчимом, которого мы стали звать папой, связана потрясающая история. Он из Симферополя, из интеллигентной еврейской семьи врачей. Одна сестра Павла училась в местном мединституте, другая – в восьмом классе, а он – в Днепропетровске. Когда началась война, им предлагали эвакуироваться, но уехать они не могли: у них была старая больная бабушка. И вот город оккупировали немцы. В тот страшный день им было предложено явиться в здание медицинского института. Когда они проходили через двор, отец Павла Львовича протянул соседке узелок со словами: «Если вернётся Павлуша, передайте ему эту посылку». Соседка была крымской татаркой, муж у неё был на фронте и там погиб.

Вся семья Гойхманов вместе с другими евреями была расстреляна и взорвана в здании мединститута.

После войны, когда мы уже жили в Ульяновске, отчим один раз возил нас в Симферополь. Он обошёл соседей, узнал подробности гибели своих родителей, бабушки и двух сестёр... И сказал: «Я в этот город уже не вернусь». В Крым он больше никогда не ездил. А в Ульяновск нам вдруг пришло письмо. Пишет та самая татарская семья. Им кто-то передал, что «Павлуша приезжал в Симферополь, он живёт в Ульяновске». А потом нам пришла посылка из Казахстана... Эту женщину с детьми, как и всех крымских татар, тогда выслали, на сборы дали всего несколько часов и разрешили взять с собой только самое необходимое. Но они взяли этот свёрток, сохранили его, пройдя через все мытарства. И вот переслали эту посылку нам. Там было: шесть фарфоровых чашек с блюдцами – старинные японские чашечки, отрез сукна на пальто (Павлик должен был окончить институт и сшить себе новое пальто), коробка домино, кото-

Семейный снимок
семьи Гойхманов и та самая чашка

рую Павел купил отцу на первую стипендию, и две накидушки (на подушки) – одна с голубой, другая с розовой ленточкой...

Я всю жизнь восхищаюсь поступком этой женщины и глубоко ей благодарна. Одна из этих чашек хранится у меня в серванте. Я оставляю её своей дочери и внукам, пусть передают дальше...

Скрипка и немножко больно

Всегда с удовольствием вспоминаю Мелекесс. Пользовалась любой возможностью снова туда съездить... Он такой родной, такой тёплый. Город моего детства. Таким он казался красивым. Эти сосны до неба, жёлтые пески... Ходили за подснежниками на ту горку, где теперь соцгород. Черемшан... Бахчи... Кучей сложены маленькие арбузики. Сидел какой-то дед (как на картинах рисовали и в фильмах снимали – так оно и было). Он сидит с палочкой, шалаш у него какой-то. А мы гурьбой идём, и он угощает нас этими арбузами. Они хоть и маленькие, но красные и очень сладкие...

Здесь я пошла в школу (в руках у меня была сумочка, сшитая из старой гимнастёрки), пошла и в музыкальную школу, правда, с музыкой ничего не получилось. Эвакуированная из Польши Мария Здраевна была очень строгая, я шла на урок, как на голгофу. Зато в балетном классе, который вела актриса Мариинского, а тогда Кировского театра Нина Ива-

новна Маркова, я делала успехи. После освобождения Ленинграда от блокады Нина Ивановна стала собираться домой и пригласила в хореографическое училище трёх девочек, в том числе и меня. Но мамы нас, конечно, не пустили...

В Мелекесе было много ссыльных (ещё с 30-х годов), а потом – эвакуированных. Когда я перебралась жить в Ульяновск, мне он показался тёмным и скучным – такой публики, как в Мелекесе, здесь не было.

Наш отчим Павел Львович выписался из госпиталя, его отправляли куда-то в Свердловск, а потом он вернулся к маме и к нам. Мы стали жить одной семьёй, он поступил на работу на фабрику имени Клары Цеткин. Он был замечательным человеком, добрым, внимательным. Мы никогда не слышали от него грубого слова. Когда мне исполнилось 10 лет (январь 1944-го), он пригласил к нам в дом скрипача (из эвакуированных). В этой мелекесской избе, в войну, звучала скрипка! Это было так здорово...

Несколько лет назад мы с Яшей отмечали 60-летие совместной жизни. И в память о том моём дне рождения я пригласила ребят из симфонического оркестра, там тоже были скрипки...

Счастье на всю жизнь

На Яшу я положила глаз во Дворце книги. Там в огромном читальном зале, обложившись книжками, мы проводили уйму времени. В моей компании был Миша Егоров, замечательный мальчик, который очень хорошо пел. И с ним пел Яша – они уже тогда, в школьные годы, были знаменитыми ульяновскими певцами. Девчонки за ними бегали. На 7 ноября Миша пришёл к нам и пригласил меня к себе. Мама меня отпустила. И там я встретила Яшу. Они снова пели, я была совершенно очарована, и Яша пошёл меня провожать... Прихожу домой, бабушка моя в панике, говорит: «Отец с матерью пошли к Мише тебя искать. Давай быстро в постель!» А мама с отцом пришли к Мише, он с полотенцем на голове: «А Тома ушла...» – «Как ушла?! Ты её увёл, ты дома, а Тома где?» – «Она ушла с Яшей Буничем, это мой лучший друг». Родители вернулись, меня ругали и объяснили, что 18 января у меня не будет дня рождения. «Будешь сидеть дома одна». А был такой мальчик, его в городе тоже знали – Зель-

Тамара и Яков Бунич. День свадьбы

дич, такой рыжий, веснушчатый, красивый, но очень добрый. И я говорю родителям: «Тогда я выхожу замуж за Зельдича!»

С Яшей мы стали встречаться. Он был на три года меня младше. Мой брат Шурик – боксёр, крутой парень – сказал про Яшу: «Чтобы этот шпиндик около нашего дома не появлялся!» Шурик со своей компанией встречал и лупил его. Если это было при мне, я бросалась его защищать, а Шурке дома устраивала скандал.

Поженились мы на последнем курсе: я училась в педагогическом, а Яша в сельскохозяйственном. Он потом и политехнический окончил, всю жизнь проработал на «приборке» и лекции в политехническом читал.

В этом году пять лет как Яши не стало. Я часто вспоминаю эти стихи Цветаевой, они про меня:

*Ушёл – не ем:
Пуст – хлеба вкус.
Всё мел.
За чем ни потянусь.
...Мне хлебом был,
И снегом был.
И снег не бел,
И хлеб не мил.*

Римские каникулы

Мне исполнилось 90 лет. Возраст невероятный. Большинство моих друзей и коллег давно ушли в мир иной, а те, кто ещё жив, болеют и редко выходят из дома. Мне же Господь (и родители, конечно) дают возмож-

ность без больших болячек и в здравом уме радоваться жизни. Только вот одолевает бессонница... И дело тут не только в возрасте – не дают покоя тревожные мысли. Мир снова воюет. В Россию приходят похоронки, появляются новые вдовы и сироты.

Но есть и радостные моменты. Моя внучка Марийка решила собрать близких родственников в Риме. Она оплатила наш семейный сбор, чтобы мы все встретились и побыли вместе, сильнее укрепили наши родственные узы, а главное, для того, чтобы мои правнуки ещё раз увидели живую и бодрую прабабушку...

Я их не подвела, в бесконечных экскурсиях по Риму не была обузой, а шагала и восторгалась вместе со всеми. Это счастье не могло присниться и в самом радужном сне: вместе с самыми близкими я воочию видела то, с чем раньше была знакома только по учебникам истории, кинофильмам и альбомам. Мы обошли Пантеон, Коллизей, целый день провели в Ватикане, посетили несколько римских музеев... Одна только мысль омрачала это безбрежное счастье: как жаль, что Яши нет с нами, что ничего этого он не видит...

Две недели моих римских каникул промелькнули как один день. Возвратившись домой, в Ульяновск, молю Господа об одном: вразуми человечество, чтобы в XXI веке оно стало мудрее.

Сергей Павлович Храмцов

Сергей Павлович Храмцов ушёл из жизни в январе 1968 года. Попрощаться с ним пришёл весь Ульяновск. Хотя, казалось бы, кем он был для города? Учитель, труд которого не отмечен никакими особыми наградами. Поэт, относившийся с иронией к своим творениям. Любитель шахмат. И в течение нескольких месяцев – редактор газеты «Ульяновская правда». В недалёком прошлом в городе проводились шахматные турниры на приз памяти С.П. Храмцова. Его до сих пор с благодарностью вспоминают ученики, а старожилы о нём говорят: «Он был душой Ульяновска». Такие люди встречаются нечасто. Вот уже 12 лет прошло, как не стало дочери Храмцова – Натальи Сергеевны. Известный искусствовед, интеллектуал, она тоже была своего рода душой Ульяновска. «Мономах» еще вернётся к рассказу о Наталье Храмцовой, а пока мы познакомим читателей с её воспоминаниями об отце.

Он был душой Ульяновска

Об отце мне писать трудно и легко одновременно. Трудно, потому что в воспоминаниях не сумею воссоздать характер сложного, интересного, разностороннего человека. Легко – потому что очень хорошо его помню и люблю, потому что многие его черты замечаю в своём характере.

Когда была маленькая, он на меня мало обращал внимания. Любил, конечно, но по-настоящему я ему была неинтересна. Интерес возник, когда отец заметил, как я слушаю «взрослые» стихи. Первым – навек! – потрясением было чтение отцом «Песни про купца Калашникова» Лермонтова. Читал он прекрасно. Он заразил меня любовью к литературе, главным образом, русской и античной.

Исподволь, незаметно папа воспитывал во мне интерес к истории, знал он очень много и рассказывал замечательно. И это не моё пристрастное мнение.

Помню, как в военные годы, в тёмном классе – света не было, и погасла последняя коптилка – папа

рассказывает, и в абсолютной тишине ребята слушают.

У меня до сих пор сохранилось увлечение периодами истории, которые интересовали отца, – весь русский XVIII век, декабристы, народо-вольцы. Для него история была шумной и живой сценой, населённой разными, порой загадочными людьми. Такой загадочной исторической фигурой он считал Павла I. Когда я увидела Олега Борисова в роли Павла в пьесе Д. Мережковского, поразились, насколько Павел в изображении Борисова был близок к представлению о нём отца.

Некоторые из учеников надолго сохранили любовь к истории, даже избрав совершенно иную профессию. Доктор технических наук Николай Николаевич Шипков всю жизнь читал книги по античной и русской истории, хотя прошло около 50 лет, когда всё это ему преподавал отец.

Но всё-таки не история сделала нас душевно близкими.

Помню, мы вместе идём в школу зимним утром 1943 года, мороз жуткий, одеты мы оба кое-как, а он читает наизусть «Илиаду» и радуется, что

я быстро запоминаю со слуха. Дома стихи звучали постоянно – Державина, Пушкина, Некрасова, Полонского, Бальмонта, Блока. Он декламировал их, чем бы ни занимался. Когда-то я спросила его, какие строки он хотел бы поставить эпиграфом и своей жизни. Он ответил только на другой день: «Знаешь, я бы хотел написать два. Первый из Жуковского:

*Не узнавай, куда я путь склонила,
В какой предел из мира перешла.
Мой друг,*

я всё земное совершила –

Я на земле любила и жила.

И ещё эти замечательные блоковские строки:

*Узнаю тебя, жизнь, принимаю
И приветствую звоном щита.*

Он открыл для меня поэтов, которых не проходили в школе, которых было «знать не надо» или «необязательно» – от Тютчева и А.К. Толстого до Н. Гумилева и И. Северянина. Однажды мы с ним остались дома вдвоём в наш общий праздник 8 Марта (его день рождения), пили чай с тортом, читали «Балладу Редингской тюрьмы» Уайльда в разных перево-

дах, спорили, и оба остались довольны проведённым вечером.

Свои стихи отец почти никогда не читал, по-моему, относился к ним довольно иронически, насмешливо цитировал слова известного коллекционера Жиркевича: «Что же это вы, Сергей Павлович, порядочный человек, а пишете как Демьян Бедный». Охотно читал лишь некоторые стихи – те, что принадлежали его студенческой молодости: «Модистку Нину» и «Песню о Зинке», которую когда-то очень любили жители нашего города. «Песню о Зинке» лучше, чем папа, читал бывший папин ученик – заслуженный артист РСФСР Матвей Филиппович Шарымов.

Много мне отец рассказывал об эпизодах литературной жизни Симбирска начала 1920-х годов, но её героев я уже почти никого не узнала: кто уехал, многие пали жертвами сталинских репрессий, кто погиб на фронте...

Нельзя сказать, что отец воспитывал меня каждодневно, следил за моей учёбой или поведением. Оценки были порой неожиданными, но запоминались на всю жизнь. Убежала с собрания в школе – это прощается легко, т. к. признаюсь, что ходила в кино на «Маскарад». Посмеялась над глухим стариком-преподавателем – отец, всегда такой весёлый, снисходительный и добрый, говорит со мной с горечью и презрением. Навсегда остается сознание: нельзя обижать того, кто слабее.

Со всеми вечными и детскими вопросами шла к отцу. В первые месяцы войны какие-то разговоры взволновали меня, 14-летней, и я спросила: «А что такое антисемитизм?» Разговор был долгий – об Иисусе Христе, о Спинозе, о деле Дрейфуса, о Левитане и Короленко, о Ботвиннике и Эренбурге, о папином ученике Мише Быховском, уже воевавшем два месяца. Разговор закончился так: «Ты видишь, антисемиты – люди или глупые, или подлые. Не дружи с ними и никогда не подавай им руки».

При обширнейших литературных познаниях отца как-то получилось, что он очень мало знал стихи А.А. Ахматовой, которая была моей любимой поэтессой. ...1946 год. После обеда отец отдыхает и читает в газетах постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» и позорный доклад Жданова. Зовёт меня и

Сергей Храмов

Песня о Зинке

*Много звёздочек у Бога,
Много в поле ячменя,
А на Волге много-много
Красных девок, краше дня.
Наши девушки – картинки,
Бело-светлые цветы,
Только краше смуглой Зинки
Не найдёшь на Волге ты.
Ах, какой у ней румянец,
А глаза... как есть – миндаль...
Мне бы ехать – я казанец,
Да расстаться с Зинкой жаль.
Эх, когда бы мне не ехать
В Казань – родину мою,
Я совсем не стал бы ехать
Да корить судьбу свою.
Пел бы песни, что есть мочи,
Духом мигом бы воскрес!
И с утра до поздней ночи
С Зинкой – в поле,*

с Зинкой – в лес...

*Веселиться бы с желанной,
Над соперником шутить
И, обняв её неожиданно,
На минуту тихим быть.
Пусть в ушах грохочут трубы,
Тьма в глазах,*

а в сердце – шквал –

*В красно-огненные губы
До забвенья б целовать!
Наши девушки – картинки,
Нежных яблонь светлый цвет,
Только всё же лучше Зинки,
Краше Зинки девки нет.*

просит читать стихи А.А. Ахматовой. Одно, другое, третье... Просит: «Ещё, ещё...» Потом, помолчав, говорит: «Гениальная поэтесса». И газеты брезгливо бросаются па пол.

Бесспорно, актом воспитания было и то, что известное (а моему поколению вовсе не известное) завещание В.И. Ленина отец мне прочитал в конце 1945-го или в начале 1946 года. (Где достал? Как рисковал!)

А вообще-то отец был остроумен, любил хорошую шутку, меткое слово, острый анекдот. Когда мама замечала, что у пальто оторвана вешалка или пуговица, отец парировал: «И в рубище почтенна добродетель». О какой-то начальственной даме с тоской говорил: «Троечница. Она всегда была троечницей».

О людях очень редко отзывался плохо, даже о тех, кого не любил, не уважал, которые портили ему жизнь. Он начинал как-то опасливо сторониться их и старался забыть. А справившись с этим, приходил в своё обычное хорошее настроение и напевал свою любимую песню: «Легко на сердце от песни весёлой».

Странно, что в отце соединялись слабость характера (в доме командовал не он, на работе не всегда мог отстоять своё) с удивительным терпением и мужеством. Он очень любил своего последнего врача В.И. Тимошенко и поразил её и медицинских сестёр тем, что во время операции, которая шла под местным наркозом больше часа, непрерывно читал стихи. Сестричка после операции спрашивает: «Вам больно?» Он через силу улыбнулся и ответил: «Так ведь мученики не так терпели».

Отец не просто был терпелив, он обладал тем незаметным мужеством интеллигента, который не перекладывает свои несчастья и боли на других.

Мне до сих пор недостаёт отца – его прекрасного чтения стихов, его смеха, стука шахматных фигур о деревянную доску. До сих пор ловлю себя на мысли, когда сталкиваюсь с чем-то неизвестным или забытым: «Надо папу спросить...» И о том, что такое демократический социализм, и о том, как раньше называлась улица Островского, и о забытом авторе вспомнившихся строчек...